

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1904.

№ 4.

ФЕВРАЛЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

Рѣчь военнаго, отправляющагося на Дальній Востокъ. *Превосвященнаго Стефана, Епископа Сумскаго* 188—186

Очеркъ архиепископской дѣятельности Высокопреосвященнаго Арсенія (Брянцева), Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, во время его пятнадцатилѣтняго управленія Казанскою епархією, въ связи съ общими обзоромъ его святительскаго служенія (продолженіе). *Леонида Ваврецова* 187—198

Ученіе социалстовъ о возможности христіанскаго краіеученія на экономической почвѣ. (Апологетическій этюдъ). *Семъ А. Юрмаса* 198—252

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Богъ, какъ первая причина бытія, съ философской и естественно-научной точки зрѣнія (продолженіе). *В. Голубева* 128—147

Религіи Ницше въ критическомъ изложеніи Альфреда Фюлье. (Переводъ съ французскаго Д. Введенскаго) (окончаніе). * * * 148—170

III. ИЗВѢСТІЯ ПО ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. I. Высочайшія приказы.—Отъ Харьковской Духовной Консистеріи.—Епархіальныя извѣщенія.—Списокъ вакантныхъ профоргическихъ мѣстъ при церквяхъ Харьковской епархіи.—Прокъ Угана Отдѣленія Епархіальнаго Сиротскаго Приюта въ слободѣ Дергачахъ.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Жалскаго училища за 1902—1903 учебный годъ.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи. II. Всеподданнѣйшее письмо Митрополита Московскаго и Коломенскаго Владимира.—Пошла, Боже, помощь!.. *И. Смородина*.—Къ вопросу о христіанскомъ погребеніи самоубійцы. *Павла Дементова*.—Чего требуютъ наши крестьяне отъ своего приходскаго пастыря. *М. Т.*—Религіозно-нравственныя чтенія въ г. Харьковѣ за 1903 г. *Семъ Никола*.—Куряжская обитель и ея Георгіевско-Петро-Павловскій Храмъ (1673—1903 г.г.) (продолженіе). *Превосвященнаго Стефана, Епископа Сумскаго*.—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петроускій пер., д. № 17.

1904.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. **Отдѣлъ церковный.** Въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. **Отдѣлъ философскій.** Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлая мысль языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Извѣстія по Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ **ДВА РАЗА** въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣтной лавкѣ Харьковского Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ „Новаго Времени“, во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія лннїи, въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ „Новаго Времени“. Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры всѣхъ изданій за прошлые 1884—1889 годы ввлючительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 р. за 1890—1896 г., по 8 р. за 1897—1901 годы. За 1902 г.—9 р. и 1903 г. 10 рублей. Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 135 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современныя софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Брентано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. БЕСѢДЫ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. Благочинными Харьковской епархіи. 1903 г. Цѣна 25 к. съ пересылкою.

Πίστις νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 29 Февраля 1904 года.

Цензоръ Протоіерей *Павелъ Солнцевъ.*

РѢЧЬ

Преосвященнаго Стефана, Епископа Сумскаго,

воинамъ, отправляющимся на Дальній Востокъ *).

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Христолюбивые воины! Напутствуемые молитвами и благословеніями Св. Церкви, вы выступаете въ далекую окраину нашу на защиту отечества отъ дерзкаго нападенія коварныхъ и безчестныхъ язычниковъ. Давно уже нашему россійскому побѣдоносному воинству не приходилось обнажать своего страшнаго врагамъ меча, ибо уже болѣе 25 лѣтъ отечество наше пользовалось вождедѣльнымъ миромъ, вмѣстѣ съ славою и честью во всѣхъ странахъ свѣта, у всѣхъ ближнихъ и дальнихъ народовъ. Оно было страшно и для самыхъ могущественныхъ враговъ. Но вотъ ничтожный доселѣ японскій народъ, подстрекаемый и вспомогаемый врагами и завистниками нашего великаго отечества, презрѣвъ правила чести и международнаго долга, безъ объявленія войны, коварнымъ разбойническимъ образомъ и съ наглою дерзостью напалъ на насъ, и теперь съ многочисленнымъ войскомъ готовъ вторгнуться въ наши предѣлы, чтобы завладѣть нашимъ достояніемъ, чтобы унижить обезславить Россію предъ всѣмъ свѣтомъ, чтобы нанести намъ какъ можно больше вреда. Злобный врагъ нашъ рѣшилъ добиваться сего до потери послѣдней капли крови. Въ лицѣ врага этого и его пособниковъ мы видимъ обычныхъ исконныхъ враговъ вѣста Христова, всею злобою своею обрушившихся на Церковь Христову еще при первомъ ея появленіи въ мірѣ. Эта злоба къ отечеству нашему, какъ хранителю чистой вѣры

*) Сказана 12-го февраля 1904 года въ Харьковскомъ кафедральномъ соборѣ послѣ напутственнаго молебствія, при врученіи св. иконъ воинамъ.

православной, какъ опорѣ Церкви Христовой, руководить ими и теперь, воодушевляеть ихъ на неравную борьбу,—борьбу на жизнь и смерть.

Если язычники, не имѣющіе упованія жизни вѣчной, ради только удовлетворенія алчности своей и земной скоропреходящей славы, ради удовлетворенія злобы своей противъ насъ, рѣшили пожертвовать послѣднею каплею крови; если они для пріобрѣтенія своему отечеству не принадлежащаго имъ достоинства рѣшили достигъ своего или погибнуть на вѣки; если они, нападая на насъ, которые ничѣмъ не угрожали ихъ отечеству, идутъ въ бой съ нами, не жалѣя жизни,—то что же мы можемъ думать иное о нашемъ доблестномъ воинствѣ, какъ не то, что за цѣлость, честь и величіе отечества—святой Руси,—за славу благочестивѣйшаго Государя нашего, за святую вѣру и крестъ Христовъ, за защиту своего собственнаго достоинства, оно готово быть въ тысячи разъ храбрѣе, мужественнѣе, неустрашимѣе врага нашего; что оно не на словахъ, а на дѣлѣ готово и кровь свою, и жизнь свою принести на алтарь отечества!

Язычникъ, сражаясь за отечество, чѣмъ можетъ утѣшать себя на случай смерти въ своемъ самопожертвованіи? Ничѣмъ, кромѣ того, что онъ, какъ одно изъ животныхъ, лично погибаетъ на вѣки за дѣйствительное или мнимое благо отечества. Но христіанскій воинъ, кромѣ подобнаго же сознанія, что онъ борется за благо, честь и славу вскормившаго его отечества, имѣетъ еще утѣшеніе въ обѣтованіи жизни вѣчной, въ наслѣдіи нетлѣннаго вѣнца на небесахъ. Ибо Самъ Спаситель нашъ сказалъ, что *нѣтъ больше той любви, какъ если положитъ кто душу свою за друзей своихъ* (Іоан. 15, 13). Слѣдовательно, христіанскій воинъ, выступая на брань за отечество и готовясь положить за него самую жизнь свою, симъ самымъ восходитъ на верхъ совершенства христіанскаго, становится на высшую ступень христіанской любви къ ближнимъ своимъ. Но вы идете сражаться не только за ближнихъ, но и за самый крестъ Господень, за праотеческую вѣру нашу православную, ибо враги наши—нагле безбожные язычники, конечно, въ случаѣ побѣды, не окажутъ святому кресту и вѣрѣ нашей святымъ храмамъ нашимъ ничего иного, кромѣ посмѣянія и

поруганія. И такъ, не за достояніе отечества только, не по любви только къ ближнимъ вы идете сразиться, но и за достояніе Христова, но и по любви къ Матери Церкви своей и Богу Спасителю нашему. И какое можетъ быть сомнѣніе въ великомъ воздаяніи за эту любовь отъ Господа въ ожидающей насъ вѣчной жизни!

Такимъ образомъ, какое неопѣненное великое утѣшеніе имѣете вы, какъ христіане, на случай смерти за вѣру, Царя и отечество! Какъ сладко умирать съ мыслию о вѣнцѣ небесномъ, обѣщанномъ полагающимъ душу свою за други своя! Но вы имѣете и еще бѣльшее утѣшеніе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ лицѣ студныхъ японцевъ движется на насъ праведный гнѣвъ Божій за умноженіе грѣховъ и беззаконій въ отечествѣ нашемъ. И если Господь отвратитъ лице Свое отъ насъ, то напрасны и превосходство наше надъ врагомъ, и мужество воиновъ нашихъ, и ихъ смертоносныя оружія! Но есть средство умилоствитъ праведный гнѣвъ Господа, указанное намъ словомъ Божиимъ и уже неоднократно испытанное отечествомъ нашимъ. Это общее покаяніе и принесеніе себя нѣкоторыми изъ насъ въ жертву умилоствленія за всѣхъ правосудію Божію. Какъ Христосъ Спаситель нашъ принесъ Себя въ жертву за грѣхи міра—Праведникъ за неправедныхъ, и тѣмъ одинъ отвратилъ гнѣвъ Божій отъ всѣхъ сыновъ Адама, такъ и вы, если то нужно будетъ, приносите жизнь свою, именно какъ жертву умилоствленія за грѣхи своего отечества. Это отвратитъ отъ него гнѣвъ Божій, а самопожертвованіе ваше будетъ не только подвигомъ гражданской доблести, но и величайшимъ подвигомъ религіознымъ, подобнымъ подвигу Сына Божія, принесшаго Себя въ жертву за грѣхи людей, Котораго за то и Богъ превознесъ и далъ Ему имя, еже паче всякаго имени (Филипп. 2, 9). Что можетъ быть выше этого? И что болѣе можетъ утѣшить воина, грядущаго на брань, что болѣе рѣшительнѣе можетъ воодушевить его мужествомъ и крѣпостію на враговъ, какъ не мысль и желаніе уподобиться Самому Сыну Божію?! Вотъ почему воинство наше было всегда непобѣдимымъ, вотъ гдѣ,—въ этой высочайшей религіозной любви къ отечеству и ближнимъ,—тайна всегдашняго успѣха нашего христолюбиваго воинства.

Но для чего я говорю вамъ все о смерти? Для того, что войнамъ, идущимъ на брань, нельзя не быть готовыми къ ней: безъ этой готовности не бываетъ полного мужества—залога побѣды. Потому-то вамъ надлежитъ быть мужественными до готовности на смерть, чтобы побѣдить врага! Объ этой побѣдѣ вашей надъ врагомъ и супостатомъ нашимъ мы будемъ непрестанно молить Господа съ крѣпкимъ воплемъ и воздыханіями, съ покаяніемъ во грѣхахъ своихъ, и не только о побѣдѣ вашей будемъ молить Господа, но и о вашей невредимости и непреоборимости отъ врага, о вашемъ во здравіи и благополучіи возвращеніи сюда съ честью, славою и почетнымъ миромъ для отечества. Въ знаменіи же этихъ непрестанныхъ молитвъ о васъ и въ благословеніе свыше на подвигъ вашъ ратный примите отъ насъ, пастырей и гражданъ харьковскихъ, сіи святыя иконы Пречистой Матери Божіей, архистратига Божія Михаила, святителя Николая Чудотворца и великомученика Георгія Побѣдоносца. Да хранитъ васъ Господь Спаситель нашъ, и силою креста Своего да прогоняетъ враговъ вашихъ видимыхъ и невидимыхъ, да воодушевляетъ васъ на подвиги мужества и самопожертвованія за отечество! Да охраняетъ васъ покровомъ святыхъ молитвъ своихъ Пречистая Мать Его, и Ея молитвы да будутъ вамъ щитъ непобѣдимъ отъ враговъ вашихъ. Да охраняютъ васъ кровомъ невещественныхъ крылъ своихъ архистратигъ Божій Михаилъ и всѣ небесныя силы, да погонятъ они и поразятъ предъ лицомъ вашимъ враговъ вашихъ! Святитель Божій Николай, побѣды тезоименитый и всѣхъ притекающихъ къ нему крѣпкое забрало, нарочитый покровитель нашего отечества и крѣпкій защитникъ рода христіанскаго, да будетъ вашимъ ходатаемъ предъ Богомъ, заступникомъ и избавителемъ отъ бѣдъ! Святый Побѣдоносецъ Георгій да побѣждаетъ съ вами нечестивыхъ враговъ нашихъ! Благодать Божія, чрезъ освященіе низведенная свыше на сіи иконы, да осѣняетъ васъ въ пути вашемъ и въ брани съ врагами! Буди же благословеніе Божіе на всѣхъ васъ! *Вы же, повторю еще напутствіе Церкви, мужайтесь, и да крѣпится сердце ваше и уповайте на Господа, яко Той побѣдитъ враги наша. Аминь.*

Епископъ Стефанъ.

О Ч Е Р К Ъ

архипастырской дѣятельности Высокопреосвященнаго Арсенія (Врянцева), Архієпископа Харьковскаго и Ахтырскаго, во время его пятилѣтняго управленія Казанскою епархією, въ связи съ общимъ обзоромъ его святительскаго служенія.

(Продолженіе *).

ГЛАВА III.

Прибытіе Архієпископа Арсенія въ Казань, ознакомленіе его съ подвѣдомственными ему учрежденіями и его забота о Каѳедральномъ соборѣ, Духовной Консисторіи и Архіерейскомъ домѣ.

Описаніе прибытія. Слово при вступленіи. Первые впечатлѣнія. Первые посѣщенія духовно-учебныхъ и свѣтскихъ учебныхъ заведеній Казани. Каѳедральный соборъ, Духовная Консисторія, Архіерейскій домъ въ Казани. Заботы о благоустройствѣ ихъ. Обнаружившіяся трудности служенія.

Еще ранѣе назначенія на Казанскую святительскую каѳедру Высокопреосвященный Архієпископъ Арсеній посѣтилъ г. Казань. По порученію Святѣйшаго Синода, онъ совершилъ здѣсь прежде всего погребеніе въ Бозѣ почившаго Архієпископа Казанскаго Владиміра (Петрова), а затѣмъ нареченіе и хиротонію во Епископа Чебоксарскаго о. ректора Казанской духовной академіи, архимандрита Антонія (Храповицкаго) ¹⁾. Назначеніе Его Высокопреосвященства на каѳедру Казанской епархіи, состоялось, какъ сказано выше, 4-го окт., а прибытіе въ Казань— 12-го ноября.

Встрѣча Высокопреосвященнаго въ Казани высшими представителями мѣстной администраціи и многочисленными толпами народа была очень торжественна. Выслушавъ привѣтствіе, Владыка благословилъ встрѣчавшихъ, поблагодарилъ ихъ

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1904 г. № 2.

¹⁾ Нынѣ епископъ Житомирскій и Волынскій.

и затѣмъ, при колокольномъ звонѣ, отбылъ сначала въ Казанскій дѣвичій монастырь, гдѣ, послѣ обычной встрѣчи, прикладывался къ чудотворной иконѣ Казанской Божіей Матери, а затѣмъ—въ Кааедральный соборъ. Послѣдній былъ уже переполненъ городскимъ духовенствомъ, лицами встрѣчавшими Владыку на станціи, и другими жителями г. Казани, желавшими взглянуть на своего новаго Архипастыря и принять его святительское благословеніе.

При вступленіи въ соборъ Владыка былъ встрѣченъ всемъ духовенствомъ, кааедральнымъ протоіереемъ—съ крестомъ, о. благочиннымъ—съ иконою св. Гурія, Казанскаго чудотворца, подносиною Высокопреосвященному отъ Казанскаго духовенства, ключаремъ собора съ св. водою. Облачившись въ архіерейскую мантию, Владыка поцѣловалъ св. крестъ и окропилъ себя и народъ св. водою. Затѣмъ онъ былъ привѣтствованъ рѣчью кааедральнаго о. протоіерея Е. А. Малова, въ которой послѣдній, отъ лица духовенства, выразилъ прежде всего благодареніе Богу и радость новыхъ пасомыхъ Высокопреосвященнаго по поводу его благополучнаго прибытія въ Казань. „Казанская паства, говорилъ онъ, съ радостію узнала о Высочайшемъ Монаршемъ назначеніи Васъ въ Казань на святительское служеніе. Причина этой радости заключалась въ томъ, что эта паства, хотя и не долго, но имѣла счастье видѣть Васъ въ этомъ благолѣпномъ Кааедральномъ соборѣ во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, слышать здѣсь Вашъ Архипастырскій голосъ при Богослуженіи и, съ благословеніемъ отъ Васъ, вынести то отрадное впечатлѣніе, которое производило во всѣхъ насъ желаніе видѣть Васъ здѣсь преемникомъ почившаго о Господѣ Архіепископа Владиміра, котораго, какъ Вы изволили сказать, „по неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла Божія, пришлось Вамъ проводить въ могилу своимъ служеніемъ и молитвами“. Сердечныя желанія паствы Казанской въ настоящее время осуществились. Мы снова зрямъ Васъ въ этомъ храмѣ, но уже не какъ временно посѣтившаго Казань гостя, но какъ желаннаго Архипастыря и Отца. Здѣшній край потребуеть отъ Васъ, если не бѣльшихъ, то и не меньшихъ трудовъ и заботъ, какими ознаменовано было, сколько

намъ извѣстно, Ваше Архипастырское служеніе въ Западномъ краѣ, въ епархіи Рижской, и мы радуемся Вашему прибытію къ намъ потому, что многотрудная жизнь Ваша на прежнемъ мѣстѣ служенія становится прочнымъ основаніемъ для надежды нашей, что и среди насъ святительское служеніе Ваше послужитъ къ укрѣпленію въ нашихъ сердцахъ и расширенію въ здѣшнихъ предѣлахъ Христовой вѣры, къ насажденію благочестія и улучшенію жизни общества по духу той же Христовой вѣры, лучше же сказать—служеніе Ваше будетъ всецѣло клониться къ спасенію душъ нашихъ“. Въ заключеніе своей рѣчи о. протоіерей просилъ Его Высокопреосвященство принять отъ всего духовенства Казанской епархіи икону св. Гурія, покровителя и молитвенника страны Казанской.

По выслушаніи привѣтственной рѣчи, Высокопреосвященный облобызалъ поднесенный ему св. образъ и, принявъ посохъ, направился, при пѣніи пѣвчими „Достойно есть“, въ алтарь. Сдѣлавъ земной поклонъ св. престолу и приложившись къ нему, а затѣмъ—къ мѣстнымъ иконамъ и мощамъ св. Гурія, Владыка выслушалъ молебное пѣніе, „чинъ“ встрѣчи преосвященныхъ архіереевъ. По возглашеніи обычнаго многолѣтія, новый Казанскій Архипастыръ обратился съ слѣдующею живою рѣчью къ своимъ пасомымъ.

„Не безъ смущенія я восхожу на кафедру Казанской епархіи. На новомъ мѣстѣ служенія естественно отъ меня требуются особые труды и новыя силы. Но многолѣтнее служеніе мое на разныхъ поприщахъ—не легкихъ, потребовавшихъ отъ меня не мало трудовъ, силъ и здоровья, и приблизившееся время старости даютъ мнѣ чувствовать оскудѣніе крѣпости силъ моихъ. А Казанская епархія, въ дѣлѣ управленія ею, какъ обширная, разновѣрная и разноплеменная и многосложная по дѣламъ, требуетъ отъ архипастыря силъ и энергіи не мало. Что я могу обѣщать ей?... Развѣ только свою готовность трудиться по мѣрѣ силъ своихъ и умѣнья,—развѣ только свое желаніе дѣлать все ко благу Церкви Христовой и для спасенія Богомъ врученныхъ мнѣ новыхъ чадъ,—развѣ только въ предстоящихъ мнѣ трудахъ обѣщаніе: *ей, Богу содѣйствующу*.

„Но при этомъ смущеніи утѣшаетъ меня то, что Казанская

епархія древняя, хотя съ разновѣрнымъ и разноплеменнымъ населеніемъ, но съ утвердившимся православіемъ,—что она мудрыми іерархами, моими предшественниками, благоустроена, и что довольно будетъ съ меня, если я съумѣю поддержать и продолжить то, что ими сдѣлано и что ими начато. А главное, меня утѣшаетъ то, что Казанская епархія находится подъ особымъ покровомъ Божіей Матери и святыхъ угодниковъ Божіихъ—Святителей Казанскихъ.

„Сила Божія въ немощахъ совершается...“

„Вѣрую, что эта сила подкрѣпитъ мою немощь и просвѣтитъ меня среди недоумѣній и затрудненій въ великомъ дѣлѣ служенія Казанской паствѣ. Вѣрую также, что чрезъ Казанскую чудотворную икону Божіей Матери ¹⁾, съ дѣтства мною почитаемую, какъ орудіе великихъ милостей и покровительства Божіей Матери не только граду Казани и Казанской области, но и всему Русскому царству,—чрезъ чудотворную Смоленскую икону Божіей Матери ²⁾—эту дорогую святыню дорогой моей родины,—чрезъ такія же иконы Тихвинской ³⁾ и Грузинской ⁴⁾ Божіей Матери, святителя Христова Николая Чудотворца ⁵⁾ и преподобнаго Сергія Радонежскаго ⁶⁾, ниспадетъ и на меня—смиреннаго—капля благодати Божіей, подкрѣпляющей слабыя силы, наставляющей и руководящей въ дѣлѣ собственнаго спасенія и спасенія другихъ чрезъ мое смиреніе. А прославленные Богомъ святители Казанскіе Гурій, Варсофій и Германъ, вѣрую, ревнуя о благѣ своей паствы, не оставятъ меня безъ своихъ внушеній для дѣянія на пользу поручаемой Господомъ моему управленію Казанской епархіи и для спасенія новыхъ моихъ чадъ. Поистинѣ такой богатый источникъ благодати и милости Божіей, обильно текущій среди Казанской паствы, въ дѣлѣ церковнаго управленія для моего вѣрующаго сердца самый утѣшительный и благонадежный. И я потщусь воспользоваться имъ для нашего взаимнаго спасенія.

¹⁾ Въ Казанскомъ женскомъ монастырѣ.

²⁾ Въ Седміезерной пустыни.

³⁾ Въ Цивильскомъ женскомъ монастырѣ.

⁴⁾ Въ Рапеской пустыни.

⁵⁾ Въ с. Ишакахъ, Козмодемьянскаго уѣзда. ⁶⁾ Въ Свіяжскомъ монастырѣ.

„Но при этомъ не могу не предположить, что и паства Казанская, имѣя въ средѣ своей такъ много святыхъ, находясь подъ особымъ покровомъ Божіей Матери и имѣя полную возможность пользоваться такимъ обильнымъ источникомъ благодати Божіей для своего спасенія, отличается вѣрою и христіанскою любовію, благочестіемъ и добрыми дѣлами. А что можетъ быть утѣшительнѣе для пастыря Церкви, какъ не благочестіе его пасомыхъ?... Мнѣ будетъ весьма пріятно, если я буду видѣть у своихъ новыхъ пасомыхъ усердіе къ храмамъ Божіимъ и къ богослуженію и вниманіе къ проповѣдывающему имъ слово Божіе, и если духовенство будетъ отправлять богослуженіе благоговѣнно и тщательно, и если при богослуженіи будетъ пѣніе не утѣшительное только слухъ, а *древне-церковное*, хотя простое, но стройное и пріятное, а чтеніе внятное и толковое. Благоговѣнно отправляемое богослуженіе, съ пріятнымъ пѣніемъ и хорошимъ чтеніемъ, есть самое лучшее и вѣрное средство для усиленнаго дѣйствія на душу человѣка. Мнѣ утѣшительно будетъ, если я буду слышать и знать о добрыхъ нравахъ и святыхъ обычаяхъ своихъ пасомыхъ, о строгомъ выполненіи ими церковныхъ уставовъ. Все это въ пастырскихъ трудахъ—самое лучшее облегченіе и поощреніе, способное вызвать пастыря Церкви на самоотверженные подвиги для его пасомыхъ.

„Наконецъ, въ утѣшеніе себя при вступленіи на Казанскую кафедру, не могу не предположить, что новые пасомые мои, и особенно мои сослуживцы и сотрудники, вмѣстѣ съ доброю вѣрою и благочестіемъ, имѣютъ взаимную любовь другъ къ другу, каковыя особенно желательны между пастырями и пасомыми,—согласіе и единомысліе, взаимную помощь и совмѣстный трудъ въ дѣлѣ вѣры и нравственности, въ утвержденіи и распространеніи святой православной вѣры Христовой, въ построеніи храмовъ Божіихъ и въ устроеніи другихъ церковныхъ дѣлъ, въ поддержаніи доброй нравственности, въ развитіи добрыхъ привычекъ, въ почитаніи праздниковъ, соблюденіи постовъ, въ поддержаніи благоприличія и благоповеденія въ народѣ и мн. др. Эту любовь вашу, взаимную помощь, и совмѣстный трудъ, особенно пастырей Церкви—моихъ новыхъ сослуживцевъ и ближайшихъ сотрудниковъ, я отъ всей души

желаю перенести и на себя. Архіерей есть высшій совершитель богослуженія и таинъ Божіихъ,—строитель дѣлъ церковныхъ въ той или другой области; но не одинъ, а съ сопастырями и со всѣми своими духовными чадами. Церковь, которую составляютъ архипастырь, пастыри и пасомые, есть живой духовный организмъ, въ которомъ всѣ члены должны работать и выполнять свое назначеніе въ единеніи и согласіи; а если сего нѣтъ,—то, значитъ, въ организмѣ есть члены больные, негодные, которые надобно лѣчить или удалять. Этого-то совмѣстнаго труда и совмѣстной дѣятельности на нивѣ Христовой и я, возлюбленные братіе, желаю отъ всѣхъ васъ, и особенно отъ пастырей, и, не сомнѣваясь въ вашей ревности по Богу и о спасеніи вашемъ, надѣюсь на вашу помощь въ великомъ дѣлѣ устроенія церковной жизни Казанской епархіи.

„Еще два слова: въ Казанской епархіи есть не мало иноческихъ обителей: да будутъ онѣ особенными свѣточами православія, ярко свѣтящими образцовымъ богослуженіемъ, благочестіемъ, высокою нравственностію и подвижничествомъ. При этомъ условіи широкою рѣкою будутъ течь въ обители наши всѣ вѣрующіе—труждающіеся и обремененные житейскою суетою, скорбями и бѣдствіями, ища подъ сѣнію ихъ успокоенія и отрады. Но горе живущимъ въ обителяхъ и правящимъ ими, если они не отвѣтствуютъ своему призванію, *угли огненные они собирали на главы свои...*

„Возлюбимъ другъ друга, да единомыслиемъ исповѣмся Отца и Сына и Святаго Духа и православную Церковь Христову съ ея святыми уставами. Дажь намъ, Господи, едиными усты и единымъ сердцемъ славить и воспѣвать всесвятое Имя Твое и во святой Церкви Твоей все строить во славу Твою для спасенія нашего!...

„Отъ полноты молитвенно-благожелательнаго сердца моего призываю благословеніе Божіе на васъ и въ лицѣ вашемъ и на всю Казанскую паству: *благословеніе Господне на васъ, Того благодатію и человеколюбіемъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь*“¹⁾.

¹⁾ Высвопреосвященнѣйшій Арсеній, Архіепископъ Казанскій и Свіяжскій. Первые дни архипастырскаго служенія въ Казани. Оттискъ изъ „Правосл. Собесѣдника“ в „Извѣстій по Казанской епархіи“ за 1897 г. Стр 11—15.

Преподавъ затѣмъ всѣмъ присутствовавшимъ свое архипастырское благословеніе, Высокопреосвященный прослѣдовалъ въ архіерейскій домъ. Здѣсь къ приходу Владыки собрались: Преосвященный Антоній, Епископъ Чебоксарскій, начальникъ губерніи и другіе представители администраціи. При входѣ въ покои Архіепископу были поднесены соборнымъ старостою и обществомъ хоругвеносцевъ хлѣбъ-соль. Высокопреосвященный всѣхъ благословилъ и удостоилъ милостивой бесѣдой.

На другой день происходило представленіе Его Высокопреосвященству всего городского духовенства, академической корпораціи во главѣ съ Преосвященнымъ ректоромъ академіи, Епископомъ Антоніемъ, начальниковъ и преподавателей духовной семинаріи, духовнаго мужскаго училища, корпораціи женскихъ духовныхъ училищъ, членовъ консисторіи съ ея секретаремъ, епархіальнаго училищнаго Совѣта и другихъ корпорацій. Принявъ почетные рапорты, Владыка благословилъ представлявшихся и удостоилъ ихъ *живымъ* словомъ, въ которомъ призвалъ всѣхъ достойно нести возложенныя на нихъ обязанности, блюсти законы, уставы и обряды, заботиться, по мѣрѣ силъ, о возрастаніи въ епархіи *духа церковности*, и общалъ во всѣхъ благопотребныхъ случаяхъ съ полнѣйшею готовностію дѣлать все, что должно служить на пользу Церкви, общества и въ частности своихъ новыхъ пасомыхъ и просилъ всѣхъ принять его съ миромъ, любовію и довѣріемъ.

14-го ноября, въ день рожденія Благочестивѣйшей Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній совершилъ первую литургію и молебствіе въ Казанскомъ кафедральномъ соборѣ. Въ положенное время Владыка произнесъ слово о необходимости „въ челоуѣколюбивомъ примѣрѣ Царицы—Матери нашего возлюбленнаго Монарха усвоивать истинное значеніе земной жизни каждаго изъ насъ“¹⁾. „Долгъ вѣрноподданныхъ, такъ началъ Архипастырь свое слово, всегда молиться Богу о своихъ Государяхъ, а особенно—въ царскіе дни, каковъ настоящій. Вознесемъ же ко Господу наши молитвы о здравіи и многолѣтніи Государыни

¹⁾ Тамъ же, стр. 18 и сл.

Императрицы Маріи Теодороны—Царицы-Матери нашего возлюбленнаго Монарха, бывшей великой спутницы жизни въ Бозѣ почившаго Императора Александра III—Царя Миротворца. Она способствовала славі Его царствованія и была украшеніемъ Его семейной жизни, а для Сына—Царя нашего—Она, вмѣстѣ съ Августѣйшею Супругою Его, составляетъ утѣшеніе и успокоеніе среди великихъ царскихъ трудовъ. Ея жизнь посвящена теперь Своимъ дѣтямъ и тысячамъ дѣтей, особенно сиротствующимъ, воспитывающимся въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ. Жизнь благочестивой Государыни, начавшаяся въ сей день года, поддерживаетъ тысячи, десятки тысячъ жизней, и потому, умножая нашу радость объ этомъ благодѣтельномъ днѣ рожденія общей благодѣтельницы, въ то же время наводитъ нашу мысль на болѣе общее разсужденіе о рожденіи человѣка въ грѣшный міръ сей и о жизни человѣческой вообще“. Изложивъ затѣмъ христіанское ученіе о цѣли рожденія человѣка въ міръ, назначеніи настоящей жизни и указавъ на то, что есть другой міръ и будетъ другая жизнь, для достиженія которой человѣкъ долженъ примѣнять средства, установленныя Спасителемъ, Главою Церкви, и исполнять заповѣданное св. Апостолами и ихъ преемниками, Высокопреосвященный закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами: „вотъ истиннѣйшій путь къ вѣчной жизни: *„расточи, даде убоимъ, правда его пребываетъ во вѣкъ вѣка“*. Вотъ путь къ тому, чтобы здѣшняя жизнь была приготовленіемъ къ будущей жизни небесной, къ вѣчному единенію съ Богомъ и со всѣми святыми въ безконечномъ блаженствѣ“.

16-го ноября Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній совершалъ второе служеніе въ Казанскомъ Каѳедральномъ соборѣ. По благочестивому русскому обычаю Владыка считалъ для себя священнымъ долгомъ, какъ это онъ высказалъ въ своемъ словѣ, помолиться за своихъ въ Бозѣ почившихъ предшественниковъ по святительской каѳедрѣ. Храмъ былъ переполненъ молящимися. Послѣ литургіи совершена была панъхида, предъ которой Высокопреосвященнымъ произнесено было трогательное слово, посвященное памяти архипастырей

Казанскихъ—Антонія, Павла и Владиміра. Въ этомъ словѣ Владыка съ большою подробностію охарактеризовалъ этихъ святителей и свои отношенія къ нимъ. „На святой Руси есть добрый обычай, говорилъ Высокопреосвященный, предварять свои важнѣйшія жизненные предпріятія молитвой: прежде всего о помощи Божіей, а потомъ объ упокоеніи своихъ родителей и другихъ близкихъ. Съ особеннымъ тщаніемъ исполняется русскими людьми этотъ добрый обычай при существенныхъ перемѣнахъ ихъ жизни: предъ бракомъ, переселеніемъ, поступленіемъ на должность. Они руководятся при семъ неложнымъ упованіемъ на то, что преставившіеся ихъ присные, утѣшаемые ихъ любовію, сами молятся Господу о помощи живущимъ. Слѣдуя сему обычаю, и я, смиренный, придя въ сей св. градъ для служенія архипастырскаго, возжелалъ послѣ первой молитвы ко Господу, послѣ поклоненія мѣстной святыни, помолиться вмѣстѣ съ вами, братіе, объ упокоеніи своихъ предшественниковъ по святительскому здѣсь сѣдалищу, какъ о своихъ духовныхъ родителяхъ или старшей братіи, несомнѣнно вѣруя въ силу ихъ молитвы за меня грѣшнаго,—и не за меня только. Не для меня только полезно и сіе зауспокойное моленіе; оно спасительно и назидательно и для васъ, братіе. Вы составляете паству послѣднихъ усопшихъ здѣсь іерарховъ, вы потомки паствы здѣшнихъ іерарховъ древнѣйшихъ, а потому вовсе не чужіе для тѣхъ и другихъ, но, напротивъ, самые близкіе имъ по духу чада. Когда вы поминаете ихъ здѣсь, они тамъ на небѣ ходатайствуютъ о васъ предъ Спасителемъ нашимъ, и конечно мы, грѣшные, еще болѣе нуждаемся въ ихъ святыхъ молитвахъ, нежели они, богатые всякими добродѣтелями,—въ нашемъ поминовеніи.

„Я назвалъ святителей Казанскихъ, продолжалъ Высокопреосвященный, своими отцами: такое наименованіе особенно приличествуетъ Владыкѣ Антонію и Владыкѣ Павлу, которые особенно были близки мнѣ и которыхъ, какъ я знаю, такъ высоко чтитъ паства Казанская, такъ горячо ихъ любитъ. При всякомъ напоминаніи о нихъ, мысль моя переносится въ далекое прошлое, къ годамъ моей юности, ко времени воспитанія моего въ Смоленской духовной семинаріи, когда оба эти святителя—одинъ въ званіи Смоленскаго архипастыря, а дру-

гой—моего ректора—принимали отеческое участіе въ моемъ положеніи. Такъ Владыка Антоній слѣдилъ за моими успѣхами въ семинаріи и указалъ мнѣ путь въ Кіевскую академію. Только благодаря его рублямъ, могъ я добратъся до Кіева и содержаться тамъ во время экзаменовъ, а потомъ пріѣзжать къ своимъ во время вакацій. Когда я былъ на службѣ священникомъ въ Кіевскомъ Институтѣ, то имѣлъ счастье видѣть святителя Антонія на юбилеѣ академіи. „А я слѣжу за вами“, ласково говорилъ онъ мнѣ. А потомъ еще черезъ нѣсколько лѣтъ, по принятіи мною монашества, онъ снова привѣтствовалъ меня. Какъ теперь помню, благостный, свѣтоносный ликъ его, его глубокій, ласкающій взоръ, его назидательную, его искреннюю одушевленную проповѣдь, его святолѣпное служеніе! Какъ любилъ я посѣщать соборъ во время его службы, вдохновляться его благоговѣйной молитвой, услаждаться его мудрыми, дѣйственными поученіями! Въ тѣ годы, говорилъ далѣе Владыка, Господь наградилъ Смоленскую паству высокими руководителями! Чудная была двойца—Епископъ Антоній и Архимандритъ Павелъ, объединенные взаимною любовію, довѣріемъ, уваженіемъ и добродѣтельною жизнію. Я уже былъ ученикомъ семинаріи, когда она ожидала съ великимъ нетерпѣніемъ и съ наилучшими надеждами—вновь назначеннаго молодого ректора Павла. Надежды эти основывались на добрыхъ слухахъ о немъ изъ Петербурга. Но дѣйствительность превзошла надежды. Не только семинарія, но весь Смоленскъ спѣшили туда, гдѣ ожидали слышать его слово, а мы, ученики, съ замираніемъ сердца ожидали его входа въ классъ съ его плавною рѣчью, съ его мудрыми разъясненіями нравственнаго богословія. Я пользовался его особымъ расположеніемъ во время своего обученія въ семинаріи, а по окончаніи ея получилъ отъ него, какъ и отъ своего Архипастыря, помощь для поступленія въ академію и продолженія въ ней курса. Когда Преосвященный Павелъ отправлялся на Кишиневскую паству, то я съ нетерпѣніемъ ожидалъ его проѣзда чрезъ Кіевъ и, какъ сейчасъ помню, насколько былъ обрадованъ возможностью присутствовать при служеніи его во святой Лаврѣ Кіевской на всеобщей подѣ Рождество Богородицы! Отечески бесѣдовалъ онъ со мною въ этотъ праздничный день и удостоилъ своимъ посѣще-

ніемъ мое жилище. Прошло 15 лѣтъ, и вотъ Господь сподобилъ меня принять его снова въ свое жилище гостемъ, но уже на цѣлый годъ; я тогда былъ ректоромъ Петербургской академіи и викарнымъ епископомъ, а онъ присутствовалъ въ Святѣйшемъ Синодѣ. Жилъ я съ нимъ подъ одной кровлей, питался одной трапезой, но больше питался духовною трапезой его мудрыхъ бесѣдъ, утѣшался вмѣстѣ съ нимъ воспоминавіями о дняхъ прежнихъ. Изъ подъ академической кровли Владыка Павелъ и выѣхалъ на сію Казанскую паству, а я еще нѣсколько раньше былъ посланъ для управленія паствою Рижской. Тамъ я нерѣдко получалъ дорогія мнѣ письма отъ усопшаго святителя; послѣднее изъ этихъ писемъ было составлено имъ за 12 дней до его кончины. Никогда не забуду я этого духовнаго руководителя своего и друга. Кто не цѣнилъ его свѣтлый умъ, кто не уважалъ его за его открытый, благородный характеръ, за трудолюбіе, за твердую волю, за неустрашимое мужество? Можно ли было не любоваться его благолѣпнымъ служеніемъ, не увлекаться его вдохновеннымъ, краснорѣчивымъ словомъ? Менѣе былъ я знакомъ съ усопшимъ недавно Преосвященнымъ Владиміромъ. Только однажды имѣлъ я утѣшеніе принимать его въ Петербургѣ и пригласить его для служенія литургіи въ дорогомъ для насъ обоихъ храмѣ Петербургской академіи. Тогда онъ произвелъ на меня самое отрадное и глубокое впечатлѣніе своею задушевностью, своею духовностью, своею апостольскою простотою. Это было 10 лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ мы не видались, пока я не узрѣлъ его во гробѣ. Но теперь Господь навсегда связалъ меня съ нимъ, устроивъ такъ, что мнѣ было поручено молитвенное провозженіе его въ загробный міръ.

Эта-то личная духовная связь съ тремя почившими святителями и единство по жребію служенія моего со всѣми прочими казанскими іерархами побудили меня, говорилъ Владыка, нынѣ вознести о всѣхъ нихъ сіе молитвословіе вмѣстѣ съ вами, братіе. Какъ видите, не только послушаніе отеческому обычаю, но и влеченіе собственнаго сердца вдохновило меня къ сей молитвѣ, умножило во мнѣ упованіе на то, что присные мнѣ по духу усопшіе святители преподадутъ мнѣ невидимо свое благословеніе на достойное унаслѣдованіе ихъ жизненнаго подвига.

Отраднa, утѣшительнa и назидательнa молитвa за умершихъ. Она связываетъ насъ съ міромъ загробнымъ, отрываетъ отъ зѣмнаго и временнаго, утверждаетъ нашу вѣру въ будущее воздаяніе, окрыляетъ нашъ духъ упованіемъ на Божественное милосердіе къ живымъ и умершимъ“... Свое слово Высокопреосвященный закончилъ приглашеніемъ молящихся, какъ въ настоящій разъ, такъ и всегда вообще, нелѣбно поминать приснопамятныхъ святителей Казанскихъ, „благодѣтелей... и отцовъ духовныхъ“ ¹⁾).

Разсказавъ о совершеніи Его Высокопреосвященствомъ второй божественной литургіи и панихиды и упомянувъ о его проповѣди, хроникеръ „Извѣстій по Казанской епархіи“ замѣчаетъ: „Слово это было выслушано предстоящими съ особеннымъ вниманіемъ; живымъ трогательнымъ художественнымъ изображеніемъ этихъ уважаемыхъ личностей—Казанскихъ архипастырей, дорогихъ и незабвенныхъ въ Казани, оно вызвало во многихъ слезы, да и самъ Владыка не могъ спокойно, безъ слезъ, говорить объ этихъ архипастыряхъ, которыхъ онъ называлъ своими благодѣтелями“ ²⁾...

Что касается до *первыхъ* впечатлѣній Владыки отъ г. Казани и Казанской епархіи, то, говоря вообще, они были благопріятны. Въ бесѣдахъ съ представлявшимся Владыкѣ многочисленнымъ Казанскимъ обществомъ, онъ высказалъ, что по множеству храмовъ, почтенію къ архіерейскому сану, простотѣ жизни и убранству города, Казань напоминаетъ сердце Россіи—Москву. Епархіальная жизнь, заботами его предшественниковъ по святительской каеедрѣ, поставлена была довольно высоко и также производила впечатлѣніе благопріятное. Но встрѣчались и нежелательныя явленія. Такъ, поведимому, продолжительныхъ архіерейскихъ богослуженій въ Казани не особенно любили. Въ церковно-религіозномъ отношеніи необходимо было вообще многое вводить и развивать... Замѣчались и другіе недостатки...

Леонидъ Гагреевъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Тамъ же, стр. 23—28.

²⁾ „Изв. по Каз. епархіи“, за 1897 г., № 22. Стр. 641—642

Ученіе соціалистовъ о возникновеніи христіанскаго нраво- ученія на экономической почвѣ.

(АПОЛОГЕТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ) ¹⁾.

I.

Шюреръ въ своей исторіи іудейскаго народа ²⁾ говоритъ, что та сила вліянія восточныхъ религій, какую онѣ имѣли на греко-римскій міръ еще въ послѣднихъ столѣтіяхъ до Р. Хр. и затѣмъ въ періодъ имперіи, заключалось не только въ свойственномъ этимъ религіямъ монотеистическомъ характерѣ, но и въ общемъ направленіи того времени—„въ практическомъ стремленіи къ освобожденію отъ грѣховъ и нравственному очищенію“. Въ указываемое время было особенно живо сознаніе грѣховности—тревожная совѣсть жаждала помощи и освобожденія. Особенно сильна эта жажда избавленія сказывается у отдѣльныхъ лицъ, напримѣръ у Сенеки, Плутарха. По Эпиктету сознаніе грѣховности и необходимости спасенія есть начало всякой філософіи. Грѣхъ уже не разсматривается, подобно прежнему времени, какъ простой недостатокъ человѣка, но какъ преступленіе противъ Бога, требующее прощенія. Постепенно стало распространяться то убѣжденіе, что потребность спасенія ни въ одной изъ восточныхъ религій не находитъ столь глубокаго и дѣйствительнаго удовлетворенія, какъ въ христіанствѣ. По ученію христіанства, человѣкъ тотчасъ

¹⁾ Изложено по книгѣ Н. Köhler: „Sozialistische Irrlehren von der Entstehung des Christenthums und ihre Widerlegung“. Leipzig, 1899, S. 107—147.

²⁾ Gesch. d. jüdisch. Volkes. II, S. 557.

по вступленіи въ царство Божіе получаетъ прощеніе грѣховъ, освобождается отъ тяжелыхъ, подавляющихъ его оковъ. Изъ раба грѣха человѣкъ становится чадомъ Божіимъ, вина его заглажена и онъ уже не боится наказанія, его не гнетутъ уже земныя заботы и земныя невзгоды, даже смерти ему уже нечего бояться; возложенное на него Отцомъ небеснымъ, служеніе онъ несетъ съ любовью и надеждою на Бога и все, чего отъ него требуетъ это служеніе, онъ цѣнитъ и стремится исполнить. При обладаніи этимъ небеснымъ гражданствомъ, какъ должна повыситься цѣнность человѣческой личности, въ какой мѣрѣ должно упрочиться сознаніе, что эта личность имѣетъ основаніе въ Богѣ, что бытіе ея застраховано навсегда! Въ какой степени при такомъ сознаніи цѣнности личности, при такой вѣрѣ и надеждѣ должна усилиться жизнерадостность и все полнѣе и глубже осуществляться основной законъ этого благодатнаго царства, заповѣдь о любви къ ближнимъ! Каждый человѣкъ, въ надеждѣ на вѣчность, служитъ цѣлому, а цѣлое возышаетъ каждого отдѣльнаго человѣка, направляетъ и увлекаетъ къ вѣчной жизни—вотъ картина христіанскаго индивидуализма и социализма, какъ они объединяются и взаимодействуютъ въ Царствѣ Божіемъ.

Картина эта носитъ религіозно-моральную окраску и вѣрно изображаетъ дѣло. Тѣсная связь между религіей и моралью, каковая связь наяснѣйшимъ образомъ проявилась въ Лицѣ Иисуса Христа, отпечатлѣвается и въ человѣческомъ мірѣ—въ Церкви Божіей. Само собою понятно, что нравственный элементъ христіанства болѣе бросается въ глаза, чѣмъ религіозный, ибо въ то время, какъ послѣдній проявляется лишь символически—въ формахъ богослуженія, нравственный элементъ открывается непосредственно въ практической жизни. Поэтому и социализмъ въ данномъ случаѣ предпочитаетъ заниматься христіанскою моралью въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ въ жизни, какъ дѣломъ повидимому болѣе легкимъ, оставляя въ сторонѣ отдѣлъ христіанской догматики. Въ результатѣ такого изслѣдованія онъ излагаетъ принятыя доселѣ положенія совершенно наизнанку. Христіанская нравственность, по нему, есть не что другое, какъ отраженіе въ области морали экономическихъ

условіи времени и эта, на материалистическихъ началахъ основанная, мораль будто бы оказала на возникновение и распространение христіанства глубокое, отчасти созидающее вліяніе. Въ такомъ характерѣ первоначальнаго происхожденія христіанской морали заключается будто бы причина и того, что она не оставалась безъ измѣненій, а преобразовывалась и развивалась соотвѣтственно измѣнявшимся экономическимъ условіямъ.

II.

Какъ на чрезвычайно важный факторъ „для возбужденія тѣхъ настроеній и склонностей, которыя мы теперь называемъ гуманностью, братствомъ и тому подобными именами“, социалисты указываютъ на тотъ отличительный характеръ римскаго государства, который мы обозначаемъ словомъ интернаціональность, т. е. непризваніе тѣхъ преградъ, ограниченій, которыми отдѣляются другъ отъ друга національныя государства нашего времени. Политическое единство великой римской имперіи способствовало такому міровому международному сношенію, какого исторія дотолѣ не знала. Пути сообщенія были улучшены, мореплаваніе развилось, таможенныя пошлины были ничтожны, было установлено единство мѣры, вѣса и монеты, греческій и латинскій языки были общепонятны и общепотребительны во всемъ мірѣ,—благодаря всему этому въ международныхъ сношеніяхъ національныя различія все болѣе и болѣе уничтожались.

Эта картина, въ общемъ правильно воспроизводящая дѣйствительность, нуждается однако въ нѣкоторыхъ поправкахъ и ограниченіяхъ. Національные предрасудки успѣли вкорениться такъ глубоко, что вышеуказанное сглаживаніе національныхъ различій было совершенно внѣшнее и поверхностное. Легко можно доказать, что для образованнаго язычника ученіе объ уваженіи къ варварскимъ народамъ казалось шуткою; такое уваженіе къ нимъ впервые оказала христіанская церковь; истинная интернаціональность возникла на почвѣ христіанства, а не наоборотъ. Оставляя безъ вниманія излюбленное у послѣдователей историческаго материализма различіе ближайшихъ и отдаленнѣйшихъ причинъ происхожденія христіан-

ства, мы не можемъ допустить указанной основной мысли, будто здѣсь мы имѣемъ дѣло именно съ экономическимъ факторомъ, а не политическимъ и нравственнымъ, ибо безъ этихъ послѣднихъ вліяній римскаго народа никогда не дошло бы дѣло до интернаціонализма въ народной жизни. А такъ какъ единственною пружиною, двигавшею римскую исторію, по сознанію самихъ послѣдователей историческаго матеріализма, была жажда хищенія, то христіанская нравственность являлась бы дѣтищемъ хищвическихъ инстинктовъ римлянъ.

Мы не находимъ нужнымъ и возможнымъ возражать противъ того положенія, что распросграненіе христіанской религіи должно быть поставлено въ связь съ римскимъ интернаціонализмомъ. Что развитіе міровой религіи безъ объединенія народовъ въ римскомъ государствѣ и безъ внутренняго единенія ихъ на почвѣ греко-римской культуры было бы подвержено величайшимъ затрудненіямъ, этого никто не отрицаетъ. Въ вопросѣ же объ источникахъ и первоначальномъ возникновеніи христіанства совершенно не имѣютъ значенія международныя сношенія. Но если и сопоставлять міровое государство и міровую религію, то должно обратить вниманіе на нивеллирующія тенденціи перваго: Римъ съ полнымъ равнодушіемъ допускалъ {совмѣстное существованіе всевозможныхъ вѣрованій и культовъ, и въ Пантеонѣ—этомъ храмѣ, посвященномъ всѣмъ божествамъ, возникновеніе идиной, исключительной міровой религіи не могло имѣть благопріятной почвы, напротивъ, не будь другихъ силъ, вызвавшихъ эту міровую религію къ бытію и обезпечившихъ ей побѣду, она была бы здѣсь подавлена.

Мы знаемъ, что человѣческая личность, какъ таковая, въ древности не цѣнилась должнымъ образомъ. Это обстоятельство находилось въ тѣсной связи съ значеніемъ государства для отдѣльныхъ гражданъ и съ тѣсною замкнутостью отдѣльныхъ государствъ. Такъ, грекъ не считалъ варвара полноцѣннымъ чѣловѣкомъ; разумѣется не считалъ онъ его и равноправнымъ съ собой гражданиномъ. Въ государствѣ имѣло мѣсто дѣленіе жителей на классы, достоинство которыхъ опредѣлялось значимостью ихъ для государства. Такимъ образомъ „человѣче-

ское достоинство цѣлыхъ классовъ игнорировалось или отодвигалось на задній планъ“. Даже мудрецы древности не были въ состояніи возвыситься до признанія единства человѣческаго рода и существеннаго равноправія всѣхъ его членовъ. „Даже Платонъ и Аристотель, говоритъ Целлеръ, раздѣляютъ предразсудокъ эллинизма относительно варваровъ“. Целлеръ приписываетъ стоической философіи ту заслугу, что она впервые наполнила положительнымъ содержаніемъ идею о всемірномъ гражданствѣ человѣка и съ успѣхомъ пропагандировала ее въ массѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отмѣчаетъ, что побѣда философіи надъ національною рознью была существенно облегчена завоеваніями Александра Великаго, который въ своемъ міровомъ государствѣ заставилъ объединиться отдѣльныя національности не только въ государственномъ, но и въ культурномъ отношеніи. На эту связь между философіей и современной политической жизнью указывалъ уже Плутархъ, сопоставляя Александра Великаго съ стоиками. Такая связь чрезвычайно важна для матеріалистическаго пониманія исторіи философіи. Но такъ какъ подобная исторія до сихъ поръ никѣмъ не написана ¹⁾, то намъ объ этомъ говорить не приходится. Во всякомъ случаѣ можно отмѣтить тотъ фактъ, что вліяніе, которое исходило отъ дѣятельности македонскаго завоевателя и способствовало якобы возникновенію мысли о всемірномъ гражданствѣ и осуществленію этой мысли въ жизни, стало распространяться гораздо позже, именно къ тому времени, когда еще большій завоеватель предложилъ всему человѣчеству молитву „Отче нашъ“ и возвѣстилъ величайшую заповѣдь о любви къ Богу и къ ближнимъ и, что самое главное, жилъ такъ, какъ училъ. Достоинно примѣчанія здѣсь заявленіе историковъ Фридландера и Целлера, что основныя истины христіанства, по которымъ всѣ люди, какъ созданія одного Творца, признаются дѣтьми одного Отца, вслѣдствіе чего они связаны узами братства, всѣ равноправны, равно обязаны любить другъ друга, во ввѣхристіанской древности никогда не были общимъ до-

1) Въ краткомъ очеркѣ Stillich'a: „Ueber die griechische Philosophie vom Standpunkt der materialistischen Geschichtsauffassung“ (Neue Zeit, 1897.—8, № 19) указанное обстоятельство совершенно игнорируется.

стояніемъ. Эти истины освѣщали только самыя возвышенныя вершины, въ долины же ихъ свѣтъ не проникалъ.

III.

Чрезвычайно важное значеніе въ дѣлѣ введенія христіанства въ міровую исторію материализмъ приписываетъ институту рабства. Прежде чѣмъ подробно говорить объ этомъ, мы должны рѣшить предварительный вопросъ, а именно, дѣйствительно ли рабство обязано экономическимъ причинамъ своимъ первоначальнымъ происхожденіемъ въ доисторическія времена (уже и тогда мы застаемъ рабство) и своимъ существованіемъ ко времени христіанской эры? Если при этомъ разсмотрѣніи будетъ установлено, что рабство фактически гдѣ нибудь и въ чемъ нибудь причастно въ происхожденіи христіанства, то безспорно въ происхожденіи христіанства будетъ найдено экономическое основаніе и тогда придется только разсмотрѣть, какъ далеко простирается его сила въ дѣлѣ возникновенія и распространенія христіанства. Однако намъ кажется безусловно невозможнымъ, при находящихся въ настоящее время въ нашемъ распоряженіи средствахъ историческаго изслѣдованія, рѣшить сколько нибудь удовлетворительно поставленный вопросъ, особенно первую его половину—относительно временъ доисторическихъ. И если бы и удалось доказать относительно отдѣльныхъ пунктовъ древности, что рабство здѣсь имѣло экономическую основу, то этимъ еще не было бы доказано, что такую же основу оно имѣло и во всѣхъ другихъ случаяхъ, ибо само рабство имѣло далеко не всюду одинаковый характеръ.

Соціальная наука легко отдѣляется отъ этого затрудненія; для нея не существуетъ *ignotum*. Какъ смѣлъ, напри- мѣръ, П. Лафаргъ, съ которымъ по силѣ полета фантазіи и страстности въ богохуленіи не можетъ сравниться ни одинъ социалистъ, въ сужденіяхъ о первобытномъ состояніи человѣческаго рода. „Доисторическій человѣкъ ходилъ вагимъ; лишь въ холодныхъ странахъ онъ прикрывалъ свою наготу звѣриною шкурою, которую, смотря по направленію вѣтра, навѣшивалъ на себя то спереди, то сзади. Подобно шимпанзе, онъ устраи-

валъ себѣ убѣжище изъ древесныхъ вѣтвей. Въ качествѣ оружія и орудій для производства работъ онъ употреблялъ, какъ нѣкоторыя обезьяны, камни и палки. Языкъ его былъ до того неразвитъ, что въ немъ не было ни глагола „быть“, ни абстрактныхъ понятій: дерево, цвѣтъ, тепло и т. д. Его духовное развитіе было до того ничтожно, что онъ не умѣлъ считать далѣе трехъ или четырехъ“¹⁾. Само собою разумѣется, что и относительно происхожденія рабства у Лафарга мы находимъ рѣшительное сужденіе. „Первоначально, говоритъ онъ въ распространенной социалдемократической газетѣ *Neue Zeit* 1894—5, 46, § 625, людоедство было всеобщимъ явленіемъ: мужчины, женщины, дѣти—всѣ были причастны ему. Поѣдали стариковъ своего племени, павшаго въ битвѣ непріятеля, военнопленнаго. Когда съѣстныхъ припасовъ бывало достаточно, то своихъ стариковъ оставляли въ покоѣ, а питались мясомъ враговъ; женщины не допускались къ этой пищѣ, вѣроятно потому, что онѣ не принимали участія въ убиваніи и зарѣзываніи. Изъ зависти женщины старались возбудить отвращеніе къ человѣческому мясу, что имъ въ концѣ концовъ и удалось. Объ этомъ быломъ обычаѣ въ наши дни напоминаютъ еще нѣкоторыя религіозныя церемоніи. Такъ, христіанская тайная вечеря есть будто бы отзвукъ людоедства. Такъ какъ съ теченіемъ времени производительность всего необходимаго для жизни постепенно прогрессировала, то уже не только не было нужды ѣсть человѣческое мясо, но являлось даже перепроизводство необходимыхъ для поддержанія жизни средствъ. При такихъ обстоятельствахъ оказалось болѣе полезнымъ военнопленныхъ оставлять въ живыхъ и употреблять ихъ для производства работъ. Такъ возникло рабство“.

Такъ какъ Лафаргъ не любитъ указывать источниковъ, откуда онъ почерпаетъ эти свѣдѣнія о доисторическихъ временахъ, то каждому вольно вѣрить его авторитету или нѣтъ. То же самое должно сказать относительно откровеній Энгельса. Онъ говоритъ: „Возрастаніе продуктивности во всѣхъ отрасляхъ—въ скотоводствѣ, земледѣліи, домашнихъ ремеслахъ,

1) P. Lafargue: „Der wirtschaftliche Materialismus“, 1886, S. 27.

привело къ тому, что человѣкъ сталъ производить больше, чѣмъ то необходимо ему для существованія. вмѣстѣ съ этимъ увеличивалось и количество выпадавшей на долю каждаго члена семьи, рода, общины и т. д. работы. Появленіе новой рабочей силы было весьма желательно. Война давала ее: военноплѣнные обращались въ рабовъ. Первое значительное раздѣленіе общественнаго труда повлекло за собой развитіе продуктивности работы, т. е. богатства, и съ расширеніемъ поле производства, при данныхъ историческихъ условіяхъ, съ необходимостью породило и рабство ¹⁾“. И на дальнѣйшихъ ступеняхъ историческаго развитія, по матеріалистическому воззрѣнію, на примѣръ Энгельса, рабство всюду и всегда стоитъ въ зависимости отъ экономическихъ условій. Такъ было и во время появленія христіанства. „Основанныя на рабочей силѣ невольниковъ большія хозяйства—эта единственно возможная къ концу республики форма крупной агрикультуры, болѣе не оплачивались. Земледѣліе, благодаря конкуренціи дешевыхъ заморскихъ продуктовъ, потеряло свое значеніе. Поэтому крупныя имѣнія были раздѣляемы на мелкія хозяйства или обращаемы въ пастбища; вслѣдствіе этого уменьшалась нужда въ рабахъ такъ какъ занятіе скотоводствомъ требуетъ меньше рабочей силы. Рабовъ становилось все меньше, и они стали требовать лучшаго съ собою обращенія.

Это экономическое объясненіе уменьшенія рабства крайне одностороннее. Главная причина уменьшенія количества рабовъ лежала въ области политической, а не экономической. Съ наступленіемъ мирной эпохи императоровъ исчезъ главный источникъ рабовъ—военный плѣнъ. Цѣна на рабовъ поднималась и, само собою разумѣется, съ поднятіемъ цѣнности предмета торговля (раба), въ обращеніи съ нимъ стали проявляться большая и большая заботливость и вниманіе. Такимъ образомъ политическія причины брали перевѣсъ надъ экономическими. Самымъ же важнымъ источникомъ, откуда происходили всѣ силы и мотивы, вызвавшіе къ бытію это чудовищнѣйшее явленіе исторіи, есть и останется человѣческое сердце. Человѣческое сердце со сво-

¹⁾ Engels: „Der Ursprung der Familie, des Privateigentums“, Stuttgart, 1894, S. 152—154.

имъ высокоуміемъ, властолюбіемъ, со всѣми своими злыми страстями и пожеланіями—вотъ та почва, которая содержитъ и питаетъ гибельное сѣмя этого ядовитаго растенія. Когда эта почва наполняется новыми здоровыми жизненными силами, какъ это случилось при Іисусѣ Христѣ, то ядовитое сѣмя и корень умираютъ сами собою. Тогда уже нѣтъ рабства, хотя и безъ имени оно можетъ существовать во всѣхъ самыхъ отвратительныхъ формахъ, какъ это, къ сожалѣнію, имѣетъ мѣсто и по сей день въ самыхъ культурныхъ странахъ. Но это зависитъ уже отъ норочности человѣческаго сердца. Для этого „психологическаго мотива“, скажемъ словами социалиста Бакса, особенно много доказательствъ даетъ состояніе рабовъ во времена римской республики и въ первыя времена императорскаго Рима¹⁾. Намъ нѣтъ нужды останавливаться на этомъ подробно. Во всякомъ случаѣ уже бѣглый взглядъ на историко-матеріалистическую точку зрѣнія по вопросу о рабствѣ показываетъ, что социалисты работаютъ не при посредствѣ строго научнаго изслѣдованія, а по фантазіи; что здѣсь упрямо закрываютъ глаза предъ тѣмъ, что не подходитъ подъ историко-матеріалистическую теорію. Но приступать къ изученію исторіи въ ея безчисленномъ разнообразіи явленій съ апріорными опредѣленіями и фантастическими идеями непозволительно и непростительно.

Такъ какъ въ социальной наукѣ вышеуказанный предварительный вопросъ не находитъ достаточнаго рѣшенія, то и для рѣшенія главнаго вопроса—имѣло ли рабство значеніе въ дѣлѣ возникновенія христіанства—въ этой теоріи нѣтъ точки опоры для утвержденія положенія объ экономическомъ характерѣ христіанской морали. Все же мы не считаемъ удобнымъ обойти молчаніемъ этотъ вопросъ.

Состояніе рабства, по матеріалистическому воззрѣнію, въ дѣлѣ возникновенія и развитія христіанства важно въ двухъ отношеніяхъ, именно, если можно такъ выразиться, какъ субъектъ и какъ объектъ. Какъ субъектъ, оно будто бы имѣло значеніе въ связи съ свободнымъ пролетаріатомъ, какъ объектъ—поскольку

¹⁾ Имѣется въ виду, напримѣръ, цеголяніе рабами, т. е. содержаніе безъ всякой нужды рабовъ для цѣлей блеска, роскоши.

въ немъ и чрезъ него развивались направленія, благопріятныя духу христіанства. Что касается субъективнаго значенія рабства, то должно сказать, что у людей бѣдныхъ, приниженныхъ, подавленныхъ, въ томъ числѣ и у рабовъ, Христова религія, обѣщающая всѣмъ труждающимся и обремененнымъ успокоеніе и миръ, находила, конечно, болѣе радушный пріемъ, чѣмъ среди людей богатыхъ, благоденствующихъ, но о возникновеніи въ этихъ кругахъ христіанскихъ идей, о рожденіи христіанства изъ морально-религіознаго состоянія рабовъ, не можетъ быть и рѣчи. Соціальная наука не имѣетъ никакихъ дѣйствительныхъ основаній для того, чтобы съ такой увѣренностью, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ Петерсъ, утверждать: „Христіанство, какъ религія массъ, вызвано къ бытію непосредственно экономическими условіями того времени. Последнимъ и рѣшительнымъ основаніемъ его возникновенія былъ общепринятый въ то время въ римскомъ государствѣ способъ производства работъ чрезъ рабовъ и находившееся въ тѣсной связи съ этимъ сильное размноженіе пролетаріата, обостреніе соціальныхъ противоположностей (господа и рабы), исчезновеніе среднихъ слоевъ населенія“¹⁾. Это объясненіе Петерсу кажется настолько достаточнымъ, что относительно другой стороны этого вопроса, именно относительно объективнаго значенія рабства для христіанства, онъ не даетъ никакихъ свѣдѣній, тогда какъ по существу дѣла это весьма важно.

Мы уже выше видѣли, что въ Римѣ, вслѣдствіе перехода отъ земледѣлія къ скотоводству, оказалась масса излишнихъ рабовъ, и цѣлыя тысячи ихъ получили свободу. Историко-матеріалистическая точка зрѣнія обращаетъ особенное вниманіе на то, что въ данномъ случаѣ дѣйствуютъ не моральныя, а экономическія причины. Эти вольноотпущеники примыкали по большей части къ пролетаріату и составляли связующее звено между нимъ и состояніемъ рабства. Этимъ будто бы объясняется, что „въ римской демократіи именно въ то время начало пробуждаться состраданіе къ рабамъ, когда безчеловѣчное отношеніе рабовладѣльцевъ къ своему рабочему скоту въ человѣ-

¹⁾ Rud. Peters: „Der Glaube an die Menschheit“, S. 200—201.

ческомъ образѣ достигло высшей степени". Но социалистамъ никогда не удастся доказать, будто экономическимъ переменамъ соотвѣтствовали переменны въ духовной жизни массъ и эти переменны вызвали къ бытію тотъ образъ мыслей и тѣ идеи, которыя до сихъ поръ будто бы ошибочно приписывались Христу.

IV.

Социалисты указываютъ еще и другой путь, которымъ христіанскія идеи о цѣнности человѣческой личности и о всеобщемъ братствѣ и равенствѣ людей будто могутъ быть выведены изъ вліяній рабства. Однако въ ихъ разсужденіяхъ экономическій характеръ этихъ вліяній отступаетъ совсѣмъ на задній планъ. Свободный римскій гражданинъ, говоритъ, напримѣръ, Каутскій, считалъ униженіемъ своего личнаго достоинства находиться въ личномъ услуженіи хотя бы то у могущественнѣйшаго изъ своихъ согражданъ. Вслѣдствіе этого же хозяйствомъ и домами цезарей управляли рабы и вольноотпущенники, становились императорскими придворными чинами и забирали въ свои руки власть и силу, которая фактически вращала всѣми государственными дѣлами. Отсюда въ цезаряхъ образовалась дружественная къ рабамъ настроенность, одна изъ тѣхъ склонностей и настроеній, которыя мы теперь называемъ гуманностью, братствомъ и т. п. Изъ этого разсужденія уже слѣдуетъ, чего не замѣчаетъ самъ Каутскій, что не рабство и вообще не экономическія соображенія создали христіанскую идею о братствѣ всѣхъ людей, а скорѣе праздность свободолюбиваго римскаго гражданина, которая открыла доступъ рабамъ къ занятію вліятельныхъ придворныхъ должностей. Каутскій же своими словами хочетъ доказать странное, нелогичное положеніе, что возникшее на экономической почвѣ рабство является экономической причиною уничтоженія рабства же.

Впрочемъ, намъ по существу дѣла интересно знать, въ какомъ дѣйствительно положеніи находились идеи гуманности и равенства людей ко времени появленія христіанства. Нельзя отрицать, что еще до пришествія Христа въ греко-римскомъ мірѣ иногда сказывается стремленіе смягчить суровую участь

рабовъ и что постепенно распространяется взглядъ на личный трудъ, какъ на дѣло благородное. Въ Греціи, гдѣ положеніе рабовъ было сравнительно лучше, мы находимъ подобнаго рода стремленія очень рано, на примѣръ, у поэтовъ Филемона и Менандра (ок. 300 г. до Р. Хр.); іудейскій эллинизмъ Филона выступаетъ въ защиту равенства всѣхъ людей—рабовъ и свободныхъ. Особенно же ярко эти стремленія выражены у философовъ стоической школы. Сенека, на примѣръ принадлежатъ прекрасныя слова, что человѣкъ, какъ таковой, долженъ быть для человѣка святыней¹⁾. Эпиктетъ (Fragm. 43) основываетъ свои требованія объ уничтоженіи рабства на томъ соображеніи, что всѣ люди суть дѣти единого Бога, а между собою братья, и на cadaго человѣка должно смотрѣть какъ на ближняго. И подъ вліяніемъ философіи нѣкоторыя ненормальныя явленія были устранены. Закономъ, относящимся къ началу римской монархіи, извѣстнымъ подъ названіемъ lex Petronia, право осуждать рабовъ на борьбу со звѣрями было отнято у рабовладѣльцевъ и передано правителямъ провинцій и префектамъ городовъ. Уже во времена Сенеки префектъ города принималъ отъ рабовъ жалобы на жестокое обращеніе съ ними господъ. Само собою понятно, что положеніе рабовъ ухудшалось. Совершенно иначе смотритъ на своего раба Плиній, чѣмъ смотрѣлъ Катонъ. Но было бы ошибкою думать, чтобы подобныя мысли были всеобщими. Римскія дамы въ озлобленіи, какъ свидѣтельствуетъ Овидій²⁾, царапали лицо варяжавшимъ ихъ рабынямъ и прокалывали ихъ обваженныя руки булавками. До Адриана этимъ фуріямъ было дозволено распинать своихъ рабовъ, которые „не суть люди“. Такъ говоритъ Ювеналъ въ своемъ знаменитомъ діалогѣ между супругомъ и супругою „о спорѣ разумнаго воззрѣнія на вещи съ тираническимъ произволомъ“³⁾. По поводу указаннаго пре-

¹⁾ „Homo sacra res homini“. Ер. ХСV, 33. Ср. также Ер. ХСV, 52: „Membra sumus corporis magni“.

²⁾ Ars amandi, III, 239—242.

³⁾ Pone crucem servo.— Meruit quo crimine servus Supplicium? quis testis adest? quis detulit? audi, Nulla unquam de morte hominis cunctatio longa est.— O demens! ita servus homo est? nil fecerit, esto: Hoc volo, sic jubeo; sit pro ratione voluntas.

краснаго изреченія Сенеки и вообще по поводу того, что „слово и понятіе о *genus humanum* было уже присуще сознанию образованныхъ римлянъ времени всемірнаго господства ихъ“, Баумгартенъ вѣрно добавляетъ, что вся суть здѣсь не въ словахъ и знаніи, а въ поступкахъ. Что значать эти слова, что значить даже незначительное смягченіе участи рабовъ въ законѣ, когда даже прославленный „высокообразованный Плиній Младшій жалѣеть о томъ, что купленные въ Африкѣ для гладіаторскихъ игръ въ честь его друга Максима пантеры прибыли поздно (Ер. VI, 24)?“ Ужасный обычай боя гладіаторовъ уже одинъ можетъ подорвать вѣру въ значительность гуманныхъ стремленій древняго языческаго Рима. Лишь Гонорій въ 404 году положилъ конецъ этимъ играмъ.

Мы слышали выше, что состраданіе къ рабамъ начало пробуждаться именно тогда, когда жестокость рабовладѣльцевъ дошла до высшей степени. Это обстоятельство служитъ иллюстраціей той мысли, что оппозиція человѣческаго сердца, которое не можетъ никогда освободиться вполнѣ отъ сознанія своего родства со всѣми людьми, пробуждается и развивается тѣмъ съ большею силою, чѣмъ беззастѣнчивѣй попираются права одной какой нибудь части этихъ родственныхъ намъ существъ. Въ языческомъ мірѣ эта оппозиція была болѣе оппозиціей въ ученіи, чѣмъ въ жизни, только изрѣдка она проявлялась въ соотвѣтствующей дѣятельности. У стойковъ, на примѣръ, состраданія по существу нѣтъ, такъ какъ гуманное общество людей, дружба, любовью и другія добродѣтели считаются обязательными только въ обращеніи мудрецовъ между собою. У ученыхъ не доставало силы для того, чтобы наполнить сердца благородными стремленіями, чтобы создать живое сообщество людей. И изъ такой ограниченной и условной гуманности, изъ этой слабой, неотчетливой реакціи противъ страшнаго зла—рабства будто бы родилась религія, которая не знаетъ никакихъ полушаговъ, нерѣшительности, та религія, которая своею силою охватываетъ цѣликомъ все сердце, всю волю, которая вмѣстѣ съ любовью къ Отцу небесному необходимо ведетъ ко всеобъемлющей братской любви и всѣхъ людей объединяетъ въ единомъ служеніи любви въ царствѣ Божіемъ! Несовмѣстимость, несоотвѣтствіе между этими слабыми возбу-

жденіями и между плодоносною, цѣлесообразною живою силою происшедшей отъ Христа міровой религіи выступаетъ такъ ясно, что о взаимной ихъ связи, въ качествѣ причины и слѣдствія, не можетъ быть и рѣчи. И гдѣ произошло то, что задолго до Эпиктета Иисусъ Христосъ назвалъ всѣхъ людей братьями, сынами единого Отца, что предалъ Онъ себя на служеніе братьямъ и обѣщалъ царство Божіе не мудрымъ и разумнымъ, а младенцамъ и дѣтски настроеннымъ людямъ? Въ Римѣ ли случилось, что при вопляхъ мучениковъ и осужденныхъ къ смерти собратьевъ было высказываемо то сочувствіе, которое по сіе время прославляется христіанствомъ въ безчисленныхъ пѣсняхъ и безчисленнымъ множествомъ сердець сознается, какъ наилучшее утѣшеніе въ жизни и смерти? Не случилось ли это въ Палестинѣ, въ нѣдрахъ того народа, у котораго и физическій трудъ былъ въ большомъ почетѣ и отношеніе къ рабамъ такъ мягко, что въ Св. Писаніи нужно было предостерегать отъ чрезмѣрнаго балованія рабовъ? По вѣрованію евреевъ весь родъ человѣческой произошелъ отъ единой крови, и еще до грѣхопаденія первымъ людямъ было дано повелѣніе воздѣлывать и охранять рай. Поэтому здѣсь не могло быть и рѣчи о презрѣніи къ работѣ и равнымъ образомъ объ отнятіи человѣческихъ правъ у цѣлаго класса людей ¹⁾. Гуманность Ветхаго Завѣта въ Новомъ дошла до полной побѣды надъ всѣми ограниченіями и приобрѣла силу предпринять войну съ ужасами язычества. Въ христіанскихъ обществахъ противоположность между рабомъ и господиномъ фактически уничтожается. Вообще, многого христіанству удалось уже достигнуть, но во многомъ, оно потерпѣло и неудачу. Мы же здѣсь констатируемъ лишь то, что участіе рабства въ возникновеніи христіанства, въ частности христіанской морали, какъ это утверждаютъ соціалисты, исторически недоказуемо.

V.

Къ вопросу о значеніи рабства въ борьбѣ матеріализма противъ христіанства мы еще возвратимся; здѣсь же приведемъ

¹⁾ Ср. слѣдующія ветхозавѣтныя мѣста: Быт. 1, 24; Исх. 12, 43—44; 21, 1—12. 20—27; Лев. 25, 39—46; Втор. 5, 14—15; 15, 12—18; 16, 11—12; Іов. 31, 13—15.

еще одну попытку, которая идеи братства и равенства желала бы вывести изъ экономическихъ основъ и исключительно изъ нихъ только. Попытка этого рода, сдѣланная Каутскимъ, до того странна, что мы упоминаемъ о ней только въ качествѣ примѣра того, до какой степени несообразности можетъ дойти матеріалистическое пониманіе исторіи. Точку отправленія для своихъ положеній онъ находитъ въ области политики. „Цезари (римскіе), говоритъ онъ, первые практически провели идею равенства и братства всѣхъ людей, не взирая на ихъ личность. Всѣ люди въ равной мѣрѣ были ихъ рабами, всѣ цѣвились по степени ихъ практической годности, безъ взиранія на личность, рабъ ли то или сенаторъ, римлянинъ, сиріецъ или галлъ“¹⁾. „Думается, что слова эти употреблены здѣсь не въ ироническомъ смыслѣ, но серьезно и недвусмысленно; они будто бы такъ же указываютъ на „одну изъ возвышеннѣйшихъ идей эпохи“, какъ и слова ап. Павла въ посланіи къ Галатамъ III, 28: Нѣтъ уже іудея, ни язычника; нѣтъ раба, ни свободнаго; нѣтъ мужескаго пола, ни женскаго: ибо всѣ вы одно во Христѣ Иисусѣ“. Такъ ли это? И здѣсь и тамъ равенство, но между ними лежитъ цѣлая пропасть, глубже и шире которой и быть не можетъ. Здѣсь свобода равноправныхъ чадъ Божіихъ во Христѣ, тамъ—равенство рабовъ земного деспота. Неужели историкъ-матеріалистъ не замѣчаетъ этого различія? Или глазъ его въ поискахъ для всего экономическихъ основъ ослѣпъ передъ всѣмъ прочимъ?

Но такъ онъ нашель, чего искаль. Тенденція цезарей сравнять всѣхъ безъ различія подданныхъ имѣеть будто бы экономическую основу. Но эта мысль, впервые открыто заявленная Каракаллою (211—217 г.), явилась на 200 лѣтъ позже христіанской идеи. Маркъ Аврелій Антонинъ, называвшійся Каракаллою, впервые даровалъ всѣмъ своимъ свободнымъ подданнымъ право римскаго гражданства. Подготовительныя распоряженія въ этомъ направленіи были дѣлаемы уже Гаіемъ Цезаремъ (Калигулой), Клавдіемъ, Адріаномъ, но Каракалла довелъ до конца начатое предшественниками. Этимъ дѣломъ всѣ разли-

¹⁾ Neue Zeit, III, 12, S. 536—537.

чія свободныхъ подданныхъ въ отношеніи къ цезарю были сглажены, принципъ равенства на политической почвѣ былъ проведенъ, возвышенная идея получила видимое осуществленіе. Но что побудило деспотовъ къ этому возвышенному образу дѣйствія? Само собоюбудтобы понятно: мотивъ экономической, именно нужда въ деньгахъ. Провинціалы теперь должны были платить свои прежнія подати, но кромѣ того еще и такія, которыя со времени Августа все въ большей и большей мѣрѣ возлагались на римскихъ гражданъ. Такимъ образомъ нужда Каракаллы въ деньгахъ вызвала къ жизни христіанскую идею о равноправности всѣхъ людей!.. Каракалла, подозрѣвавшійся въ отравленіи своего отца, тысячекратный убійца, приказавшій убить своего родного брата на рукахъ матери, устроившій страшное избіеніе виновныхъ и невинныхъ александрійцевъ за ихъ насмѣшки надъ нимъ, этотъ жестокій деспотъ, хотя можетъ быть и не вполне вмѣняемый, коронованный преступникъ вдругъ является царственнымъ пророкомъ, возвѣщающимъ откровеніе, которое мы въ своемъ невѣдѣніи до сихъ поръ приписывали Господу Нашему Іисусу Христу—это такая чудовищная картина, мимо которой проходятъ „не только профессиональные богословы, но и историки“, сострадательно пожимая плечами. Жаль терять слова на критику! Только на одинъ пунктъ должно обратить вниманіе, что этотъ экономической мотивъ, имѣвшій столь великія послѣдствія, не имѣетъ твердой исторической почвы. Нельзя понять, почему обложеніе провинціаловъ новой податью понадобилось цезарю сопровождать дарованіемъ римскаго гражданства; такъ справедливо замѣчаетъ Моммзенъ. Гораздо болѣе вѣроятія здѣсь имѣютъ милитарныя соображенія. Прежнія аухііа (вспомогательныя войска), по мѣрѣ того, какъ Италія все болѣе и болѣе истощалась и становилась неспособною давать потребныя для пополненія войска, отходили на мѣсто гражданскихъ отрядовъ, а германцы, жившіе по границамъ государства, заняли въ войскѣ мѣсто аухііа; со времени Марка Аврелія военная колонизація получала все болѣе прочную организацію, этому же не мало содѣйствовалъ и Каракалла. Кромѣ того, здѣсь имѣли значеніе и административныя и юридическія соображенія: натиску варваровъ и пришельцевъ надобно

было противопоставить стоящее на прочной основѣ гражданство, которое могло бы противостоять этому натиску.

VI.

Уже выше было отмѣчено нами согласіе всѣхъ знатоковъ древности въ томъ, что основное воззрѣніе христіанъ, по которому обязанность братской любви ко всѣмъ безъ различія ближнимъ основанная на сыновствѣ всѣхъ людей въ отношеніи къ Богу, не была всеобщимъ во внѣхристіанской древности. Напротивъ, здѣсь замѣчается большой недостатокъ въ любви, особенно въ любви къ несчастнымъ, нуждающимся бѣднымъ. И если сужденіе Ульгорна, который дохристіанскій міръ называетъ міромъ безъ любви, звучитъ парадоксально и жестоко ¹⁾, то все же нужно сказать, что *caritas*—сострадательная любовь—не была добродѣтелью античнаго міра. Этого же мнѣнія придерживается и Каутскій, по крайней мѣрѣ относительно того рода любви, который носитъ названіе благотворительности бѣднымъ. Онъ пытается объяснить эту добродѣтель опять таки изъ экономическихъ причинъ, которыя впервые начали дѣйствовать во времена римскихъ императоровъ ²⁾. Благотворительность была немыслима въ языческой древности, говоритъ Каутскій, потому, что „образъ мыслей древности имѣлъ свое послѣднее основаніе въ демократическомъ коммунизмѣ. Въ области же коммунизма нѣтъ мѣста и повода для благотворительности“. Это неопредѣленно и неясно выраженное положеніе ослабляется тѣмъ фактомъ, что и до возникновенія коммунизма, еще въ доисторическія времена, бѣдность успѣла развиться до такой степени, что могла дать поводъ и побужденіе къ возникновенію въ сердцахъ людей состраданія и расположить ихъ къ благотворительности. Каутскій же допускаетъ, что лишь во времена императоровъ бѣдствіе нищеты стало настолько интенсивно, что добродѣтель благотворительности могла возникнуть и дѣйствительно возникаетъ. Медлен-

1) Uhlhorn: „Die christliche Liebesthätigkeit“, I, Cap. 1. Вѣдь, „главнѣйшая заповѣдь“, Мрв. 12, 29—31, была извѣстна и въ Ветхомъ Заветѣ. См. Втор. 6, 5 и Лев. 19, 18.

2) Neue Zeit, III, 12, S. 530—531.

ность процесса Каутскій объясняетъ здѣсь закономъ косности, дѣйствующимъ не только въ мірѣ внѣшнемъ, но и въ области человѣческихъ воззрѣній. „Если матеріальное развитіе пробиваетъ себѣ новые пути, наше сознание еще нѣкоторое время остается при старыхъ понятіяхъ до тѣхъ поръ, пока борьба традиціи и возникшихъ новыхъ отношеній вещей начинаетъ становиться слишкомъ чувствительной и непріятной“. Но это — вылазка, которая теряетъ силу, если принять во вниманіе, что это „нѣкоторое время“ тянется тысячелѣтія. Но послушаемъ, какъ въ концѣ концовъ благотворительность возникаетъ изъ экономическихъ условій.

При императорахъ, говоритъ Каутскій, пролетаріатъ потерялъ свою прежнюю политическую силу и вліяніе. Для честолюбцевъ уже не было расчета покупать его благорасположеніе празднествами и зрѣлищами. Если послѣднія и были сохранены, то они приняли совсѣмъ иной характеръ. „Вынужденная концессія стала добровольнымъ подаваніемъ, добровольнымъ постольку, поскольку это не было вынужденнымъ со стороны народа, но за то было вынуждено силою обстоятельствъ. Такимъ образомъ возникаетъ благотворительность“.

Съ перваго взгляда уже видно, что здѣсь подаваніе, какъ и прежде, остается вынужденнымъ, ибо „сила обстоятельствъ“ здѣсь означаетъ не что иное, какъ страхъ революціи со стороны голодныхъ и скучающихъ массъ. Раздаются ли подаванія богатыми и могущественными людьми въ цѣляхъ пріобрѣтенія собирательныхъ голосовъ или изъ страха предъ насильственными дѣйствіями со стороны плебеевъ, во всякомъ случаѣ они не добровольны, вынуждены. Равнымъ образомъ, основной мотивъ подаваній здѣсь носитъ не экономическій, а политическій характеръ. Если бы здѣсь и имѣло мѣсто экономическое побужденіе и если бы эти подаванія носили характеръ свободной благотворительности, то это ни коимъ образомъ не позволяло бы еще отождествлять эти благотворенія съ возникновеніемъ благотворительности. Если обстоятельства даютъ поводъ проявиться какому нибудь духовному свойству, то это проявленіе, обязанное обстоятельствамъ, не есть еще нѣчто постоянное, что можетъ быть гарантировано при другихъ обстоятельствахъ. Далѣе, характеризуя бла-

готворительность деспотовъ, Каутскій говоритъ, что она, въ отличіе отъ гостепріимства, даетъ возможность превозноситься одному надъ другими. „Кто благотворитъ, тотъ возвышается въ глазахъ того, кому благотворитъ. Гостепріимство радуется, благотвореніе смиряетъ“. Онъ вспоминаетъ, далѣе, заботы о сиротахъ, обнаруженныя Первой, Траяномъ, Адріаномъ, отдѣльными лицами и цѣлыми общинами и приходитъ къ тому заключенію, что идея благотворительности не есть идея христіанская, а идея того времени вообще, вызванная экономическимъ прогрессомъ. Противъ этого должно сказать, что благодѣяніе, связанное съ превозношеніемъ и смиряющее получающаго, не имѣетъ съ христіанствомъ ничего общаго. Подобной благотворительности христіанство не знаетъ, такъ какъ его caritas неразрывно связана со смиреніемъ. Смиреніе же христіанское есть свободное поставленіе cadaго отдѣльнаго человѣка въ братскомъ союзѣ на то мѣсто, которое ему причлествуетъ, на то служеніе, которое ему опредѣлено, и все это на основаніи безусловнаго подчиненія Тому Господу, Которому онъ обязанъ и своею жизнію и братствомъ и служеніемъ (см. Римл. 12, 3—6)—это признакъ христіанства и истиннаго христіанскаго величія. Приглашая къ Себѣ труждающихся и обремененныхъ, Виновникъ христіанской религіи говоритъ о Себѣ, что Онъ кротокъ и смиренъ сердцемъ, и при этомъ требуетъ отъ своихъ учениковъ, чтобы они искали истиннаго величія и преимуществъ въ служеніи другимъ и именно въ самоотверженномъ служеніи, при которомъ никакая жертва не можетъ быть слишкомъ тяжелою (Мѡ. 11, 29; Мрк. 10, 42—45). Благотвореніе бѣднымъ является однимъ изъ родовъ такого служенія.

Свои разсужденія о благотворительности Каутскій заключаетъ слѣдующей тирадой: „если христіанство цѣнитъ благотворительность какъ добродѣтель, то этимъ указывается лишь на то, о чемъ говорили всѣ люди ко времени происхожденія христіанства“. Какъ согласить эти слова съ другимъ положеніемъ, что христіанство первоначально состояло въ коммунизмѣ, а въ коммунизмѣ нѣтъ мѣста благотворительности—этого рѣшить нельзя никакъ, понимайте это, какъ вамъ угодно.

VII.

Согласно своему общанію (см. начало V гл.), мы возвращаемся еще разъ къ вопросу о рабствѣ. Это дѣлаемъ для того, чтобы устранить одно обвиненіе, вводимое социалистами на христіанство. Именно, христіанство упрекаютъ въ томъ, что оно по сей день еще не нашло въ себѣ силъ для устраненія рабства и что оно никогда и не задавалось этою цѣлью. Впрочемъ, заявляютъ высокоумно социалисты, христіанство этимъ не унижается и отъ этого ничего не терпитъ, такъ какъ „степень культуры опредѣляется не религіею, а религія степенью культуры“¹⁾; или еще: „стремленіе первыхъ христіанъ къ полному перерожденію человѣчества могло возгрѣть въ душѣ только надежду, зажечь въ ней силу самопожертвованія, но было бессильно оказать вліяніе на внутреннія стороны жизни народовъ. Не христіанство преобразовало общество, а общество преобразовало христіанство“²⁾. Однако социалистическое воззрѣніе на этотъ вопросъ почти всецѣло должно быть отвергнуто, какъ нѣчто недостойное и нелѣпое. Социалистамъ кажется, какъ будто „все еще приходится бороться съ незаконными претензіями и невѣжественными взглядами христіанскаго духовенства“. „Христіанскія духовныя лица, говоритъ, напримѣръ, Лафаргъ, возвѣщаютъ безъ всякихъ стѣсненій, что христіанство способствовало уничтоженію рабства. Однако именно христіанство способствовало введенію рабства въ Америкѣ и удерживало его въ древности. Св. Павелъ отправлялъ бѣглыхъ рабовъ обратно къ ихъ господамъ и, подобно св. Петру, Августину и всѣмъ прочимъ святымъ первыхъ вѣковъ, проповѣдывалъ рабамъ, чтобы они повиновались земнымъ господамъ своимъ и были вѣрны имъ, чтобы этимъ заслужить расположеніе Отца Небеснаго. Ни философы, ни христіанство не выступаютъ противъ рабства, не желаютъ его уничтоженія. Оно исчезло тогда, когда усовершенствованіе средствъ производства сдѣлало трудъ рабовъ слишкомъ недоступнымъ по цѣнѣ и ненадежнымъ, когда этотъ способъ экспло-

¹⁾ Слова известнаго германскаго социаль-демократа Бебеля, сказанныя имъ въ засѣданіи Рейхстага 20 февраля 1894 года.

²⁾ „Vorwärts“, 1895, № 31.

атаціи челоуѣкомъ челоуѣка сталъ невыгоднымъ“¹⁾). Этотъ взглядъ, въ которомъ повторяется старая и избитая теорія о подмѣнѣ христіанства церковью, настолько же злобенъ, насколько несправедливъ. Благодаря христіанству, рабство будто бы удержалось въ древнемъ мірѣ, оно же будто насадило его въ Америкѣ! Но христіанство столь же мало повинно въ введеніи рабства въ новомъ мірѣ, какъ и въ удержаніи его въ древнемъ. Слово „удерживать“ можетъ имѣть различное толкованіе. Если этимъ хотятъ сказать, что христіанская религія въ лицѣ своихъ первыхъ проповѣдниковъ и представителей содѣйствовала сохраненію античнаго рабства въ его прежнемъ состояніи, или даже требовала этого, то такое пониманіе совершенно несогласно съ исторической правдой. Если же это утвержденіе должно имѣть тотъ смыслъ, что христіанство при своемъ появленіи не тотчасъ вступило въ открытую борьбу противъ рабства,—а это непреложная истина по увѣренію соціалистовъ—то только „злонамѣренность и невѣжество христіанскаго духовенства“ можетъ извинить его за отрицаніе такого несомнѣннаго факта. Есть, конечно, и среди духовенства люди недостаточно образованные и правдивые, однако подобнаго рода факты въ общемъ равнительно встрѣчаются весьма рѣдко. Что Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ своихъ рѣчахъ, особенно въ своихъ притчахъ, всесторонно освѣщаетъ вопросъ о взаимоотношеніяхъ слугъ и господъ, что Онъ ни единымъ словомъ не требуетъ нарушенія этихъ отношеній, которыя по большей части тождественны съ отношеніями рабовъ и господъ,—это не неизвѣстно „христіанскому духовенству“. И съ посланіемъ къ Филимону и съ замѣчательною рѣчью ап. Павла о рабахъ (1 Кор. 7, 20—24), съ увѣщаніями перваго посланія ап. Петра (2, 17 и сл.) и съ другими подобными отдѣлами Новаго Завѣта большинство духовенства достаточно знакомо. Для „богослововъ по профессіи и для заинтересованныхъ историковъ“ интересъ представляетъ лишь то, какія основанія могли быть у Господа и апостоловъ для такой осторожности въ высказываніи мыслей по вопросу о рабствѣ. Для Господа конечно

¹⁾ „Die idealistische Geschichtsauffassung“ въ „Neue Zeit“ 1894, 46, S. 226-627.

прежде всего имѣли значеніе практическія цѣли Его призванія. И въ другихъ вопросахъ мы можемъ найти разницу между принципиальнымъ ихъ значеніемъ и проведеніемъ ихъ въ жизнь. Такъ напримѣръ, принципиально Онъ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Его посольство имѣло универсальное значеніе, практика же Его мессіанскаго призванія касалась первоначально израильскаго народа. Мыслимо ли, чтобы Господь и Учитель, Который въ „Отче нашъ“ на всѣхъ людей смотритъ, какъ на одинаково нуждающихся и одинаково повинныхъ предъ Отцомъ небеснымъ дѣтей, всѣхъ учитъ молить Отца объ одномъ и томъ же,—чтобы Спаситель міра, Который свою дѣятельность началъ съ возвѣщенія, что Онъ пришелъ для того, чтобы благовѣствовать нищимъ, проповѣдывать плѣнникамъ отпущеніе (Лк. 4, 18),—чтобы Онъ, Избавитель отъ всякаго страданія, приглашавшій къ Себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, настаивавшій на братствѣ и равенствѣ всѣхъ людей (Мѡ. 23, 8—12)¹⁾, мыслимо ли, чтобы этотъ Господь и Спаситель могъ желать сохраненія рабства, какъ чего то вполне законнаго, этого ужаснаго бѣдствія и вопіющей несправедливости? Если Онъ не училъ всѣхъ стонущихъ въ оковахъ обезпечить и завоевать себѣ свободу, то это происходило отъ того, что дѣло Его должно было быть чуждымъ всякаго насилія, возстанія, беспорядковъ, ибо „не придетъ царствіе Божіе примѣтнымъ образомъ“ (Лк. 17, 20—21). Онъ не былъ революціонеромъ, какъ осмѣливается Его назвать Лютгенау. Не путемъ бурнаго мятежа должны были быть уничтожены ветхія, отжившія учрежденія народной жизни, они должны были обновится путемъ медленно, но вѣрно дѣйствующей внутренней силы новаго духа. Онъ не слѣдовалъ также примѣру ессеевъ, которые отвергали всякое рабство и совсѣмъ изгоняли его изъ своего общества, и въ этой Его сдержанности видна Его независимость отъ этой общины.

Что касается апостоловъ и древней христіанской общины, то само собою разумѣется, что какъ ихъ принципиальныя су-

¹⁾ Не смотря на такія свидѣтельства, Овербекъ („Studien zur Geschichte der alten Kirche“ 1875, 1 Heft, S. 169) осмѣливается утверждать „подчиненіе, послушаніе—другой проповѣди рабамъ. Новый Завѣтъ вообще не знаетъ“.

жденія, такъ и практическое поведеніе вполне опредѣлялись примѣромъ Господа. Но для нихъ въ обоихъ отношеніяхъ выступили еще и новыя мотивы. Христосъ вознесенъ отъ земли, и вѣрующіе въ Него находятся въ духовной связи съ Нимъ. Въ этомъ общеніи упраздняется всякое различіе между рабомъ и свободнымъ: всѣ суть члены Его тѣла и какъ новыя твари призываются къ равной свободѣ чадъ Божіихъ. Это въ теоріи. Для практики же получаетъ значеніе слѣдующее обстоятельство. Распространенное среди первыхъ христіанъ убѣжденіе въ скоромъ второмъ пришествіи Христа придавало вопросу о рабствѣ живой интересъ. Къ чему стремиться проводить въ человѣческое общество тяжелыя и опасныя перемѣны, когда Господь стоитъ уже при дверяхъ, устроить Свое новое царство и всему этому положить скорый конецъ? Въ виду этого вполне естественно, что апостолы усматривали свою задачу не въ устраненіи рабства, но только, если такъ можно выразиться, въ христіанизации отношеній между рабами и ихъ господами. Объ этомъ свидѣтельствуетъ посланіе ап. Павла къ Филимону. Во время римскихъ узъ, ап. Павелъ встрѣтилъ тамъ раба, бѣжавшаго отъ своего господина изъ Колоссъ и послалъ его обратно къ господину, христіанину Филимону, съ препроводительнымъ письмомъ, въ которомъ писалъ: „можетъ быть для того онъ на время отлучился, чтобы принять тебѣ его уже навсегда, но уже не какъ раба, но выше раба, брата возлюбленнаго“ (1, 15—16). Чтобы христіанскихъ рабовъ, хотя они остаются и рабами, господа трактовали не какъ рабовъ, а обращались съ ними, какъ съ возлюбленными братьями— вотъ къ чему направляется и ученіе и стремленія первыхъ христіанъ, и кто могъ бы требовать тогда большаго шага впередъ, чѣмъ установленіе между рабами и господами такихъ отношеній!

Надежды на скорое второе пришествіе Господа не оправдались. Десятилѣтіе проходило за десятилѣтіемъ, Иерусалимъ обратился въ развалины, вѣкъ апостольскій пришелъ къ концу, и христіанскій міръ долженъ былъ прійти къ той мысли, что свои взоры нужно опять обращать на землю и устраиваться на ней на болѣе продолжительное время. Въ

христіанской общинѣ, все увеличивавшейся количественно, для поддержанія внѣшняго порядка, образовались должности; выступило различіе двухъ состояній—клира и мірянъ; епископы стояли во главѣ отдѣльныхъ общинъ и съ половины II вѣка для большаго развитія власти стали собираться на соборы. Кругъ дѣятельности епископовъ все увеличивался и католическія христіанскія истины все болѣе разъяснились. Около 200 года твердо установился новозавѣтный канонъ и сталъ для христіанъ божественнымъ авторитетомъ для упроченія внѣшнихъ установленій, особенно правъ клира; апостольскій символъ сталъ общимъ для всѣхъ образцомъ христіанскаго вѣроученія. Такъ подъ сильнымъ, все возрастающимъ вліяніемъ клира, устроилась и окрѣпла древле-католическая Церковь и вотъ она начинаетъ выступать съ усиленною проповѣдію христіанской любви и бороться съ недоросшею еще до христіанскихъ идей культурою.

Какъ же теперь церковь стала относиться къ вопросу о рабствѣ? Она на практикѣ не измѣняла ничего въ строѣ древняго общества. На мѣсто надежды на второе пришествіе теперь, во время ожесточенныхъ преслѣдованій, утвердилось воззрѣніе, что земнымъ благамъ слѣдуетъ придавать мало значенія по сравненію съ благами будущими, благами, для полученія которыхъ безразлично, проведетъ ли христіанинъ эту краткую, жалкую земную жизнь въ качествѣ раба или въ качествѣ свободнаго. Однако было бы ошибкою думать, что церковь перестала совершенно вліять на взаимоотношенія рабовъ и господъ. Могущественно продолжалъ дѣйствовать завѣщанный Спасителемъ и апостолами духъ братской любви, каковая любовь около этого времени начала охлаждать, изъ чего социалисты дѣлаютъ фантастическій выводъ, будто теперь то и возникаютъ и усиливаются стремленія къ братству, равенству, благотворительности, и изъ этого будто родилось уже христіанство. Но и въ это время, не говоря уже о многихъ благочестивыхъ христіанахъ, смягченію участи рабовъ содѣйствовала христіанская церковь; не было въ это время недостатка и въ отдѣльныхъ попыткахъ, направленныхъ, если не

къ окончательному искорененію всего института рабовъ, то по крайней мѣрѣ къ освобожденію достойнѣйшихъ и наиболѣе приниженныхъ изъ нихъ. Много указаній на это мы находимъ въ прекрасной книгѣ Ульгорна: „О христіанской благотворительности въ древней Церкви“, къ которой ради краткости отсылаемъ читателей. Если бы церковь далѣе шла тѣмъ путемъ, который указали Христосъ и Его апостолы, то по всей вѣроятности въ теченіе немногихъ столѣтій въ христіанскихъ странахъ было бы достигнуто полное уничтоженіе рабства. Но такъ какъ царству Божію съ его силами пришлось проникать во всѣ роды духовной жизни человѣчества, чтобы сдѣлать его достойнымъ этого царства (Мѡ. 13, 33), то явилась серьезная опасность смѣшенія съ міромъ и его жизнью, внѣшними формами которой ему пришлось поневолѣ пользоваться. Омірщеніе по временамъ представителей христіанства, какъ это представляетъ исторія часто въ мрачныхъ, иногда даже въ ужасныхъ картинахъ, есть процессъ трагическій, въ которомъ тѣ формы, которыя должны были быть исполнены духомъ христіанскимъ и служить царству Божію, стали все болѣе и болѣе мѣнять свое содержаніе на чисто мірское. Однако подъ этимъ давленіемъ силы царства Божія не погибли, онѣ вновь и вновь проявлялись и все полнѣй осуществляли на землѣ свою задачу. Но съ средневѣковою іерархіею онѣ не имѣютъ ничего общаго: католическая церковь того времени никоимъ образомъ не можетъ быть названа представительницею христіанства, ибо „намѣстники Христа“ нерѣдко являлись Его злѣйшими врагами.

Прислушаемся къ сужденіямъ историковъ—соціалистовъ. Одинъ изъ нихъ (Францъ Мерингъ) говоритъ: „средневѣковая церковь была экономической силою подъ покровомъ религіи. Другой говоритъ (Каутскій): „средневѣковая церковь по существу своему была политической организаціей“. Прекрасно. Политическая организація или сила экономическая или то или другое вмѣстѣ! Отъ религіи здѣсь остаются только формы,—это значитъ: внѣшнія учрежденія, которыя когда то были вызваны къ бытію и опредѣлены религіознымъ духомъ, теперь лишены религіознаго духа и остались лишь пустыми формами, которыя постепенно заполнялись первоначально имъ чуждымъ экономическимъ и

политическимъ содержаніемъ. Если дѣло обстоитъ такъ, то по какому праву на христіанство возлагается отвѣтствѣнность за тѣ злоупотребленія, которыя были совершены подъ прикрытіемъ именемъ церкви или даже подъ ея мнимымъ покровительствомъ и по ея требованію? Мы знаемъ, напримѣръ, что участь рабовъ у грубыхъ господъ изъ христіанъ была несравненно хуже, чѣмъ у господъ изъ образованныхъ язычниковъ, но мы знаемъ также, что тиранны носили имя христіанъ не по праву. Намъ не извѣстно, что въ средніе вѣка рабство существовало съ вѣдома церкви, что не только язычники и сарацины, но христіане подвергались игу рабства, что соборы и папы налагали рабство на христіанъ въ качествѣ наказанія, что выдающіеся богословы, напримѣръ Тома Аквинатъ, открыто оправдывали рабство, какъ наказаніе за личные грѣхи, что папы въ своихъ сужденіяхъ о рабствѣ колебались, но сами, какъ напримѣръ средневѣковые папы, были выдающимися рабовладѣльцами, что лишь въ 1839 году впервые папа Григорій XVI запретилъ какъ мірянамъ, такъ и духовенству защищать торговлю невольниками. Далѣе, должно отмѣтить, что и реформація не произвела здѣсь существенной перемѣны и что протестантскія страны, и прежде всего Англія, вплоть до второй половины XVIII-го вѣка, соперничали съ Испаніей, Португаліей и Италіей по части торговли невольниками, но никто не навяжетъ намъ того невѣроятнаго предположенія, что это ужасное явленіе находилось подъ покровительствомъ христіанской религіи. Оппозиція не молчала и въ средніе вѣка ¹⁾, и никто не можетъ отрицать того, что возбужденное въ половинѣ XVIII-го столѣтія движеніе, которое возникло первоначально въ Англіи, а потомъ охватило всѣ цивилизованныя страны и постепенно вынуждало законодателей возбранить торговлю рабами, что это движеніе возникло на почвѣ христіанства и жило духомъ и силой христіанства. Нѣмецкіе меннониты и англійскіе квакеры первые предприняли во имя Господне войну противъ рабства въ Америкѣ, войну, увѣнчавшуюся побѣдой. Хотя позоръ этотъ не смытъ окончательно, но коль

¹⁾ Вальденсы, напримѣръ, отрицательно относились ко всякаго рода рабству.

скоро Евангеліе произнесло смертный приговоръ существованію рабства и подрѣзало его корни, то, конечно, въ недалекомъ будущемъ этотъ приговоръ будетъ приведенъ въ исполненіе и будетъ изъято изъ міра учрежденіе, не мирящееся съ честью христіанскаго имени. Но тогда нужно будетъ остерегаться, чтобы, по изгнаніи этого одного бѣса изъ христіанскаго общества, не вселилось въ него семь другихъ бѣсовъ подъ инымъ, болѣе сокровеннымъ видомъ. Остерегаться ихъ и отвоевывать захваченныя уже ими области—вотъ важнѣйшая задача для христіанства въ настоящее время.

VIII.

Упрекъ христіанству въ томъ, будто оно оказалось бессильнымъ въ борьбѣ съ рабствомъ, находится въ связи съ общимъ соціалистическимъ взглядомъ, что христіанской религіи вообще не достаетъ способности дѣйствовать въ качествѣ преобразующаго нравственность фактора, ибо состояніе и перемѣны нравовъ зависятъ вообще не отъ религіи или иныхъ идеальныхъ факторовъ, а отъ экономическихъ отношеній. Бебель говоритъ: „какъ каждая ступень соціальнаго развитія человѣчества имѣетъ свои собственныя производящія причины, такъ каждая эпоха имѣетъ и свой моральный кодексъ, который есть зеркало соціальнаго состоянія. Нравственно то, что обычно, а обычно то, что соотвѣтствуетъ внутреннему существу, т. е. нуждамъ извѣстнаго періода“. Энгельсъ поясняетъ это положеніе на примѣрѣ. „Съ того момента, какъ появилась частная собственность движимаго имущества, всѣ общества, гдѣ признается частная собственность, должны были признать заповѣдь: „не укради“. Ставится ли указанная заповѣдь отъ этого вѣчнымъ моральнымъ предписаніемъ? Никкимъ образомъ. Въ обществѣ, гдѣ устранены побужденія въ кражѣ, гдѣ кража можетъ быть совершена только душевно-больнымъ, невмѣняемымъ, какъ высмѣяли бы тамъ проповѣдника, который вздумалъ бы тамъ проповѣдывать истину: „не укради“¹⁾. Марксъ нападаетъ спеціально на христіанство. „Во всякомъ случаѣ, говоритъ онъ,

¹⁾ Engels: „Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft“, S. 69. Вообще см. въ этомъ сочиненіи отдѣлы „Moral und Recht“, IX, X, XI.

всеобщая любовь къ человѣку, какъ ее проповѣдуетъ первохристіанство, является источникомъ идей для соціальныхъ реформъ. Извѣстно, что всѣ прежнія и многія новыя соціальныя стремленія имѣютъ христіанскую, религіозную окраску; въ противовѣсъ печальной дѣйствительности, злобѣ, проповѣдуются царство любви. Для начала это ничего. Когда же опытъ учить, что любовь эта на протяжении девятнадцати столѣтій не успѣла еще осуществиться, что она не въ силахъ преобразовать соціальныя отношенія, не въ силахъ основать свое царство, то отсюда ясно слѣдуетъ, что эта любовь, не могущая побѣдить зло, не можетъ дать необходимой для реформы энергичной жизненной силы“.

При разсмотрѣніи всѣхъ этихъ мнѣній ограничимся необходимымъ замѣчаніями и не будемъ вдаваться въ изслѣдованіе выставленной Энгельсомъ и Бебелемъ общей проблемы. Чтобы историческимъ путемъ добыть вѣрное сужденіе объ этомъ, мы должны были бы обозрѣть весьма длинный періодъ исторіи, что для нашего краткаго очерка излишне. Такъ какъ у насъ нѣтъ документовъ изъ той эпохи, когда всякая заповѣдь не имѣла еще значенія, то мы не можемъ этому и вѣрить ¹⁾, и коммунизмъ будущаго, когда всѣ злыя страсти изъ человѣческихъ сердець будутъ изгнаны, кажется намъ въ такой же мѣрѣ невѣроятнымъ, какъ и то, что когда либо раньше жили вполне прекрасные, умные и достойные люди. И что мораль есть всегда отраженіе экономическихъ отношеній—это также представляется намъ совершенно одностороннимъ утвержденіемъ. Была ли, напримѣръ, экономически обусловлена начавшаяся съ Людовика XIV эра кабинетныхъ войнъ? Не происходили ли эти войны исключительно изъ за самолюбія вла-

¹⁾ Бокль: «Исторія цивилизаціи въ Англіи», перев. Буйницкаго, т. I, стр. 70, говоритъ: «Несомнѣнно, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ ничего такого, чтобы измѣнилось такъ мало, какъ тѣ великіе догматы, изъ которыхъ слагаются нравственныя системы. Дѣлать другимъ добро, жертвовать для пользы ихъ своимъ собственнымъ желаніямъ, любить ближняго какъ самого себя, прощать врагамъ, обуздывать свои страсти, почитать родителей, уважать тѣхъ, которые поставлены надъ нами—въ этихъ правилахъ и нѣкоторыхъ другихъ заключается вся сущность нравственности и къ нимъ не прибавили ни одной іоты всѣ проповѣди, всѣ наставленія и собранія текстовъ, составленныя моралистами и богословами».

дыкъ и такимъ образомъ не служили ли онѣ издѣвательствомъ надъ экономическими интересами народа? Бросимъ взглядъ на средніе вѣка. Тамъ выступаетъ предъ нами величайшая экономическая перемѣна—постепенный переходъ отъ натурального хозяйства къ денежному. И мы никоимъ образомъ не думаемъ оспаривать, что денежное хозяйство подготовило паденіе іерархіи (послѣднія причины котораго были однако совсѣмъ другія) и способствовало возрастанію гражданства и, благодаря всему этому подготовило путь реформаціи, разумѣется въ связи съ другими факторами, но едва ли удастся историкамъ-матеріалистамъ, хотя бы относительно одного какого либо случая, доказать, что этому сильному экономическому прогрессу соответствовала перемѣна въ общихъ моральныхъ возрѣніяхъ и поведеніи. Десять заповѣдей сохранили и при денежномъ хозяйствѣ то же значеніе, какое имѣли и при натуральномъ хозяйствѣ. На этомъ можно и покончить съ указаннымъ вопросомъ. Слѣдуетъ только разобрать сдѣланый Марксомъ и нѣкоторыми другими упрекъ христіанству, будто человѣческое общество своимъ нравственнымъ развитіемъ нисколько не обязано ему.

Обсудимъ нравственное состояніе современнаго христіанскаго общества. Здѣсь нѣтъ недостатка въ самыхъ мрачныхъ явленіяхъ. Первенство по жестокости къ ближнимъ, кажется, стремится занять католическая Испанія. Ужасы на островѣ Кубѣ, истязаніе анархистовъ въ Барселонѣ и т. п. можетъ соперничать со всѣмъ самымъ худшимъ, что намъ извѣстно изъ новыхъ и старыхъ временъ язычества, что занесено на самыя темныя страницы исторіи. Имѣющая репутацію особеннаго благочестія протестантская Англія по части грубаго эгоизма и жестокости не отстаетъ отъ другихъ. Бомбардировка Занзибара 27 августа 1896 года, чему современный цивилизованный міръ не удѣлилъ ни малѣйшаго вниманія, можетъ сравняться съ самыми ужасными злодѣяніями древности; путемъ оружія и кровопролитія вынужденная торговля опиумомъ съ Китаемъ является для Англіи такимъ триумфомъ безсовѣстности, какой не встрѣчается въ исторіи другихъ народовъ. Во Франціи „панамскій скандалъ“, дѣло Дрейфуса и Эмберовъ

обнаружили глубокое нравственное паденіе во всѣхъ слояхъ общества. Честолюбіе, жадность, стремленіе къ высокимъ должностямъ прибавляютъ здѣсь преступленіе къ преступленію. Долго было бы перечислять мрачныя стороны въ жизни другихъ народовъ, чтобы показать, какъ далеко современное общество отъ осуществленія идеаловъ христіанства. Однако нѣтъ ничего безумнѣе, какъ на основаніи этихъ фактовъ, утверждать, что христіанство обнаружило неспособность содѣйствовать нравственному прогрессу. Справедливѣе было бы заключеніе, что зло укоренилось въ мірѣ такъ глубоко, стало столь могущественно, что даже совершеннѣйшая религія, религія Христа и исходящія изъ нея духовныя силы, не въ состояніи сразу, сильнымъ движеніемъ впередъ, отвоевать у зла занятыя имъ области. Величіе и необъятность нравственныхъ требованій Евангелія таковы, что ихъ осуществленіе принадлежитъ тысячелѣтіямъ. У Самого Господа нѣтъ и рѣчи о быстромъ нравственномъ прогрессѣ.

Эта медленность нравственнаго прогресса зависитъ отъ того, что экономическая дѣятельность и моральная находятся въ тѣснѣйшей связи. Всякое дѣло, посвященное матеріальной жизни, основано на совмѣстной дѣятельности; совмѣстная же дѣятельность не мыслима безъ подчиненія частнаго общему, безъ отреченія отъ эгоистическихъ, препятствующихъ общему благосостоянію, интересовъ. Одно поколѣніе людей за другимъ совершаетъ на землѣ свое дѣло не только матеріальное, но и нравственную работу, и въ этой всеобщей взаимной работѣ чувство общности крѣпнетъ и освящается. Однако здѣсь выступаетъ значительная разница между матеріальной и нравственной работой. Въ экономической дѣятельности можно видѣть, какъ постепенно развиваются ея результаты; напротивъ, нравственная дѣятельность по своему существу такова, что подобной зависимости нельзя видѣть. Экономическій прогрессъ извѣстной эпохи—открытія и изобрѣтенія, улучшеніе промышленности—могутъ по наслѣдству цѣликомъ перейти въ слѣдующія эпохи. Относительно нравственныхъ дѣйствій этого нельзя сказать. Расположеніе къ нравственнымъ поступкамъ составляетъ достояніе отдѣльной личности, въ каждомъ отдѣль-

номъ человѣкѣ нравственная дѣятельность должна начинаться съ начала, вновь развиваться. Даже воздѣйствіе религіи здѣсь не измѣняетъ существа дѣла, потому что и религія есть личное отношеніе человѣка къ Богу, которое каждый для себя образуетъ, хранитъ и возвращаетъ. Разумъ и знаніе могутъ возрастать и увеличиваться изъ поколѣнія въ поколѣніе, но преданность волѣ Божіей и людямъ—это зерно всякой религіи и морали—развиваться въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ особо. Конечно, оживленіе и возвышеніе религіознаго сознанія и нравственности проистекаетъ отъ великихъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи личностей и прежде всего и главнымъ образомъ отъ Іисуса Христа, но результатъ ихъ вліянія мало бросается въ глаза, потому что ихъ примѣры вновь должны осуществляться въ каждомъ человѣкѣ; а онъ не можетъ сразу примкнуть къ достигнутой уже другими высшей ступени нравственнаго развитія. Нужно здѣсь обратить вниманіе также и на то, что сила противодѣйствія со стороны міра, т. е. со стороны зла, живущаго въ человѣчествѣ, обыкновенно увеличивается при воздѣйствіи на него, тогда какъ матеріальная природа, какъ таковая, можетъ противопоставить воздѣйствію духа только неподвижное постоянство своихъ неясныхъ законовъ.

Равнымъ образомъ, не можетъ ускользнуть отъ взора, внимательно и безпристрастно наблюдающаго нравственность современности, что приближается время жатвы нравственной работы христіанства. Обращать вниманіе на отдѣльныя личности, сравнивать лучшихъ представителей различныхъ эпохъ и по ихъ морально-прогрессивному или регрессивному поведенію опредѣлять нравственное состояніе эпохи, это было бы предпріятіемъ безнадежнымъ уже потому, что лучшіе люди всегда наименѣе извѣстны. Но если мы обратимъ вниманіе на общее, на совмѣстную дѣятельность людей, направленную къ добру, то мы придемъ не къ иному заключенію, какъ только къ тому, что, за нѣкоторыми исключеніями, въ общемъ среди христіанъ нравственная жизнь идетъ впередъ, а въ будущемъ будетъ идти еще болѣе ускореннымъ темпомъ, если только сохранится вѣра во Христа. Несмотря на національную рознь, несмотря на жадность, эгоизмъ, никогда христіанскіе народы не были такъ солидарны между собою, какъ именно теперь, ни-

когда въ такой мѣрѣ не сознавалась обязанность стать въ лучшія отношенія другъ къ другу, заняться вопросами христіанскаго просвѣщенія, какъ теперь. Въ христіанскихъ кругахъ все болѣе развивается стремленіе осуществлять святую заповѣдь любви совмѣстными, объединенными силами. Въ настоящее время яснѣе, чѣмъ раньше, сознается, что лишь совмѣстными усиліями можно достигнуть прочныхъ результатовъ, и если любовь христіанская въ настоящее время не сильнѣе, чѣмъ прежде, если въ рѣдкихъ личностяхъ нашего времени она достигаема такой полноты, какой достигала въ подвижникахъ первохристіанской церкви, то во всякомъ случаѣ она получила теперь большую ясность въ сознаніи людей. Какая иная духовная сила можетъ похвалиться такими результатами, какъ христіанская любовь! Какая иная община раскинула такую широкую сѣть учрежденій любви, учрежденій для смягченія бѣдствій нищеты, просвѣтительныхъ, пекущихся о временномъ и вѣчномъ спасеніи, какъ это сдѣлала служащая царству Божию христіанская община! Христіанство приближается къ триумфу путемъ внѣшней и внутренней миссіи, что служить лучшимъ доказательствомъ его моральной производительности. Возрастающая образованность спѣшитъ ему на помощь, напримѣръ, въ дѣлѣ раціональнаго призрѣнія бѣдныхъ, направляя свои дѣйствія на устраненіе причинъ нищеты или въ дѣлѣ упраздненія и смягченія ужасовъ войны.

Нравственное взаимодействіе христіанскаго міра, солидарность христіанскихъ народовъ въ вопросахъ нравственности создали силу, которая въ древности была извѣстна лишь немногимъ. Это—общественная совѣсть. Фридландеръ въ своей исторіи нравовъ Рима даетъ поразительное изображеніе жестокостей, допускавшихся при общественныхъ представленіяхъ, созерцаніемъ которыхъ услаждался народъ. При этомъ онъ замѣчаетъ: „Ничто не указываетъ такъ ярко на громадную разницу въ настроеніи мыслей и чувствъ древняго Рима и современной Европы, какъ та мѣра сужденія, которою образованные люди оцѣнивали представленія въ амфитеатрѣ тогда и теперь. Во всей римской литературѣ мы едва можемъ встрѣтить выраженіе отвращенія, которое чувствуетъ теперешнее чело-“

чество отъ безчеловѣчныхъ развлечевій. Въ законодательствѣ гладіаторскія игры трактуются съ полнымъ равнодушіемъ“. Подобное явленіе въ настоящее время невозможно, такъ какъ объ этомъ заботится общественная совѣсть ¹⁾. Развѣ въ томъ случаѣ возможно это, когда жестокость и грубость непреоборимы. Такъ на примѣръ, предъ глазами всей Европы совершаются ужасы армянской рѣзни, но нѣтъ возможности воспрепятствовать этому. Но эти ужасы подпали всеобщему обсужденію во всѣхъ культурныхъ странахъ, такъ какъ общественная совѣсть и гуманность нашего времени находятъ для себя сильную опору и надежное средство распространенія въ улучшенныхъ способахъ сообщенія, особенно же въ печати.

Наставеть ли когда нибудь время, когда люди будутъ жить въ полномъ мирѣ съ собою и съ природою, какъ это изображаетъ пророкъ Исаія (11 гл.), на это мы не можемъ надѣяться. Пророкъ говоритъ о Царствѣ славы, а мы живемъ въ Царствѣ благодати. Всѣ же признаки указываютъ на то, что жизнь и развитіе челоѣческаго духа въ природѣ совершаются на землѣ въ незначительной степени, и такъ будетъ продолжаться неизмѣримо долго. Челоѣкъ объединяетъ въ себѣ духъ и природу. Для достиженія же нравственнаго прогресса, нравственнаго совершенства, онъ долженъ вести упорную борьбу и съ своею и внѣшнею природою. И если въ этой работѣ здѣсь на землѣ онъ самъ по себѣ никогда не можетъ достигнуть полного покоя, полного мира, то во сколько разъ труднѣе ему будетъ жить и дѣйствовать въ нерушимомъ мирѣ и согласіи со всѣми другими людьми, которыя находятся въ подобномъ же положеніи и при общей внѣшней работѣ должны преодолѣвать еще большія трудности, чѣмъ при работѣ внутренней, направленной на свою только духовно-тѣлесную личность.

¹⁾ Reinhold Seeberg („Gewissen und Gewissensbildung“, 1896, S. 50) говорятъ: „Дѣйствительною силою совѣсть является только тогда, когда она произноситъ сужденіе обо мнѣ самомъ; общественная же совѣсть—это одна фраза“. Но такое опредѣленіе понятія педантично. Сужденіе о чужомъ поступкѣ во всякомъ случаѣ совершается не непосредственно совѣстью, а при посредствѣ разсудка. Правда, оно стоитъ въ тѣсной связи съ сужденіемъ о самомъ себѣ, но оно можетъ быть названо общественною совѣстью, если согласуется съ сужденіями тысячъ и милліоновъ людей и чрезъ это приобрѣтаетъ объективную силу“.

Подъ давленіемъ этихъ естественныхъ препятствій, которыя опредѣлены человѣку, какъ таковому, находился и Іисусъ Христосъ. Его любовь, встрѣчая временныя препятствія, возмущается святымъ гнѣвомъ, огорчается (Іоан. 11, 33, 38) и совершаетъ свою работу среди преслѣдованій, скорбей, борьбы, пока ей не полагается насильно конецъ на крестѣ. Она дала намъ образецъ, который для нашей земной совмѣстной дѣятельности абсолютно обязателенъ, такъ какъ заключаетъ въ себѣ источникъ нравственныхъ силъ, который въ своемъ теченіи, несмотря на всѣ препятствія, доселѣ служить возбуждающимъ и плодотворнымъ началомъ соціальной жизни человѣчества и никогда не изсякнетъ. Наша религіозная вѣра даетъ намъ увѣренность въ томъ, что результатъ нравственной работы, хотя изъ вѣка въ вѣкъ показываетъ и незначительный прогрессъ, однако, благодаря всемогущей верховной Силѣ, будетъ все болѣе возрастать и завершится полною побѣдою добра надъ зломъ въ лучшемъ мірѣ. Но значитъ ли это, что нравственный прогрессъ находится въ зависимости отъ матеріальныхъ условій жизни, или что нравственность вообще возникаетъ и прогрессируетъ на экономической почвѣ? Какое глубокое заблужденіе! Борьба съ своею и окружающею природою можетъ вызывать и возбуждать энергію духа, но эта энергія духа слишкомъ неравномѣрно можетъ распредѣляться въ сторону добра и зла. Какъ часто эта энергія вызываетъ только борьбу за существованіе, порождаетъ чудовищныя преступленія и узаконяетъ древне-римское: *ve victis*. И вотъ почему социалисты, при всѣхъ своихъ софизмахъ, никогда не докажутъ намъ, будто нравственность возникаетъ и утверждается на почвѣ экономическихъ условій жизни.

Свящ. А. Юрикасъ.

БОГЪ, КАКЪ ПЕРВАЯ ПРИЧИНА БЫТІЯ, СЪ ФИЛОСОФСКОЙ И ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

(Продолженіе *).

Г л а в а V-я.

Вопросъ о строеніи матеріи (крятка атомистической гипотезы); общій выводъ относительно реальности пассивнаго начала бытія.

Мы сказали, что матеріалистамъ для объясненія естественнаго происхожденія міра кромѣ единства матеріи необходимо требуются реальное существованіе атома и единство физическихъ силъ. Не смотря на то, что вопросъ о реальномъ существованіи атомовъ является для матеріализма, можно сказать, вопросомъ жизни и смерти, послѣдователи этого философскаго толка не смогли привести въ пользу утвердительнаго его рѣшенія ни одного новаго доказательства по сравненію съ тѣми защитниками атомизма, которые преслѣдуютъ и чисто естествознательныя цѣли—безотносительно къ какимъ бы то ни было философскимъ выводамъ. Вотъ почему, обращаясь къ атомистической теоріи, мы, собственно говоря, должны сводить счеты съ самими физиками и химиками,—приверженцами механическаго направленія. Итакъ, прежде всего, что же называютъ они атомомъ?

Если мы примемъ на себя трудъ раскрыть 26 и 47 страницы только что вышедшей въ свѣтъ книги Руайе, и внимательно разсмотрѣть въ ней краткое резюме современныхъ механистическихъ ученій, изложенное американцемъ Сталло, то увидимъ, что въ частности все современное механистическое

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1904 г. № 3.

ученіе объ атомахъ заключается въ слѣдующемъ положеніи: атомъ есть реально существующая, дискретная, минимальная, простая, неразрушимая и неизмѣняемая, имѣющая опредѣленную массу—единица матеріи. Пробѣгая взглядомъ исторію атомистики, которая послѣдовательно связывается съ именами Канада, Эмпедокла, Анаксагора, Левкиппа, Демокрита, Эпикура, Пифагора, Лукреція, Гассенди, Декарта, Бойля, Ньютона и Дальтона, можно видѣть, что по крайней мѣрѣ въ самое понятіе объ атомѣ механисты не внесли рѣшительно ничего новаго по сравненію съ тѣми свойствами и признаками, которые заключены были въ немъ и прежде; все различіе здѣсь сводится къ одному несходству въ терминологіи. Въ сущности говоря, всѣ перечисленные свойства атомовъ, кромѣ дискретности, опредѣленности массы и реальности ихъ существованія, содержатся въ одномъ главномъ, а именно въ минимальности ихъ размѣровъ. Изъ того, что атомъ обладаетъ наименьшею возможною величиною, слѣдуетъ, что онъ простъ или несложенъ: еслибы онъ, въ свою очередь, состоялъ изъ частей, то наименьшею величиной обладалъ бы ужъ не онъ, а его части, которыя въ этомъ случаѣ и слѣдовало бы считать атомами. Изъ того, что атомъ не сложенъ, не состоитъ изъ частей, прямо вытекаетъ, что его нельзя разрушить, потому что разрушеніе есть дѣленіе на части. Далѣе, такъ какъ по мнѣнію механистовъ всякое измѣненіе въ матеріи состоитъ въ движеніи ея частей, то атомы, не имѣющіе этихъ частей, являются также и неизмѣнными. Только вопросъ о томъ, всѣ ли атомы имѣютъ одинаковый объемъ и форму, раздѣляетъ механистовъ на два лагеря: фізики и механики, рассматривающіе матерію главнымъ образомъ со стороны массы, т. е., со стороны такого ея свойства, которое, какъ они думаютъ, одно только остается неизмѣннымъ при всѣхъ превращеніяхъ вещества, сообразно съ этимъ и матерію считаютъ однородною и атомы предполагаютъ совершенно одинаковыми; что касается химиковъ того же механистическаго направленія, то они въ большинствѣ случаевъ признаютъ, что неодинаковость вѣса и массы различныхъ тѣлъ зависитъ не только отъ различія въ числѣ атомовъ, но и отъ ихъ неодинаковой изначальной кон-

струкціи; очевидно, химики этого толка не могутъ признавать единства матеріи; такое обстоятельство ясно, между прочимъ, показываетъ, что атомизмъ есть только схема и ничего болѣе; двѣ, соприкасающіяся между собою науки—физика и химія одинаково прибѣгаютъ къ этой схемѣ, нисколько не заботясь о томъ, чтобы перевести ее на реальность или чтобы съ этою цѣлю, но крайней мѣрѣ, согласиться между собою относительно главныхъ свойствъ атомовъ; для физики и механики важно одно: всѣ явленія, подлежащія ихъ вѣдѣнію, съ большимъ удобствомъ схематически могутъ быть изображены съ помощью совершенно одинаковыхъ атомовъ; въ свою очередь для химіи важно только то, что для ея цѣлей необходимо и достаточно признать атомы съ опредѣленнымъ различіемъ въ массѣ; еслибы дѣло шло о перенесеніи атомистической схемы въ область реального міра, науки, опирающіяся на нее въ своихъ основаніяхъ, должны были бы ежеминутно свѣряться другъ съ другомъ относительно свойствъ атомовъ и каждый разъ вносить въ ученіе о нихъ соотвѣтствующія поправки, чего, какъ мы сейчасъ имѣли случай удостовѣриться, они совсѣмъ и не думаютъ дѣлать. Вотъ почему та самая химія, въ которой матеріалисты ищутъ себѣ главную точку опоры, въ сущности говоря, первая же становится имъ поперекъ дороги, отрицая, хотя быть можетъ и совершенно догматически, единство матеріи. Но, оставивъ вопросъ объ одинаковой формѣ, величинѣ и вѣсѣ атомовъ въ сторонѣ, и приписавъ имъ всѣ прочія свойства, поставимъ другого рода вопросъ: совмѣстимы ли эти свойства съ нашими представленіями о свойствахъ матеріи вообще?

Начнемъ съ минимальнаго размѣра атомовъ. Что можетъ обозначать такого рода размѣръ? Очевидно не нуль протяженія, потому что, на какое бы конечное число мы нуль ни помножили, мы никогда не получимъ ничего кромѣ нуля, т. е., не получимъ, значить, ни одного протяженнаго тѣла изъ атомовъ. Если теперь „минимальный размѣръ“ обозначаетъ размѣръ безконечно малый, то въ силу того, что всякая величина, если только она не нуль, допускаетъ возможность дѣленія на части, атомамъ никакъ будетъ невозможно приписывать про-

стоты и несложности, а съ ними и всѣхъ прочихъ вытекающихъ отсюда свойствъ. Стурдза въ данномъ случаѣ думаетъ отдѣлаться тѣмъ довольно оригинальнымъ соображеніемъ, что объемъ шара съ уменьшеніемъ радіуса уменьшается гораздо быстрее, чѣмъ его поверхность, и что, слѣдовательно, можно вообразить себѣ такое малое тѣло, которое при нулевомъ объемѣ можетъ обладать нѣкоторою, хотя очень малою поверхностью ¹⁾. Но это, очевидное дѣло, софизмъ, который можно повернуть и въ другую сторону: именно, можно сказать, что если намъ не дано никакого объема, то вмѣстѣ съ этимъ не дано и никакой поверхности; такимъ образомъ, мы опять таки получаемъ нуль протяженія, но совсѣмъ не бесконечно малый атомъ.

Вообще давно уже извѣстно, что минимальность размѣровъ, проще сказать, недѣлимость атомовъ стоитъ въ непримиримомъ противорѣчїи какъ съ опытомъ и наблюденіями, дающими намъ поразительные примѣры дѣлимости вещества, такъ и съ коренными требованіями нашего разума, который никогда не можетъ допустить, чтобы что либо матеріальное, т. е., имѣющее протяженіе, каковъ есть по возрѣвіямъ механистовъ атомъ, не допускало дѣленія на части. Подробно развѣвать и доказывать эти мысли значило бы стараться излагать въ другой формѣ то, что въ одной, при томъ довольно ясной формѣ изложено другими ²⁾. Здѣсь важно только обратить еще вниманіе на то обстоятельство, что, въ сущности говоря, физики и химики нисколько и не нуждаются въ предположеніи по крайней мѣрѣ абсолютной недѣлимости атомовъ; для физика молекула такое же недѣлимое цѣлое, какимъ и для химика является атомъ. Вотъ почему недѣлимость мельчайшихъ частицъ матеріи послѣдовательно оспаривается не только метафизикой у химїи, но и химїей у физики. Для физики молекула естественнаго магнита есть недѣлимое цѣлое, потому что, по разрушеніи этой молекулы—магнита уже получить вельзя: до

¹⁾ Prince Gregorii Stourdza; Les lois fondamentales de l'univers; Paris, 1891, p. 34.

²⁾ Разумѣль статью Кудрявцева „Матеріалистическій атомизмъ“;—Сочиненія т. 3, выи. I стр. 34--41; Сергіевъ Посадъ, 1894 г.

всего остального физики нѣтъ положительно никакого дѣла. Очевидно однако, что такого рода недѣлимость чисто условнаго и относительнаго характера. Химикъ всегда можетъ спросить: „отчего вы не идете дальше? недѣлимая молекула магнита есть выраженіе невѣрное, потому что самая мельчайшая его частичка состоитъ изъ желѣза и кислорода; а вотъ атомъ желѣза—это уже истинный атомъ, никакъ не разложимый. Только что химикъ успокоился на своемъ атомѣ, является метафизикъ и спрашиваетъ: по какому праву вы остановились на атомѣ и не идете дальше? я имѣю право думать, что вашъ атомъ также есть конгрегатъ? На это химикъ долженъ отвѣтить, что для него это совершенно безразлично, потому что этотъ атомъ есть атомъ для химическихъ явленій, какъ молекула магнита есть атомъ для магнитныхъ явленій и не есть атомъ для химическихъ явленій“¹⁾. Впрочемъ, даже и не слушая метафизика, современная химія неизбѣжно сама приводитъ насъ къ понятію объ атомѣ третьяго еще болѣе высшаго порядка; въ самомъ дѣлѣ, химики, какъ извѣстно, утверждаютъ, что изъ атомовъ состоятъ только элементы, но не простыя тѣла, въ формѣ которыхъ они являются въ природѣ, и что все различіе между сложными и простыми тѣлами заключается лишь въ томъ, что молекулы первыхъ состоятъ изъ качественно различныхъ атомовъ, тогда какъ молекулы вторыхъ изъ атомовъ однородныхъ. Но тогда неизбѣжно является вопросъ: изъ чего же состоятъ молекулы такихъ металловъ, какъ ртуть, кадмій, цинкъ, натрій, когда по признанію самихъ химиковъ всѣ эти молекулы заключаютъ въ себѣ по одному атому? Очевидно, если мы еще желаемъ сохранить различіе элементовъ отъ простыхъ тѣлъ, то должны считать атомы подлежащими дальнѣйшему дѣленію. Не трудно видѣть, что въ концѣ концовъ надъ атомами физическими будутъ возвышаться атомы химическіе, надъ атомами химическими—атомы третьяго порядка, надъ этими—атомы четвертаго, пятаго, шестого порядка и т. д. до бесконечности. Прямымъ логическимъ выводомъ изъ такого положенія вещей является бесконечная дѣлимость мате-

¹⁾ Гольдштейнъ. Атомистическая гипотеза въ ея современномъ положеніи. Мысль 1880 г., сентябрь, стр. 182—183.

ри. Сколь бы малою молекула сѣрной кислоты H^2SO^4 ни была, но очевидно молекула озона— O^3 , если не по объему, то по вѣсу меньше ея, потому что въ молекулѣ сѣрной кислоты кромѣ нея находятся еще молекулы водорода и сѣры; въ свою очередь сколь бы малою молекула озона ни была, но очевидно молекула кислорода— O^2 по объему меньше ея, потому что въ молекулѣ озона, кромѣ нея находится еще одинъ атомъ кислороднаго элемента; наконецъ, сколь бы малою молекула кислорода ни была, но атомъ кислорода очевидно меньше ея. Отсюда не въ правѣ ли мы сдѣлать заключеніе, что сколь бы малымъ ни былъ и атомъ кислорода, но и онъ, подобно атомамъ ртути или кадолія состоитъ изъ какихъ нибудь еще болѣе мелкихъ по размѣру атомовъ? Словомъ всѣ данныя приводятъ васъ къ заключенію, что для дѣлимости вещества нѣтъ никакихъ предѣловъ, что она не можетъ быть конечною. Мы можемъ себѣ представить конечною пространство, но ни за что не можемъ себѣ представить конечною дѣлимость вещества. Пусть мы допустимъ здѣсь *regressus in infinitum*, пусть по разрушеніи атома цинка мы получимъ какой нибудь круковскій протиль и т. п., но мы можемъ и должны со всѣмъ этимъ примириться только потому, что въ противномъ случаѣ впадемъ въ неразрѣшимыя противорѣчія.

Мы не станемъ много разсуждать о томъ, что химики механическаго направленія никакими средствами не могутъ вамъ объяснить, откуда взялось въ атомахъ химическихъ элементовъ различіе атомныхъ вѣсовъ и гдѣ искать причину этого различія: въ этомъ пунктѣ они являются совершенно догматическими.

Но и третье свойство атомовъ, дискретность, по меньшей мѣрѣ, также заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Чтобы вскрыть или обнаружить это противорѣчіе, стоитъ лишь произвести слѣдующее замѣчательно простое и вполне логическое разсужденіе. Если атомы дискретны, то вопросъ: что находится между ними? Если, какъ думаютъ механисты, между ними находятся эфирные атомы, то опять вопросъ: что находится между любымъ эфирнымъ и простымъ атомомъ? Если ничего, то нѣтъ основаній допускать, что атомы дискретны.

Дѣйствительно, какъ скоро мы допустимъ, что одинъ напр., атомъ желѣза прилегаетъ къ одной сторонѣ такого то эфирнаго атома, а другой атомъ, напр. мѣди, прилегаетъ къ другой сторонѣ того же эфирнаго атома, и какъ скоро ни между первымъ и эфирнымъ, ни между вторымъ и тѣмъ же эфирнымъ атомомъ нѣтъ рѣшительно ничего, то мы получимъ матерію какъ нѣчто сплошное—протяженное, въ различныхъ мѣстахъ имѣющее различную твердость, цвѣтъ, запахъ и т. п. ¹⁾ Въ сущности говоря, та же физика утверждаетъ намъ, что то, что мы называемъ пустотой, на самомъ дѣлѣ есть только невидимая для насъ, незамѣчаемая нашими глазами вещественная среда въ родѣ воздуха или эфира. Вотъ почему съ точки зрѣнія нашихъ чувствъ мы конечно можемъ говорить объ отдѣльно существующихъ физическихъ тѣлахъ или предметахъ, потому что эти чувства одну часть матеріи замѣчаютъ, другую нѣтъ, слѣдующую опять замѣчаютъ или вѣрнѣе—одну замѣчаютъ болѣе,—другую меньше; третью опять болѣе и часть матеріи, ими не замѣчаемая или менѣе всего замѣчаемая, можетъ для нихъ всегда служить пустымъ пространствомъ или фономъ, раздѣляющимъ отдѣльныя замѣчаемыя ими части матеріи; но это обстоятельство очевидно нисколько не говоритъ намъ за дѣйствительную и настоящую дискретность этихъ частей. Строго говоря, существуетъ на свѣтѣ всего только одинъ предметъ—міръ; всѣ же остальные физическія тѣла составляютъ нераздѣльныя части этого огромнаго предмета.

Отсюда, между прочимъ, вытекаетъ несостоятельность того, прежде часто повторявшагося аргумента въ пользу реальнаго существованія атомовъ, что будто бы при немъ только возможно объяснить себѣ явленія разрушенія и разрыва тѣлъ. Когда какія нибудь физическія тѣла напр. камень или веревка подъ вліяніемъ давленія или натяженія разбиваются или рвутся, то въ мѣстѣ разединенія частей можетъ происходить не отдѣленіе другъ отъ друга атомовъ, а лишь простое

¹⁾ Опыты Спринга показываютъ, что, употребляя достаточное давленіе, можно сплавить между собою два различныхъ металла безъ всякаго повышенія температуры, тѣмъ болѣе атомы, соприкосновеніе которыхъ происходятъ въ строго геометрической плоскости, не могутъ быть дискретными

растяженіе и ранѣе заключавшейся между этими частями эфирной или даже воздушной, газообразной матеріи. Если, закрывъ глаза, мы употребимъ усиліе съ цѣлью разорвать на двѣ части клочекъ пеньки, то совершивъ это усиліе мы подумаемъ, что и дѣло кончено, что пенька давно разорвана, однако, раскрывъ глаза, мы сейчасъ же убѣдимся въ томъ, что ошиблись: двѣ части далеко еще не отдѣлились другъ отъ друга и связаны между собою еще многими волокнами; ошибка же произошла вслѣдствіе того, что для своего растяженія эти волокна уже не требуютъ замѣтнаго для насъ усилія; то же, въ частности, слѣдуетъ сказать и относительно видимаго разрушенія твердыхъ тѣлъ вообще съ тѣмъ только различіемъ, что здѣсь кромѣ мускульнаго чувства обману подвергается еще и наше зрѣніе.

Приведенныя соображенія показываютъ намъ, что уже въ самомъ понятіи атома заключаются такія свойства и признаки, которые едва-ли могутъ ему выдать патентъ на реальное существованіе. Разсмотрѣніе послѣдняго свойства кромѣ того перекидываетъ намъ мостъ къ критическому изслѣдованію доказательствъ, которыя могутъ быть приведены въ пользу реального его существованія.

Въ сущности говоря, по отношенію къ реальному существованію атомовъ того, что мы обыкновенно разумѣемъ подъ словомъ „доказательство“, въ особенности того, что мы привыкли разумѣть подъ нимъ, когда рѣчь идетъ о доказательствахъ, заимствованномъ изъ области физики и химіи, этого, говоримъ мы, вовсе не существуетъ. Какъ увидимъ ниже, то, что обыкновенно приводится въ пользу атомизма, на самомъ дѣлѣ ровно ничего не доказываетъ. Но исключеніе составляетъ Гирнъ. Насколько намъ извѣстно, онъ первый и по всей вѣроятности послѣдній сдѣлалъ попытку привести въ пользу реального существованія атомовъ аргументъ въ собственномъ и настоящемъ смыслѣ этого слова; если только допустить, что послышки въ его умозаключеніяхъ обладаютъ матеріальною правильностью, то изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, дѣйствительно будетъ слѣдовать положеніе, что существуетъ атомъ, а не какая либо другая мысль. Гирнъ въ своемъ доказательствѣ опирается на

открытый имъ законъ эквивалентности теплоты и работы ¹⁾. Онъ разсуждаетъ такъ: если бы тѣла не были составлены изъ недѣлимыхъ и неизмѣняемыхъ въ своемъ объемѣ частицъ, тогда всякое тѣло, путемъ сокращенія его объема, можно было бы свести къ одной точкѣ. Но этого сдѣлать невозможно по двумъ причинамъ. Сокращать объемъ тѣла можно было бы или путемъ пониженія его температуры, или путемъ механическаго давленія. Первымъ способомъ свести объемъ тѣла къ точкѣ невозможно какъ потому, что уменьшеніе объема далеко не пропорціонально пониженію температуры, именно происходитъ тѣмъ медленнѣе, чѣмъ ниже температура, такъ и потому, что само еще пониженіе температуры тѣла имѣетъ для себя предѣлъ въ такъ называемомъ абсолютномъ нулѣ, ниже котораго извлечь изъ тѣла сколько нибудь теплоты невозможно. Вторымъ способомъ также нельзя достигнуть цѣли. Если бы, напр. когда нибудь можно было хотя до половины сократить объемъ даннаго тѣла посредствомъ механическаго давленія, то потомъ, понизивъ его температуру до абсолютнаго нуля и предоставивъ ему расширяться до первоначальнаго объема, мы получили бы работу безъ затраты теплоты.

Все приведенное доказательство очевидно держится на предположеніи о реальномъ существованіи такъ называемаго абсолютнаго нуля температуры. Но нельзя не замѣтить, что къ существованію такой температуры физика заключаетъ именно отъ предположенія, что объемъ газа можетъ быть сведенъ къ одной точкѣ. По закону Ге-Люссака всѣ газы обладаютъ почти одинаковымъ коэффиціентомъ расширенія отъ тепла. Этотъ коэффиціентъ обыкновенно приводится къ числу 0,003665, равному среднему коэффиціенту расширенія воздуха, т. е. къ $\frac{1}{273}$. Предполагая, что если сжатіе газа при каждомъ пониженіи температуры на 1° будетъ происходить на $\frac{1}{273}$ часть его первоначальнаго объема, физика заключаетъ, что это пониженіе не можетъ происходить ниже 273 градусовъ холода, потому что въ противномъ случаѣ, надо было бы допустить, что объемъ тѣла можетъ стать меньше точки, что уже совсѣмъ

¹⁾ Анализъ вселенной въ ея элементахъ, стр. 202—206; Москва 1898 г.

невозможно. Ясное дѣло, что физика заключаетъ здѣсь не отъ пониженія температуры къ возможному уменьшенію объема, какъ это дѣлаетъ Гирнъ, но совершенно наоборотъ, отъ уменьшенія объема—до одной точки—къ возможному пониженію температуры. Отсюда повятно, что можно доказать лишь то положеніе, что температуру тѣла викогда нельзя понизить дальше 273° холода, но не то, что объемъ его нельзя свести къ одной точкѣ. Указаніе на то, что уменьшеніе объема происходитъ быстрѣе пониженія температуры имѣетъ здѣсь не большее значеніе, чѣмъ вышеприведенное разсужденіе Стурдзы: пусть уменьшеніе объема происходитъ медленнѣе, но оно происходитъ всегда и непрерывно, насколько намъ о томъ позволяетъ судить опытъ ¹⁾. Что касается до сжатія газа путемъ механическаго давленія, то здѣсь, какъ это ни странно, Гирнъ еще запутался въ своихъ собственныхъ разсужденіяхъ. Употребляя его же собственные выраженія, можно также доказать, что объемъ газа невозможно сжать путемъ механическаго давленія не только на $\frac{1}{2}$ 73 , но и на какую угодно малую часть его первоначальнаго объема. Въ самомъ дѣлѣ, на сколько бы мы ни сокращали первоначальный объемъ газа, всегда конечно произведенное этимъ сжатіемъ повышение его температуры возможно будетъ уничтожить охлажденіемъ газа до температуры абсолютнаго нуля; но отсюда никоимъ образомъ не будетъ слѣдовать, что мы въ состояніи затѣмъ путемъ собственнаго расширенія газа получить работу безъ затраты теплоты; очевидное дѣло, что на расширеніе газа отъ объема при абсолютномъ нулѣ до объема, полученнаго послѣ прекращенія механическаго давленія, ему нужно будетъ заимствовать теплоту отъ окружающей среды, причемъ въ противномъ случаѣ, онъ не будетъ и расширяться, а на расширеніе его отъ этого объема до первоначальнаго онъ употребитъ часть этой же самой заимствованной теплоты, причемъ температура его соотвѣтственнымъ образомъ понизится, такъ что въ концѣ концовъ газъ приметъ первоначальное состояніе какъ по объему, такъ и по температурѣ.

¹⁾ Мы не оспариваемъ конечно того, что существуетъ предѣлъ сжатію тѣла, путемъ дѣйствія какой вѣбудь данной силы, но мы утверждаемъ, что, употребивъ сколько угодно большую силу, объемъ тѣла можно сдѣлать сколько угодно малымъ.

Но кромѣ того, если бы тѣла дѣйствительно достигали температуры абсолютнаго нуля при сравнительно небольшомъ уменьшеніи своего объема, то такой абсолютный нуль далеко не соотвѣтствовалъ бы; да онъ, собственно говоря, при настоящихъ условіяхъ и не соотвѣтствуетъ полному отсутствію теплоты въ тѣлѣ. „Даже для простѣйшаго тѣла, пишетъ Менделѣевъ, частица котораго содержитъ лишь одинъ атомъ, мыслимо при нагрѣваніи истинно химическое соединеніе, потому что въ химическихъ реакціяхъ выдѣляется больше того количества тепла, которое участвуетъ въ чисто физическихъ измѣненіяхъ. Граммъ водорода, охладившись до температуры абсолютнаго нуля, выдѣлитъ всего около 1000 единицъ тепла, 8 граммовъ кислорода половину этого; соединясь же между собою, они выдѣляютъ при образованіи 9 граммовъ воды слишкомъ въ 30 разъ больше тепла ¹⁾. Отсюда, вопреки Гирну, мы имѣемъ право допустить, что, начиная отъ абсолютнаго нуля, температура тѣла можетъ расширяться до первоначальнаго объема, заимствуя теплоту даже и изъ себя самого, но лишь подвергаясь при этомъ какому нибудь химическому превращенію,

Вѣроятно въ силу приведенныхъ соображеній, а можетъ быть и почему нибудь другому, но доказательство Гирна въ пользу реального существованія атомовъ современными механистами обыкновенно игнорируется. Взамѣнъ этого, начиная съ открытія дальтоновскаго закона и кончая новѣйшими авторами всевозможныхъ теорій о строеніи матеріи, въ качествѣ единственнаго и главнаго доказательства въ пользу атомизма приводился и приводится этотъ самый дальтоновскій законъ. Мы уже приводили этотъ законъ. Говорятъ: если бы не существовало дискретныхъ частицъ матеріи, то слѣдовало бы ожидать, что одно и то же тѣло будетъ вступать во всевозможныя химическія соединенія съ другими тѣлами, какъ въ количествахъ кратныхъ по отношенію къ наименьшему его вѣсу въ извѣстныхъ намъ его соединеніяхъ, такъ и не въ кратныхъ; но разъ на дѣлѣ мы видимъ только первое, мы должны, говорятъ, признать, что существуютъ атомы, которые въ силу своей нераз-

¹⁾ Менделѣевъ Основы химіи; С.-П.-Б., 1895 г. стр. 409, примѣч. 8.

рушимости, сколько бы каждый изъ нихъ въ извѣстномъ простомъ тѣлѣ ни вѣсилъ, могутъ вступать въ соединенія только въ цѣлыхъ количествахъ, а потому и въ вѣсовыхъ частяхъ кратныхъ по отношенію къ вѣсу одного атома. Но еще прежде всякихъ специальныхъ разсужденій, мы уже ясно видимъ, что законъ Дальтона во всякомъ случаѣ не опровергаетъ и не можетъ собою опровергнуть и всякой другой гипотезы строенія матеріи на ряду съ атомистической. Законъ этотъ свидѣтельствуешь о томъ, что химическіе элементы соединяются между собою по опредѣленнымъ вѣсовымъ отношеніямъ и больше ни о чемъ; но такое допущеніе съ удобствомъ можетъ быть принято и противоположною атомистической теоріей строенія матеріи,—теоріей, представляющей ее какъ нѣчто сплошное или „continuum“. Напрасно намъ указываютъ именно на кратность отношеній, когда намъ отлично извѣстно, что, пользуясь однимъ простымъ правиломъ товарищества, всякія даже самыя дробныя отношенія всегда можно сдѣлать кратными и что, наоборотъ, пользуясь простыми правилами превращенія цѣлыхъ чиселъ въ данныя дробныя части, всякія кратныя отношенія можно сдѣлать дробными. Если намъ говорятъ, что слагаемая какой нибудь суммы относятся другъ къ другу какъ 3, $\frac{7}{15}$, 145, $\frac{13}{8}$ и 8, то очевидно вмѣсто этого съ одинаковою правильностью и вѣрностью можно сказать, что эти части отвоятся другъ къ другу какъ 90, 14, 4350, 65 и 240 и наоборотъ. Правда, законъ Дальтона гласить не только о кратности, но еще и о простотѣ отношеній, т. е., о сравнительно небольшой величинѣ чиселъ, выражающихъ эти отношенія; и это обстоятельство дѣйствительно могло бы служить нѣкоторымъ подтвержденіемъ атомистической гипотезы; но въ этомъ случаѣ законъ Дальтона противорѣчитъ уже непосредственнымъ показаніямъ опыта, въ этомъ случаѣ онъ является уже прямо невѣрнымъ закономъ. Въ подтвержденіе этого можно привести, напр., даже только 4 соединенія углерода съ водородомъ, именно: метанъ, этиленъ, гептанъ и нафталинъ, въ каждомъ изъ этихъ соединеній на одно и то же вѣсовое количество водорода приходятся слѣдующія количества углерода: 12, 24, 21 и 60; но развѣ это числа простыя, развѣ это числа съ небольшою сравнительно величиной?

Въ виду важности предмета мы не можемъ не привести здѣсь образцовой исторической критики дальтонова закона у Гольдштейна. Давно извѣстно, что одинъ уже историческій или психологическій процессъ возникновенія и развитія извѣстной доктрины часто служитъ болѣе блестящимъ ея опроверженіемъ, чѣмъ самые безпощадные удары критики. Вотъ какимъ образомъ ведетъ и строить свои разсужденія Гольдштейнъ. „Предположимъ, говоритъ онъ, что намъ дано нѣсколько ящиковъ, въ каждомъ изъ которыхъ содержится дерево и свинецъ, предположимъ, далѣе, что намъ дана возможность знать соотношеніе между количествами дерева и свинца въ каждомъ ящикѣ. Изучивъ эти соотношенія въ каждомъ изъ ящиковъ, мы, предположимъ, получимъ слѣдующія результаты:

Въ 1 ящ.	на каждый	1 гр.	дерева	приход.	20 гр.	свинца		
„ 2	„	„	„	„	40	„	„	
„ 3	„	„	„	„	60	„	„	
„ 4	„	„	„	„	80	„	„	
„ 5	„	„	„	„	100	„	„	

Еслибы при этомъ мы знали, что въ эти ящики вкладывались дерево и свинецъ совершенно на удачу, безъ всякой опредѣленной, преднамѣренной мысли, то насъ, конечно, поразило бы то обстоятельство, что количество свинца во 2 ящикѣ вдвое больше чѣмъ въ 1-мъ, въ 3 втрое больше, въ четвертомъ—въ четверо, въ пятомъ—впятеро“.

„Представимъ себѣ, что мы хотѣли бы дать себѣ объясненіе подобному странному обстоятельству; мы, вѣроятно, построили бы слѣдующее предположеніе“.

„Въ ящикахъ лежатъ деревянныя и свинцовыя тѣла (шарики, кубики или многогранники), изъ которыхъ каждое вѣситъ определенное число граммовъ. Всего *проще* допустить, что каждое деревянное тѣльце вѣситъ 1 граммъ, а каждое свинцовое 20 граммовъ. Тогда становится все понятнымъ; тогда, значить, въ 1 ящ. содержится 1 деревянный шарикъ и 1 свинцовый; во второмъ—1 деревянный и 2 свинцовыхъ и т. д. Если бы у насъ вдругъ оказался бы ящикъ, въ которомъ на 1 гр. дерева пришлось 30 гр. свинца, то или необходимо было бы допустить, что здѣсь на каждый одинъ де-

ревянный шарикъ приходится $1\frac{1}{2}$ свинцовыхъ, или же, что въ этомъ ящикѣ на каждыя два деревянныхъ шарика приходится три свинцовыхъ. Теперь намъ представляется свободный выборъ между обоими допущеніями, и все дѣло зависитъ отъ того, пожелаемъ ли мы признать, что въ ящикахъ лежатъ только цѣлыя шарика или же не пожелаемъ этого. Если бы мы нашли, на примѣръ, и такой ящикъ, въ которомъ на 1 граммъ дерева приходилось бы $27\frac{1}{4}$ гр. свинца, и такой, въ которомъ на 1 гр. дерева пришлось бы 41 гр. свинца, то, по всей вѣроятности, мысль о существованіи цѣлыхъ шариковъ не пришла бы намъ въ голову, потому что, допустивъ въ этихъ послѣднихъ случаяхъ существованіе цѣлыхъ шариковъ, изъ которыхъ деревянный вѣситъ 1 гр., а свинецъ 20 гр., необходимо было бы принять, что въ одномъ изъ этихъ послѣднихъ ящиковъ приходится на 80 дер. шариковъ 109 свинцовыхъ, въ другомъ—на 20 дер. 41 свинцовыхъ. Все дѣло зависѣло бы стало быть отъ того, на которые бы изъ ящиковъ мы натолкнулись съ самаго начала; натолкнулись бы на послѣдніе два—никакой мысли о цѣлыхъ шарикахъ не явилось бы; натолкнулись бы на первые пять—эта мысль вѣроятно явилась бы“.

„Дальтонъ натолкнулся на факты, подобныя случаямъ съ первыми ящиками и потому усмотрѣлъ въ нихъ явное свидѣтельство о существованіи нѣкоторыхъ весьма малыхъ массъ имѣющихъ опредѣленный вѣсъ, массъ, которыя цѣликомъ, не дробясь, входятъ во взаимныя сочетанія. Въ самомъ дѣлѣ, Дальтонъ изслѣдовалъ сначала два вещества—болотный газъ и этиленъ; оба они образуются изъ угля и водорода; отыскивая соотношенія между количествомъ угля и водорода въ болотномъ газѣ Дальтонъ находитъ, что въ немъ на 1 гр. водорода приходится 3 гр. угля, сдѣлавши то же изслѣдованіе относительно этилена, Дальтонъ находитъ, что здѣсь на 1 гр. водорода приходится 6 гр. угля. Его поражаетъ этотъ фактъ, и онъ рѣшается посмотреть, существуетъ ли подобная же простота и въ другихъ случаяхъ; онъ обращается съ соединеніямъ азота съ кислородомъ и тамъ находитъ еще болѣе поразительный примѣръ. Азотъ даетъ съ кислородомъ 4 раз-

личныхъ соединенія; при изслѣдованіи этихъ соединеній оказывается, что въ нихъ на 1 гр. азота приходится слѣдующее количество граммовъ кислорода:

Въ первомъ на 1 гр. азота приход. $\frac{4}{7}$ гр. кислор.

Во второмъ „ 1 „ „ „ $\frac{8}{7}$ „ „

Въ третьемъ „ 1 „ „ „ $\frac{12}{7}$ „ „

Въ четвертомъ 1 „ „ „ $\frac{20}{7}$ „ „

Иначе говоря, количества кислорода, приходящіяся на одно и то же вѣсовое количество азота, относятся между собою какъ 1:2:3:5“.

„Такая простота, наблюденная въ двухъ случаяхъ—въ одномъ, гдѣ участвовали уголь и кислородъ, въ другомъ—азотъ и кислородъ—заставила Дальтона придти къ заключенію, что очевидно соединеніе тѣлъ между собою происходитъ, такъ сказать, цѣльными порціями; что разъ азотъ въ одномъ соединеніи беретъ одну нѣкоторую порцію кислорода, то въ другомъ онъ уже беретъ такихъ порцій двѣ, въ третьемъ—три и т. д., и что не бываетъ такого случая, гдѣ бы азотъ, взявъ въ одномъ соединеніи такую-то порцію, въ другомъ взялъ напримѣръ $1\frac{1}{2}$ этой порціи; эти порціи отпускаются какъ бы цѣликомъ. Отъ чего же это можетъ зависѣть? Отъ того, разсуждалъ Дальтонъ, что эти порціи очевидно недѣлимы. Эти-то недѣлимые порціи, *цѣликомъ* присоединяющіяся и представились воображенію Дальтона тѣми недѣлимыми атомами, къ которымъ, начиная съ Демокрита, постоянно возвращались разные ученые“.

„Только благодаря весьма слабому развитію химіи во время Дальтона, благодаря тому, что онъ случайно приступилъ къ изслѣдованію вышеупомянутыхъ веществъ, и былъ установленъ законъ кратныхъ пропорцій“.

„Если бы въ то время, когда Дальтонъ взялся за изслѣдованіе болотнаго газа и этилена, ему было извѣстно хотя бы еще два какихъ нибудь соединенія угля съ водородомъ, напримѣръ, гептанъ съ нафталиномъ, то у него не явилось бы, вѣроятно, и мысли о законѣ кратныхъ пропорцій“.

„Но еще хуже было бы, если бы Дальтонъ сталъ изслѣдовать цѣлый рядъ соединеній угля съ водородомъ, извѣстныхъ,

напримѣръ, намъ. Тутъ исчезла бы всякая попытка искасть какіе либо законы подобные тому, какой установилъ онъ. Дѣйствительно, въ этомъ случаѣ оказалось бы, что вотъ какія количества угля приходятся въ разныхъ соединеніяхъ его на 1 граммъ водорода:

Въ болотномъ газѣ	(CH^4)	на 1 гр. водор.	3 гр. угля		
„ этанѣ	„ (C^2H^6)	„ 1 „	„ 4 „	„	„
„ пропанѣ	„ (C^3H^8)	„ 1 „	„ $4\frac{1}{2}$ „	„	„
„ гептанѣ	„ (C^7H^{16})	„ 1 „	„ $5\frac{1}{4}$ „	„	„
„ айкозанѣ	„ ($\text{C}^{20}\text{H}^{42}$)	„ 1 „	„ $5\frac{15}{21}$ „	„	„
„ валериненѣ	(C^5H^8)	„ 1 „	„ $7\frac{1}{2}$ „	„	„
„ антраценѣ	„ ($\text{C}^{14}\text{H}^{10}$)	„ 1 „	„ 3 „	„	„
„ трифенилистанѣ	($\text{C}^{14}\text{H}^{16}$)	„ 1 „	„ $14\frac{1}{4}$ „	„	„

„Очевидно, что здѣсь уже нѣтъ ни слѣда кратности; и начви Дальтонъ случайно съ этихъ соединеній—вѣдь возможно же было, что они были бы какъ разъ извѣстны во время Дальтона,—закона кратныхъ отношеній не существовало бы, и атомистическая гипотеза не получила бы „могущественнаго научнаго подтвержденія“, какъ часто выражаются современные химики. Но судьбѣ угодно было распорядиться иначе: Дальтонъ, повторяемъ, *чисто случайно*, благодаря отсутствію богатаго фактическаго матеріализма, изучилъ два соединенія углерода съ водородомъ, затѣмъ окислы азота,—и законъ кратныхъ отношеній получилъ званіе первостепеннаго, основнаго закона химіи, послуживъ оплотомъ научному атомизму“.

Однако, продолжаетъ Гольдштейнъ, факты вѣдь рѣзали глаза, нельзя же было не видѣть того, что закона кратныхъ пропорцій, какъ общаго закона, охватывающаго весь матеріаль, не существуетъ? И вотъ наука, чтобы не бросать этого закона, дѣлаетъ слѣдующее: она вводитъ также множители, которые обратили бы всѣ дробныя числа вышеприведенной таблицы въ цѣлыя, это сдѣлать не трудно; мы можемъ, напримѣръ, написать вмѣсто предыдущей таблицы слѣдующую:

Въ болотномъ газѣ	(CH^4)	на 100 гр. вод.	прих.	300 гр. угля		
„ этанѣ	„ (C^2H^6)	„ „	„ „	„ 400 „	„	„
„ пропанѣ	„ (C^3H^8)	„ „	„ „	„ 450 „	„	„

Въ гексанѣ газѣ (C^6H^{14})	на 100 гр. вод.	прих.	$514\frac{3}{7}$ гр. угля
„ гептанѣ „ (C^7H^{16})	„ „ „ „ „	„	525 „ „
„ валериненѣ „ (C^8H^{18})	„ „ „ „ „	„	750 „ „
„ антраценѣ „ ($C^{14}H^{10}$)	„ „ „ „ „	„	1680 „ „
„ трифенил. „ ($C^{14}H^{16}$)	„ „ „ „ „	„	1425 „ „

„Тутъ уже за исключеніемъ одного гексана всѣ числа относятся между собою какъ цѣлыя. Само собою разумѣется, что путемъ весьма простыхъ ариметическихъ дѣйствій можно сдѣлать и такъ, чтобы и гексанъ далъ цѣлое число, и тогда „desorum“ будетъ соблюденъ, ибо можно будетъ сказать, что количества угля, приходящіяся на одно и то же количество водорода (700 гр.) относятся между собою какъ простыя числа 2100, 2800, 3150, 3600, 3675, 5250, 11760 и 9975“.

„Но для каждаго не предвзятаго человѣка ясно, что; допускаемая такую свободу ариметики, мы можемъ всякую рациональную дробь перемножить на такого множителя, который обратитъ эту дробь въ цѣлое число, и, стало быть; такой законъ кратныхъ отношеній мы можемъ найти вездѣ; дѣй у насъ имѣются между двумя величинами какія либо конечныя соотношенія“.

„Итакъ законъ кратныхъ отношеній въ той формѣ, какъ онъ обыкновенно выражается, на самомъ дѣлѣ не существуетъ; и если онъ удерживается и по сіе время въ химіи, то скорѣе благодаря той роли, которую онъ, не смотря на свою примѣнимость только къ небольшому числу фактовъ, сыгралъ въ исторіи развитія химіи. Именно;... основанныя на немъ разсужденія служили втеченіе многихъ лѣтъ единственнымъ основаніемъ для отысканія относительныхъ вѣсомъ атомовъ“.

„Не трудно; однако; показать, что эти разсужденія нисколько не требуютъ признанія недѣлимости или конечности величинъ атомовъ; ибо тѣ же самые выводы получаются, если мы вопроsemъ о недѣлимости атомовъ совершенно исключимъ“.

„Въ самомъ дѣлѣ; опытъ даетъ намъ такой результатъ: для того, чтобы получить воду, мы должны взять непременно на одну вѣсовую часть водорода 8 вѣсовыхъ частей кислорода, т. е.

1 грам. водор.	+8 грам.	кислор.	=9 грам. воды.
1 пуд. „	+8 пуд.	„ „	9 пуд. „
1/n гр. „	+8/n гр.	„ „	9/n гр. „

Если мы примемъ, что n —число хотя чрезвычайно большое, но конечное, то этимъ самымъ скажемъ, что не можемъ безпредѣльно уменьшать наше количество водорода, т. е., что дѣлимости водорода есть нѣкоторый предѣлъ. Пусть число n равно положимъ триллиону; въ такомъ случаѣ $\frac{1}{\text{трилл.}}$ грам. водор. + $\frac{8}{\text{трилл.}}$ гр. кислор. = $\frac{9}{\text{трилл.}}$ гр. воды. Если же мы допустимъ, что триллионъ это крайнее значеніе n , то $\frac{1}{\text{трилл.}}$ будетъ выражать вѣсъ атома водорода, а $\frac{8}{\text{трилл.}}$ будетъ выражать вѣсъ атома кислорода, $\frac{9}{\text{трилл.}}$ будетъ выражать вѣсъ „атома“ воды“.

„Но очевидно, что, если мы допустимъ для n значеніе безконечно большое, но сохраняющее свою величину, то все же: $\frac{1}{\infty}$ грам. водорода + $\frac{8}{\infty}$ гр. кислорода = $\frac{9}{\infty}$ гр. воды“.

„Ясно, стало быть, что полученные для „вѣсовъ атомовъ“ числа нисколько не связаны съ тѣмъ, признаемъ ли мы безконечную или конечную дѣлимость матеріи, т. е., признаемъ атомистику или нѣтъ“.

„Полученныя Дальтономъ или нынѣ употребляемые „вѣса атомовъ“ вовсе не потому важны, что они дѣйствительно выражаютъ намъ „вѣса атомовъ“, а только потому, что они даютъ самое общее выраженіе для количественныхъ соотношеній соединяющихся веществъ“¹⁾.

Но если точно дальтонова закона не существуетъ, то рушилось послѣднее основаніе атомизма. Сущность всѣхъ прочихъ соображеній въ пользу атомизма заключается въ томъ, что эта теорія весьма удачно объясняетъ многія явленія изъ области физики и химіи, напр., кристаллизаціи, полиморфизма, изомеріи, поляризаціи и распространенія свѣта и т. п. Но когда мы вспомнимъ, что если тѣ же самыя явленія изомеріи вначалѣ ставились въ рядъ такихъ, которыя съ точки зрѣнія атомизма не могутъ быть объяснимы и что атомисты при попыткѣ объяснить ихъ благополучно могли унести ноги только путемъ соотвѣтствующихъ дополненій и поправокъ въ своей

¹⁾ Гольдштейнъ. Основы философіи химіи; Спб., 1898 г., стр. 22—28; и дѣйствительно, Страховъ отлично показалъ, что весь фундаментъ современной химіи можно перестроить; совершенно отстранивъ понятіе объ атомахъ (Міръ какъ цѣлое, 1872 г., 498—504).

теоріи, если мы вспомнимъ, что вообще не факты являлись одинъ за другимъ въ подтвержденіе атомистической гипотезы, а сама эта гипотеза была придумана для объясненія скопившихся фактовъ и потомъ подогнана и исправлена сообразно съ тѣми, которые оказались ей противорѣчащими, то едва ли не станетъ понятнымъ, что вдаваться въ подробныя и спеціальныя изслѣдованія о томъ, какъ именно и вѣрно ли объясняются атомистической гипотезой указанныя явленія, было бы собственно излишнимъ. Было бы ничуть неудивительнымъ, если бы и всѣ возможныя явленія въ области физики и химіи объяснялись этой гипотезой, и наоборотъ, было бы очень удивительнымъ, если бы теперь, когда гипотеза должна бы okazaться подогнанной подо всѣ извѣстныя намъ факты, нашелся бы всетаки хотя одинъ ей противорѣчащій. Впослѣдствіи мы увидимъ, что такихъ фактовъ найдется не одинъ, но что касается до ясныхъ и точныхъ доказательствъ, изъ которыхъ несомнѣнно слѣдовало бы не только пригодность атомистической гипотезы въ качествѣ простой схемы для объясненія извѣстнаго круга явленій, но еще и дѣйствительное, реальное существованіе атомовъ, такихъ доказательствъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, безспорно совсѣмъ не имѣется. Чувствуя такое невыгодное положеніе вещей, новѣйшіе защитники атомизма или по прежнему пробавляются ссылкой на дальтановскій законъ ¹⁾, или только ограничиваются простою критикою несогласныхъ съ ними атомистическихъ теорій, въ наивной увѣренности, что спасутъ этимъ и свою собственную гипотезу и атомизмъ вообще ²⁾. Отсюда вытекаетъ, что един-

¹⁾ Таковъ Деспо; см. его *La Genese de la matière et de l'énergie*, edit., cit. p. 23—30.

²⁾ Такова мад. Руайе, представившая намъ на первыхъ 70 стр. своего объемистаго изслѣдованія довольно солидную критику теорій абсолютно твердыхъ атомовъ, но во всемъ своемъ трудѣ не представившая въ пользу дискретности частицъ матеріи вообще ни одного доказательства; но съ другой стороны и собственный гипотетическій атомъ Руайе, представляющій собою нѣкоторый весьма малаго размѣра шаръ изъ текуче-газообразной („Fluide“ въ отличіе отъ „gazeux“), субстанція съ расширительною силою, благодаря которой онъ, если бы не испытывалъ со всѣхъ сторонъ давленія отъ подобныхъ ему атомовъ, могъ бы заполнить собою все безконечное пространство вселенной, нельзя поставить принципомъ для объясненія строенія міровой матеріи: дѣло въ томъ, что такого роду

ственно вѣрнымъ и правильнымъ приговоромъ атомистикѣ со стороны всякаго совершенно безпристрастнаго химика могутъ быть только слѣдующія слова Оствальда въ его основныхъ началахъ теоретической химіи: „достоинство гипотезы зависитъ отъ того, насколько она удобна и насколько полно она объясняетъ цѣлый рядъ фактовъ. Отъ совокупности этихъ свойствъ зависитъ, будетъ ли принята гипотеза или нѣтъ. Въ исторіи наукъ случалось, что гипотезу, хорошо представлявшую извѣстную группу законовъ, должны были оставить, какъ скоро не могли подвести подъ нее вновь добытые законы. Тогда принуждены были подыскивать новую гипотезу. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ говорятъ, что старая гипотеза опровергнута; но это не совсѣмъ справедливо: гипотезу нельзя опровергнуть, подобно тому какъ нельзя ее и доказать. Ее можно сравнить съ инструментомъ, который оставляютъ, когда онъ становится ненужнымъ для дальнѣйшей обработки вещи. Вышеприведенная гипотеза о состояніи матеріи и о природѣ химическихъ процессовъ полезна настолько, насколько она облегчаетъ наглядное представленіе законовъ, относящихся къ этому роду явленій. Ея целесообразность простирается еще дальше, такъ какъ она позволяетъ предполагать, дальнѣйшую законность и, такимъ образомъ, переносить научное изслѣдованіе изъ области безцѣльнаго опыта въ область сознательной дѣятельности. Впослѣдствіи мы будемъ постоянно пользоваться этой гипотезой и здѣсь еще разъ укажемъ, что, атомистическая гипотеза есть только средство, которое помогаетъ намъ обобщать всѣ извѣстные факты о свойствахъ матеріи. Какова истинная сущность матеріи, остается для насъ настолько же неизвѣстнымъ, насколько неимѣющимъ значенія ¹⁾“.

атомъ почти ничѣмъ не отличается отъ мысленно отдѣленной части сплошной матеріи кромѣ своей дискретности и какъ таковой съ одной стороны не выдерживаетъ критикъ, направленной нами равнѣе противъ дискретности, а съ другой, стороны, подпадаетъ критикѣ, которая будетъ нами обращена на теорію сплошности матеріи,

¹⁾ Оствальдъ. Основ. начала теоретич. химіи; Москва, 1891 г., с. 3 и 6. Такого же въ сущности взгляда на атомистическую гипотезу, какъ только на особый методъ нашего мышленія о строеніи и свойствахъ матеріи, держится и:

Но если на основаніи доселѣ изложеннаго мы имѣемъ право утверждать, что по воззрѣніямъ механистовъ атомъ, во первыхъ, совмѣщаетъ въ себѣ свойства совершенно противорѣчащія извѣстнымъ намъ и эмпирическимъ путемъ обнаруженнымъ свойствамъ матеріи вообще и что атомъ, во вторыхъ, въ пользу реальнаго своего существованія не имѣетъ никакихъ доказательствъ, то это равносильно утверженію, что

нашъ знаменитый соотечественникъ, научныя изслѣдованія и открытія котораго въ области химіи давно уже обратили на себя вниманіе за границей—проф. Менделѣевъ. Сознывая все важное значеніе атомистической гипотезы не только въ смыслѣ общаго представленія о фактахъ уже извѣстныхъ, но и въ смыслѣ точнаго представленія и блестящаго объясненія фактовъ неизвѣстныхъ, но предполагаемыхъ, онъ тѣмъ не менѣе выражается о ней довольно таки сдержанно и осторожно. „Атомное ученіе, говоритъ онъ, допускающее лишь конечную механическую дѣлимость, должно быть до сихъ поръ принимаемо только какъ пріемъ, подобный тому пріему, который употребляетъ математикъ, когда силошную кривую линію разбиваетъ на множество прямыхъ линій. Въ атомахъ, продолжаетъ онъ, есть простота представленія, но нѣтъ необходимости къ нимъ прибѣгать. Необходимо и достоятельно одно понятіе объ индивидуальности частей матеріи, представляемой химическими элементами („основы химіи“, с. 158, прим.; срав. с. 221—222, прим. 10). Ганнесенъ въ своемъ „Essai critique sur l'hypothese des atomes dans la science contemporaine (Paris, 1894)“ точно также пводитъ важное значеніе атомистической гипотезы изъ стремленій нашего ума физическое познаніе природы обратять въ математическое, опирающееся на формулы и уравненія и потому отличающееся идеальной точностью (см. Вопросы философіи и Психологіи, 1897 г., нояб., декаб., 754—757). Съ такимъ взглядомъ на психологическій генезисъ атомизма вполне гармонируетъ и приведенное нами современное научное опредѣленіе атома какъ „единицы“ матеріи. Съ своей стороны Гольдштейнъ указываетъ и эмпирическія основанія, побуждающія насъ всего болѣе сочувствовать именно атомистическому воззрѣнію на матерію, состоящія въ томъ, что мы никогда не воспринимаемъ ни одного даже самаго малаго предмета сразу во всей совокупности впечатлѣній, которыя онъ можетъ произвести на наши органы чувствъ, а только по частямъ (Основы философіи химіи, цит. соч. 13—14). Такой взглядъ на дѣло подтверждается обоснованіемъ древняго атомизма въ поэмі Локреція Но какимъ бы ни былъ психологическій генезисъ возникновенія и укрѣпленія атомизма, во всякомъ случаѣ, выражаясь словами Введенскаго „тотло пренебреженіе къ философскому анализу нашихъ теорій и слѣбная вѣра въ свои предвзятія метафизическія воззрѣнія могли породить убѣжденіе въ реальности химическаго атомизма“ (См. Ж. М. Н. Пр. 270 къ вопросу о строеніи матеріи, с. 42); подобно тому какъ относительно всемірнаго тяготѣнія Ньютонъ говоритъ, что не тѣла притягиваются другъ къ другу, а все происходитъ такъ, какъ будто бы тѣла другъ къ другу притягиваются, подобно этому, говоримъ мы, и по адресу атомистической гипотезы слѣдуетъ сказать, что не тѣла состоятъ изъ атомовъ, а все совершается въ тѣлахъ, какъ будто бы тѣла эти состояли изъ атомовъ.

атомистическая гипотеза, поскольку она стремится стать соответствующей действительности теорией строения материи; должна быть безусловно отвергнута. Но кроме атомистического воззрѣнія на матерію у насъ остается одно только представлеіе о ней какъ о сплошномъ непрерывномъ цѣломъ,— представлеіе, ведущее свое начало еще отъ греческихъ іонійскихъ философовъ. Эта теорія распадается подобно атомистической на многія частныя развѣтленія ¹⁾, входитъ въ подобное разсмотрѣіе которыхъ намъ не слѣдуетъ. Но вообще давно уже извѣстно, что теорія сплошности матеріи является чуть ли не еще менѣе удовлетворительной, чѣмъ сама атомистическая. Не говоря о возраженіяхъ, которыя мы можемъ найти противъ теоріи сплошного вещества въ книгѣ Введенскаго, мы не можемъ также не обратить вниманія еще и на то обстоятельство, что обыкновенное объясненіе съ помощью этой теоріи явленій сжимаемости тѣлъ путемъ сгущенія или разрѣженія сплошной матеріи приводитъ къ явнымъ недоразумѣніямъ, именно, заставляетъ предполагать возможность совершеннаго уничтоженія нѣкоторой части вещества или возможность появленія нѣкоторой же части вещества изъ ничего. Въ самомъ дѣлѣ, при атомистической теоріи явленія сжимаемости объясняются тѣмъ, что уменьшается величина и число промежутковъ между атомами даннаго простаго тѣла, причемъ эфирныя атомы, такъ сказать выскальзываютъ изъ него наружу; между тѣмъ при теоріи сплошности вещества такого исхода очевидно быть не можетъ; съ точки зрѣнія этой теоріи сжатое тѣло состоитъ изъ того же самаго количества матеріи, изъ какого оно состояло въ болѣе разрѣженномъ состояніи, только сконцентрированное въ гораздо меньшей объемъ; но тогда съ одной стороны неизбежно является вопросъ: гдѣ же, куда же дѣвалась та самая матерія, которая прежде занимала добавочный объемъ? Съ другой стороны вопросъ: откуда вдругъ взялась матерія, которая съ расширеніемъ тѣла заняла тотъ же добавочный объемъ по сравненію съ его прежнимъ объемомъ? Очевидно, на первый вопросъ надо отвѣтить: матерія превратилась въ

¹⁾ Опытъ построения теоріи матеріи на принципахъ критической философіи. Сиб., 1888 г., стр. 259 -- 264.

ничто, а на второй: она появилась изъ ничего. Но вмѣсто того, чтобы приписывать подобныя сверхъестественныя свойства пассивной матеріи или естественной силѣ давленія, не лучше-ли и неразумнѣе-ли послѣдовать примѣру Библии, приписывающей эти свойства дѣйствию сверхъестественнаго высочайше-разумнаго существа ¹⁾?

Словомъ, полнѣйшая несостоятельность атомистической теоріи строенія матеріи заключаетъ въ себѣ въ то же время и рѣшительный приговоръ надъ всѣми попытками представить себѣ строенія матеріи вообще; мы видимъ, что изъ двухъ единственно для нашего разума возможныхъ представленій о матеріи какъ о дискретномъ, или какъ о сплошномъ—цѣломъ ни одна не свободна отъ самыхъ вопіющихъ противорѣчій и самыхъ очевидныхъ несообразностей. Такой результатъ неминуемо приводитъ насъ къ большимъ подозрѣніямъ относительно самаго реального существованія матеріи. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ инымъ станемъ мы объяснять себѣ тотъ фактъ, что, предположивъ реальное существованіе матеріи, мы не можемъ подыскать хотя сколько нибудь удовлетворительной теоріи ея внутренняго строенія, какъ не тѣмъ именно обстоятельствомъ, что матерія реально и не существуетъ? Мы ве споримъ, что кромѣ извѣстныхъ намъ видовъ и подраздѣленій атомистики и кромѣ извѣстныхъ намъ теорій сплошности матеріи могутъ появиться въ будущемъ и многія другія теоріи какъ перваго, такъ и втораго разряда; но дѣло въ томъ, что самый характеръ всѣхъ подобныхъ изысканій не

¹⁾ Мы уже имѣли случай выставить на показъ антредигіозныя и атеистическія тенденціи м—мъ Руайе; теперь интересно отмѣтить тотъ фактъ, что, считая, конечно, свою собственную теорію текуче-газообразнаго атома, явившуюся плодомъ многолѣтнихъ и упорныхъ изслѣдованій, такъ сказать послѣднимъ словомъ науки, она, очевидно, такимъ же послѣднимъ словомъ науки должна считать и библейское ученіе о твореніи *изъ ничего*; это тѣмъ въ большей мѣрѣ справедливо, что для прочихъ теорій сплошнаго вещества сжимаемость тѣмъ возможно объяснить движеніемъ его математическихъ пунктовъ, тогда какъ сжимаемость дискретнаго атома Руайе въ особенности при тепловыхъ его вибраціяхъ, когда онъ сокращается въ объемъ подъ равномернымъ давленіемъ на каждую его точку, со стороны окружающихъ его атомовъ, рѣшительно предполагаетъ собою возможность какъ совершеннаго уничтоженія вещества, такъ и появленія вещества изъ ничего.

можетъ напередъ не показывать, что труды эти будутъ божѣ, чѣмъ не благодарны. Съ такого рода примѣромъ въ научныхъ изысканіяхъ приходится встрѣчаться не впервые; подобно тому какъ самый характеръ сведенія къ монизму началъ физическаго и психическаго показываетъ, что попыткамъ этого сведенія никогда не будетъ конца, какъ скоро онѣ будутъ исходить изъ ложной дилеммы, что или духъ есть проявленіе матеріи, или матерія есть проявленіе духа, подобно этому, говорить, и попыткамъ представить себѣ строеніе матеріи точно также не будетъ конца, пока онѣ опираются на дилемму, что матерія или дискретна или сплошна; характеръ психологическихъ изслѣдованій показываетъ, что въ результатѣ ихъ мы всегда будемъ получать то же самое, съ чего и начали; начали съ физическаго: придемъ къ физическому; начали съ психическаго: придемъ къ психическому. Съ своей стороны характеръ всѣхъ изысканій, относящихся къ области внутренняго строенія матеріи, показываетъ намъ, что здѣсь всякая новая теорія уже по одному тому будетъ безуспѣшна, что она не можетъ не относиться къ какому нибудь одному изъ двухъ разрядовъ, или къ разряду „теорій дискретности“, или къ разряду теорій „сплошности“. Очевидно, единственнымъ исходомъ изъ подобнаго затруднительнаго положенія можетъ быть только отрицаніе реальнаго существованія матеріи, какъ носителя или субстрата извѣстныхъ физическихъ свойствъ вообще. Этому отнюдь не противорѣчитъ вышеуказанный нами принципъ—считать реальнымъ то, о чемъ намъ даютъ показанія между прочимъ внѣшніе органы чувствъ; эти органы чувствъ никогда не даютъ намъ показаній о субстратѣ или носителѣ физическихъ свойствъ, но лишь о самихъ этихъ свойствахъ; что же касается разума, то онъ ищетъ лишь причины, проявляющей эти свойства вообще, а не матеріальнаго или вещественнаго ихъ носителя въ частности. Сознывая это, многіе мыслители отъ обыкновенныхъ возрѣній на матерію, какъ на протяженный субстратъ, вообще стали приходять къ понятію о ней какъ о непротяженной причинѣ, проявляющей только *свойства* протяженности. Таково, напр., монадологическое возрѣніе на матерію Лейбница, такова же теорія центровъ силъ и матема-

тическихъ атомовъ Босковича (1758), Фарадея, Ампера, Фехнера и др. Всѣ эти системы представляютъ собою какъ бы нѣкоторый переходный мостъ къ динамистическимъ теоріямъ и системамъ, приписывающимъ реальное существованіе одному лишь активному началу мірового бытія, т. е. силѣ. Входить въ подробный разборъ и этихъ многочисленныхъ теорій можно было бы лишь въ томъ случаѣ, если бы мы спеціально задались вопросомъ о томъ, что такое матерія; между тѣмъ какъ для цѣлей нашего изслѣдованія вполне достаточно и того одного вывода, что атомистическая теорія строенія матеріи, на которую желалъ бы опереться матеріализмъ въ своемъ отрицаніи сверхъестественнаго происхожденія міра, есть простая схема и что для перенесенія этой схемы въ область дѣйствительности нѣтъ никакихъ ни апріорныхъ, ни эмпирическихъ данныхъ. Но эти теоріи естественнымъ образомъ заставляютъ насъ перейти къ разсмотрѣнію различнаго рода физическихъ силъ, т. е., къ разсмотрѣнію активнаго начала физическаго міра.

В. Голубевъ.

(Продолженіе будетъ).

РЕЛИГИЯ НИЦШЕ ВЪ КРИТИЧЕСКОМЪ ИЗЛОЖЕНІИ АЛЬФРЕДА ФУЛЬЕ.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО Д. ВВЕДЕНСКАГО).

(Окончаніе *).

III.

Концепція перваго принципа бытія у Ницше по существу тождественна съ концепціей Шопенгауера, потому что у него бытіе опредѣляется также волею жизни или волею силы, причемъ оба эти понятія смѣшиваются въ ницшеанской доктринѣ. Крунное различіе между Шопенгауеромъ и ученикомъ его заключается въ томъ, что послѣднимъ отрицается все, что не относится къ простому „быванію (de venir)“, т. е., міру феноменовъ; даже сама воля не составляетъ чего-либо отличнаго отъ этого міра явленій. Ницше—сторонникъ абсолютнаго реализма. Подобно Гете онъ говоритъ филистимлянину: ты желаешь найти сердце природы, но вѣдь ты, слѣпецъ, постоянно пребываешь въ немъ; реальности, отличной отъ феноменовъ, не существуетъ, ничего нѣтъ по ту сторону этого міра. „Истинный“ міръ, воображаемый Платономъ, тождественъ съ міромъ реальнымъ. „Великій день, утро, возвращеніе здраваго смысла и веселья, краска смущенія на лицѣ Платона; суббота для всѣхъ свободныхъ умовъ. Мы устранили „истинный міръ“. Что же осталось? міръ явленій? Нѣтъ. вмѣстѣ съ истиннымъ міромъ мы устранили и міръ явленій. Полдень. Наступилъ моментъ самой короткой тѣни; конецъ самаго продолжительнаго

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1904 г. № 1.

заблужденія; апогей человѣчества. Incipit Zarathoustra“. Вотъ главный догматъ Ницше, его великое отрытіе. Между тѣмъ, феноменализмъ не былъ явленіемъ, новымъ для предшественниковъ Платона, и послѣдній, признавъ въ Заратустрѣ Гераклита, не испыталъ бы никакого смущенія. Несмотря на яркій блескъ полдневнаго свѣта, тѣнь хотя бы самая короткая всегда остается тѣнью; человѣкъ будетъ постоянно заниматься разрѣшеніемъ вопроса о томъ, адекватна ли мысль его универсальной и положительной (радикальной) реальности и тождественны ли міръ идеальный и міръ реальный. Если этого тождества нѣтъ, то, слѣдовательно, мысль человѣческая имѣетъ только извѣстную сумму вѣроятностей (d'arragences), которыя, не будучи полнымъ выраженіемъ реальности, могутъ оказаться въ одномъ случаѣ истинными, въ другомъ—ложными.

Ницше надѣется подняться выше истины и лжи, какъ онъ и въ вопросахъ морали сталъ по ту сторону добра и зла. По его мнѣнію, такъ называемые „свободные мыслители“ разсуждаютъ далеко не свободно, потому что „они еще вѣрятъ въ истину!“ „Когда крестоносцы, продолжаетъ Ницше, устремились на востокъ по непреклонному приказанію Ассасиновъ, этихъ по преимуществу свободныхъ мыслителей, слуги которыхъ оказывали своимъ господамъ такое послушаніе, какого не вѣдалъ ни одинъ монашескій орденъ, тогда эти люди получили, везнаю откуда, нѣкоторыя указанія касательно знаменитаго символа, существеннаго (основнаго) принципа, познаніе котораго принадлежало высшимъ савовникамъ, какъ единственнымъ хранителямъ этой послѣдней тайны: нѣтъ ничего истиннаго, все позволено. Тогда по словамъ Ницше настала истинная свобода духа, потому что этими словами подвергалось сомнѣнію самая вѣра въ истину! Современный ученый, какъ напр. Дарвинъ или Пастеръ, считая себя свободнымъ мыслителемъ, слѣпо подчиняется фактамъ и законамъ природы, не позволяетъ себѣ никакихъ разсужденій предъ лицомъ реальности и, слѣдовательно, исповѣдуетъ новый аскетизмъ; онъ имѣетъ абсолютное желаніе истины, но не замѣчаетъ, что это желаніе есть вѣра въ аскетическій идеалъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ это не вѣра въ метафизическую цѣнность *превосходства*

истины, которая гарантируется и освящается исключительно аскетическимъ идеаломъ (она замѣняетъ этотъ идеалъ и исчезаетъ вмѣстѣ съ нимъ“) ¹⁾? Человѣкъ правдивый въ послѣднемъ позорномъ смыслѣ, которымъ предполагается вѣра въ науку, подтверждаетъ тѣмъ самымъ свою вѣру въ другой міръ, существующій помимо дѣйствительной жизни, природы и исторіи ²⁾, въ міръ „истинный“, противоположный видимому! Такимъ образомъ, въ этомъ пунктѣ ученый опять является религиознымъ человѣкомъ, потому что у него есть религія истины; онъ охотно сказалъ бы: истина—Богъ, и слѣдовательно, Богъ есть истина, *logos*. Хотя бы ученый былъ атеистомъ подобно Лагранжу или Лапласу, онъ не позволитъ себѣ насиловать истину ни мыслию, ни дѣломъ. Ницше спрашиваетъ вмѣстѣ съ Понтиемъ Пилатомъ, который тоже былъ свободнымъ мыслителемъ: что есть истина, и отвѣчаетъ подобно начальнику Ассасиновъ: „нѣтъ ничего истиннаго, откуда съ логической необходимостью слѣдуетъ: все—дозволено.

Эти страницы можно считать однимъ изъ наиболѣе глубокомысленныхъ мѣстъ въ произведеніяхъ Ницше; для него было ясно, что истина, наука и нравственность взаимно подтверждаютъ другъ друга и доказываютъ существованіе иного міра, отличнаго отъ міра чувственнаго. Этому другому міру Ницше объявляетъ непримиримую и беспощадную войну. Онъ считаетъ его противоположнымъ реальности, даже врагомъ и какой то безпросвѣтной ямой, гдѣ принуждаютъ человѣка поклоняться Божеству. Самъ Спенсеръ приглашаетъ насъ преклониться предъ этимъ неизвѣстнымъ міромъ. Ницше противопоставляетъ этой концепціи абсолютный феноменализмъ іонійской школы.

Неужели, спросимъ мы, истина, какъ предметъ научныхъ изслѣдованій, носитъ черты такого мистицизма и аскетизма, какъ воображаетъ Ницше? По нашему мнѣнію, истинный міръ не отдѣлимъ отъ міра реальнаго; онъ и есть тотъ самый реальный міръ, который былъ, существуетъ теперь и будетъ существовать. Весь вопросъ заключается въ томъ, открываютъ

¹⁾ Генеалогія морали, стр. 261.

²⁾ Веселая наука V афор. 344 стр.

ли наши несовершенныя внѣшнія чувства намъ, не говорю уже истину, а „реальность“ и равняются ли наши *интеллектуальныя* способности этой „реальности“? Развѣ философы и ученые не имѣли основаній рѣшать эту проблему въ отрицательномъ смыслѣ? До открытія электричества мы не могли при помощи своихъ внѣшнихъ чувствъ отдѣлить эту силу отъ другихъ силъ природы; до открытія X-выхъ лучей нашъ глазъ не замѣчалъ ихъ. Ницше знаетъ все это, какъ окончившій гимназію первымъ ученикомъ; имъ также усвоенъ принципъ англійской школы, что наши внѣшнія чувства служатъ прежде всего орудіями для жизненной пользы, а не безпристрастнаго знанія и, слѣдовательно, не могутъ научать насъ тому, что такое—вещи сами по себѣ независимо отъ нашихъ личныхъ нуждъ. Какъ Ницше могъ забыть этотъ принципъ, стараясь убѣдить насъ въ томъ, будто бы міръ Коперника нельзя считать болѣе истиннымъ и реальнымъ, чѣмъ міръ Птолемея, что въ современныхъ учебникахъ по физикѣ реальность представляется не лучше, чѣмъ въ книгахъ Палеса? „Нѣтъ ничего истиннаго, слѣдовательно, нѣтъ ничего реальнаго“. За міромъ ощущеній и мимолетныхъ представленій ничего не существуетъ. Уже „не человекъ теперь мѣра всѣхъ вещей, а его ощущеніе. Если наши ученые не допускаютъ такого извращенія мысли, ихъ не должно за это причислять къ мистикамъ или аскетамъ; напротивъ, они имѣютъ подъ собою твердую почву, а Ницше является игрушкой воздушнаго міража. По нашему мнѣнію, нѣтъ нужды предполагать міръ истинный, скрытый за реальнымъ міромъ; въ самомъ реальномъ мірѣ есть область, недоступная человеку, и область чисто человѣческая, міръ, доступный для нашихъ ощущеній и даже познанія, который составляетъ только часть реальности и не долженъ смѣшиваться съ ея цѣлымъ. Это цѣлое и является истиннымъ міромъ, потому что ему только принадлежитъ реальность во всей своей полнотѣ; чѣмъ болѣе мы постигаемъ отношенія, связь фактовъ, законовъ, тѣмъ ближе мы подходимъ къ этому цѣлому—истинѣ, тождественной съ реальностью. Точно также наше поведеніе можетъ быть согласнымъ или несогласнымъ съ истиной и универсальной ре-

альностью, съ „жизнью“, по выраженію Гюйо и самого Ницше. Съ другой стороны, Ницше, отрицая истину, развѣ не различаетъ жизнь болѣе истинную или реальную отъ другой жизни болѣе ложной и какъ бы менѣе дѣятельной? Слѣдовательно, онъ самъ вѣрить въ истину! осмѣивая все истинное, онъ проводитъ дни и ночи въ изысканіяхъ истины и такимъ образомъ слѣдуетъ тому благородному аскетизму, который осмѣивается имъ: онъ самъ желаетъ представить себѣ чистое реальное бытіе безъ примѣси человѣческаго субъективизма.

Итакъ, говоритъ Ницше, есть заблужденіе и видимость; но видимость эту нельзя найти, какъ обычно дѣлается въ мірѣ „быванія“, напротивъ, мнимый міръ бытія и есть эта самая видимость.

Самыя идеи причины, слѣдствія, пространства и времени, единства, тождества, сходства и различія, всѣ категоріи и необходимыя формы нашего мышленія суть только неизбежныя иллюзіи. Эта идея иллюзіи, врожденной человѣку, давно уже выраженная Платономъ, въ его аллегоріи о „пещерѣ“¹⁾, тревожила и занимала всѣхъ мыслителей, начиная съ Канта. Ницше также усволяетъ эту идею и, развивая ее до отрицанія всякой „истины“, убѣждается въ новизнѣ ея. „Докажемъ, какимъ образомъ (я говорю „мы“ изъ вѣжливости) мы понимаемъ проблему заблужденія и вѣроятности“. Слѣдовательно, Ницше думаетъ, что онъ первый постигнулъ „бываніе“ какъ реальность, единство и тождество, какъ иллюзіи; нѣмецкому философу неизвѣстно, что до него Гераклитъ изобрѣлъ феноменализмъ и открылъ эту Америку! Согласимся пока съ его quasi-новымъ догматомъ абсолютнаго иллюзіонизма и феноменализма; доктрина Ницше въ этомъ догматѣ пріобрѣтаетъ еще одно противорѣчіе сравнительно съ прочими догматами своей религіи. Въ самомъ дѣлѣ, если существуетъ только бываніе и феномены *внѣ законовъ* (это утверждаетъ Ницше, который надсмѣхается надъ человѣческой идеей закона), зачѣмъ предполагать *необходимость* и исповѣдывать абсолютный фатализмъ? Необходимость есть *повтореніе* однихъ и тѣхъ же феноменовъ,

¹⁾ Эта идея потомъ была подробнѣе развита и обоснована Бэкономъ въ его *idola specus*. Прим. переводч.

слѣдовательно, единство. Мы скоро узнаемъ великое значеніе идеи „вѣчнаго круговорота“ въ религіи Ницше; какимъ образомъ онъ отрицаетъ всѣ законы и вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ законъ „вѣчнаго круговорота? Безъ сомнѣнія. Ницше не подумалъ еще о томъ, что философы и ученые разумѣютъ подъ именемъ закона законоположеніе какой-нибудь *воли*, а не необходимость, которая основывается на природѣ вещей!

Далѣе, какимъ образомъ Ницше можетъ примирить абсолютный феноменализмъ и реализмъ съ своими собственными усиліями приблизить человѣчество къ идеалу сверхчеловѣка?— „Никто, говоритъ онъ, не даруетъ человѣку его качества ни Богъ, ни общество, ни родители его или предки, ни *онъ самъ*... Фатальность его бытія нельзя отдѣлить отъ фатальности всего того, что было и будетъ. Человѣкъ—не слѣдствіе личнаго влеченія, воли, цѣли,—не нужно никакихъ уклоненій, чтобы достигнуть какого-то *идеала челоуьчества, идеала счастья* или *идеала нравственности*; глупо желать „*уклониться*“ къ какой-нибудь цѣли“¹⁾. Но самъ Ницше развѣ не выражаетъ желанія, чтобы мы всѣмъ своимъ существомъ „уклонялись“ къ одной сверхчеловѣческой цѣли? Нѣтъ никого, продолжаетъ онъ, кто могъ бы судить, измѣрять, сравнивать наше существованіе, потому что это значило бы судить, сравнивать и осуждать все... но вѣдь ничего не существуетъ внѣ всего. Зачѣмъ послѣ этого самъ Ницше разсуждаетъ, что „господа“ стоятъ выше „рабовъ“, аристократія и сильные—выше черни и слабыхъ, сверхчеловѣкъ—человѣка? „Будьте подобны вѣтру, когда онъ вырывается изъ ущелья горъ; поднимайтесь своимъ чувствомъ выше и выше! Такъ сказалъ Заратустра“. Гдѣ критерій, согласно которому Заратустра можетъ распознавать это *высшее*? Въ этомъ пунктѣ ницшеанской системы ясно обнаруживается противорѣчіе между его фатальнымъ детерминизмомъ и моралью или сверхморалью.

Ницше устранилъ всякую цѣль и смыслъ универсальнаго бытія и несмотря на это думаетъ сохранить идею „героя“, который, являясь самъ для себя цѣлью, даетъ смыслъ всему

¹⁾ Помраченіе кумировъ, стр. 155.

прочему бытію. Какимъ образомъ герой можетъ опредѣлить такую цѣль, какъ не актомъ разсуждающаго разума или подъ вліяніями чувства, которое оцѣниваетъ выводы перваго? Съ другой стороны, какое значеніе можетъ имѣть цѣль, полагаемая сверхчеловѣкомъ, если Природа, какъ утверждаетъ самъ Ницше, противопоставляетъ этой цѣли свое непреклонное „нѣтъ“ и подавляетъ сверхчеловѣка со всѣми его прочими стремленіями?

IV.

Ницше изучалъ „фізіологовъ древней Греціи“, которые предполагали непрерывный круговоротъ вещей, будто бы совершающійся въ теченіе одинаго великаго года вѣчности, уничтоженіе вселенной чрезъ огонь, послѣ чего все снова будто бы возобновится въ томъ же самомъ порядкѣ и послѣдовательности въ пространствѣ и времени, какъ было прежде, съ тѣмъ, чтобы опять все закончилось всеобщимъ пожаромъ: фениксъ возраждается изъ своего праха для того, чтобы снова сгорѣть и возродиться и такъ до безконечности. Спенсеръ съ своей стороны тоже проповѣдовалъ объ одномъ великомъ годѣ (=періоды), потому что онъ предполагаетъ полное сожженіе универса, потомъ сгущеніе путемъ охлажденія, вслѣдствіе котораго образуется однородная масса; онъ также задается вопросомъ; что будетъ послѣ этого и мимоходомъ замѣчаетъ, будто бы все возобновится снова, хотя не говоритъ, въ томъ-ли самомъ порядкѣ и формѣ, какъ было прежде. Гейне въ своихъ приложеніяхъ къ „Путешествію отъ Мюнхена до Генуи“ написалъ слѣдующую страницу, которой нѣтъ въ старыхъ изданіяхъ его сочиненій и потому она не могла быть извѣстной для Ницше: „Въ силу закона вѣчныхъ комбинацій, всѣ формы, уже бывшія на этой землѣ, появляется снова“. Блянки въ своей „Вѣчности по звѣздамъ“ (1871) изъ теоріи комбинацій дѣлаетъ выводъ, что требуются безконечныя повторенія, чтобы наполнить безконечность пространства или времени. То, что я теперь пишу въ тюрьмѣ крѣпости Торо, я уже писалъ и еще буду писать въ вѣчности при тѣхъ же самыхъ условіяхъ и обстановкѣ. Каждый индивидъ существуетъ въ безконечномъ числѣ экземпляровъ. У него есть двойники или варіаціи ихъ. Въ 1878 г.

знаменитый вѣмецкій натуралистъ Нэгели въ своей рѣчи „О границахъ науки“ высказалъ идею, кажется, неизвѣстную комментаторамъ Ницше, которую мы считаемъ необходимымъ отмѣтить: „Такъ какъ величина, сложность и состояніе развитія остаются въ предѣлахъ конечныхъ, возможныя комбинаціи образуютъ число *безконечно великое*, по общепринятому выраженію, но еще не безконечное. Если это число истощается, должны повторяться однѣ и тѣ же комбинаціи. Намъ нельзя избѣжать подобнаго заключенія путемъ возраженія, будто недостаточно миллиардовъ небесныхъ планетъ и системъ ихъ для того, чтобы истощить (исчерпать) количество возможныхъ комбинацій; потому что эти миллиарды въ сравненіи съ вѣчностью—капля воды въ океанѣ. Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, строго математическому, хотя и непріятному для нашего разума, что наша земля существуетъ въ своемъ настоящемъ видѣ безконечное число разъ въ безпредѣльномъ универсѣ; юбилей, справляемый нами сегодня, празднуется въ то же самое время на многихъ другихъ земляхъ. Очевидно, вѣчное круговращеніе во времени можетъ и должно соединяться съ вѣчнымъ круговоротомъ въ *пространствѣ*, о чемъ ничего не говоритъ Ницше.

Толкователи Ницше не упоминаютъ также о томъ, что Гюйо въ „Стихотвореніяхъ одного философа“, появившихся въ 1881 г., дѣлаетъ спектральный анализъ и безконечное повтореніе предметомъ одного изъ лучшихъ своихъ лирическихъ произведеній. Онъ ясно видѣлъ очевидные и непосредственные результаты открытія спектральнаго анализа—безконечное круговращеніе однихъ и тѣхъ же элементовъ не только въ безконечномъ времени, но и въ безконечномъ пространствѣ.

„Повсюду природа намъ кажется одинаковой:
 Безконечное не содержитъ для насъ ничего новаго..
 Куда обратиться тебѣ, слабая надежда,
 Въ этихъ черныхъ небесахъ, состоящихъ изъ кислорода и огня,
 Гдѣ огненная матерія то расширяется, то сжимается
 Подобно громадному змѣю, окруженному эфиромъ?
 Если все похоже другъ на друга и содержится въ пространствѣ,
 Все повторяется, и боюсь, и во времени;
 Прошедшее возвращается и слова уходятъ въ прошлое;
 Цѣпь годовъ—безконечный кругъ.
 Есть ли что вѣбудь новое въ предстоящемъ будущемъ?

Можетъ быть, посмотрите одново назадъ или впередъ.

Все остается однимъ и тѣмъ же; вдали видѣются только движенія громад-
наго змѣя“.

При мысли о возможности вѣчнаго круговращенія вещей въ пространствѣ и времени Гюйо не испытываетъ энтузіазма подобно Ницше; напротивъ онъ съ чувствомъ безграничнаго отчаянія спрашиваетъ природу:

Какую цѣль ты преслѣдуешь отъ вѣчности?

Если она есть, почему нельзя достигнуть ее?

Какая участь, природа, предстоитъ твоему идеалу?

Не погаснетъ ли онъ подобно твоимъ свѣтиламъ?

Итакъ, вѣчность пришла только къ этому міру!

Стоять ли онъ вѣчности? Стѣвимъ ли мы, люди, такихъ услій?

О! Если бы наша мысль была способна реализовать высшее благо, о которомъ она мечтаетъ! Если бы ея мечты прозябли и принесли плодъ! Еслибъ въ этомъ косномъ мірѣ ея легкой полетъ имѣлъ какойнибудь вѣсъ! Чувствуя, какъ живетъ во мнѣ эта мечта, я надѣялся, что благодаря ей нѣкогда измѣнится будущее на моихъ глазахъ... Но можно ли считать тебя новою, моя мысль? Родившись, не умираешь-ли ты уже гдѣнибудь?

Такимъ образомъ у Гюйо явилась математическая мечта безконечнаго повторенія и, какъ результатъ ея, мысль о томъ, что одна и та же идея рождается и умираетъ нѣсколько разъ и въ различныхъ мѣстахъ. Только Гюйо не видитъ въ этой мысли повода къ энтузіазму, а напротивъ выводитъ изъ нея доктрину крайняго отчаянія. Застигнутый однажды на берегу моря этой идеей, Гюйо увидѣлъ въ океанѣ отраженіе не Бога, а безцѣльной и постоянно повторяющейся природы, великое равновѣсіе между жизнью и смертью, вѣчную зыбь, которая убаюкиваетъ земныя существа. Во время моихъ размышленій мнѣ казалось, будто океанъ поднимается вокругъ меня и затопляетъ все; мнѣ казалось, что и я самъ превратился въ каплю его волнъ; земля и человѣкъ исчезли и осталась только одна природа съ ея безконечными волненіями, приливами и отливами, постоянными переменами на поверхности, въ которыхъ скрывается глубокое и монотонное однообразіе ¹⁾. Но

¹⁾ Ницше подчеркнулъ эти слова и на поляхъ написалъ: Я. Сообщенія объ этихъ замѣткахъ Ницше на произведеніи Гюйо мы получили отъ М-ше Форстеръ-

вмѣсто того, чтобы соглашаться на такое вѣчное повтореніе и круговращеніе однихъ и тѣхъ же бѣдствій и несчастій, Гюйо обращается къ человѣческой жизни и въ пей старается найти высшій и по истинѣ сверхчеловѣческой мотивъ надежды, въ которомъ, какъ ему казалось, отказывала природа.

Въ тотъ же самый годъ, когда Гюйо издалъ „Стихотворенія одного философа“, Густавъ Лебонъ напечаталъ „Человѣкъ и общества“ и во II-мъ томѣ доказывалъ, „что одни и тѣ же міры, населенныя одинаковыми существами, должны повторяться нѣсколько разъ“.

Такимъ образомъ, одна и та же неотвязная идея занимала самыхъ разнообразныхъ мыслителей. Ницше, увлеченный этимъ древнимъ понятіемъ, возродившимся въ современной наукѣ, вообразилъ, что сдѣлалъ громадное открытіе и принесъ человечеству великую новость.

„Я, Заратустра, законодатель жизни, горя, законодатель круга,—тебя я призываю, самая глубокая изъ моихъ мыслей!..

Все проходитъ, все возвращается, колесо бытія вертится вѣчно.

Все умираетъ и снова расцвѣтаетъ, вѣчно проходятъ одинъ за другимъ періоды бытія.

Все разрушается и снова восстанавливается; вѣчно создается домъ бытія.

Все раздѣляется и опять соединяется; кольцо бытія вѣчно остается вѣрнымъ самому себѣ.

Бытіе начинается въ каждый моментъ. Около каждаго „здѣсь“ вращается шаръ „внизу“. Центръ—вездѣ. Трона вѣчности идетъ зигзагами“.

Если математическое понятіе конечныхъ элементовъ, комбинируемыхъ въ безконечномъ пространствѣ и времени, могло показаться Ницше столь новымъ и до такой степени возбудить его энтузіазмъ; если его доктрина о сверхчеловѣкѣ представляетъ намъ этого сверхчеловѣка, какъ эфемерный миражъ, который воспроизводился, исчезалъ безконечное число разъ и снова будетъ воспроизводиться нѣсколько разъ ради новыхъ исчезновеній, и если понятіе вѣчнаго безцѣльнаго тождества могло показаться Ницше самой высокой идеей жизни,—все это очень трудно объяснить, если не допустить, не знаю, какого-то поврежденія въ его мозгу, непрестанно терзаемомъ муками рожденія.

Ницше рассчитывалъ на спектральный анализъ для того,

Ницше и въ пвищеанскаго архива и здѣсь выражаемъ имъ за это нашу благодарность. Примѣч. А. Фулье.

чтобы подтвердить свою мечту о мірѣ; онъ ссылался на физику и математику, между тѣмъ какъ считалъ эти науки враждующими на понятіяхъ абсолютно иллюзорныхъ! Но можетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, великій догматъ quasi—новой религіи подтверждаться этими науками? Правда-ли, будто бы міръ обреченъ на постоянное повтореніе подобно тѣмъ несчастнымъ безумцамъ, которые всегда твердятъ одну и ту же фразу или, какъ эхо, откликаются на всякое слово. Правду сказать, мы ничего *не знаемъ* объ этомъ, но вѣдь и пророкъ вѣчнаго круговращенія *знаетъ не больше насъ*. Философъ имѣетъ право высказать здѣсь свое мнѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, размышленія подобнаго рода основаны на гипотезѣ, что мы знаемъ всѣ элементы вещей и будто число этихъ элементовъ неразложимыхъ подобно такъ называемымъ простымъ тѣламъ химіи строго определенное (напр. 80 или 81 по крайней мѣрѣ, какъ будто бы эта кабалистическая цифра выражаетъ *res plus ultra* природы). Далѣе, по теоріи комбинацій остается только найти число комбинацій этихъ 80 элементовъ,—число хотя значительное, но ограниченное; и тогда мы приходимъ къ закону повторенія въ пространствѣ и времени къ тому безконечному году, который по окончаніи снова начинается, всегда оставаясь то жественнымъ и подобно калейдоскопу развертываетъ предъ нашими глазами одинъ и тотъ же рядъ картинъ. Для философа такія научныя соображенія совершенно субъективны: никто не долженъ обманываться надеждой, будто онъ знаетъ число неразложимыхъ элементовъ (если они существуютъ), силы природы или всевозможныя ея метаморфозы. Ницше въ этомъ пунктѣ опять противорѣчитъ самому себѣ: онъ представляетъ намъ природу неистощимою, бытіе уподобляетъ безграничному везддержимому потоку, который постоянно разливается повсюду и можетъ постоянно принимать новыя формы; онъ допускаетъ нѣкоторую определенность и неподвижность только по отношенію къ словамъ человѣческаго языка и рамкамъ бѣднаго человѣческаго мозга — категоріямъ нашей мысли. По его мнѣнію, природа смѣется надъ нашими категоріями, физикой и ея мнимо—неподвижными законами, надъ нашей геометріей съ ея теоремами quasi необходимыми: она постоянно находится въ движеніи, перемѣнахъ, неуловимыхъ для человѣка и состо-

яніи непрерывной эволюціи. Все это Ницше повторяетъ намъ не одинъ разъ; теперь же онъ падаетъ ницъ предъ закономъ математическихъ комбинацій, который становится для него тайной абсолютнаго и послѣднимъ рѣшеніемъ міровой загадки! Воскликнувъ подобно Гераклиту: ничего не существуетъ, все *течетъ*, онъ говоритъ намъ: все *возвращается*—и не замѣчаетъ противорѣчія!

Все не можетъ быть *текущимъ*, если формула круговорота *остается* тождественной, если законъ комбинаціи элементовъ всегда одинъ и тотъ же, если вѣрно, что все будетъ повторяться безконечное число разъ въ неизмѣнномъ порядкѣ. Все уже не будетъ *текущимъ*, если рѣка Гераклита имѣетъ всегда *одинъ и тотъ же* берегъ и *одни и тѣ же* волны. „Нельзя искупаться два раза въ одной и той же рѣкѣ“, съ грустью говорилъ Гераклитъ, и Ницше думаетъ утѣшить его отвѣтомъ: можно искупаться и утонуть въ ней безконечное число разъ. Гюйо также понималъ жизнь, какъ силу постояннаго возвышенія надъ самимъ собою, но отсюда съ бѣльшей логичностью заключалъ, что никакую комбинацію или форму нельзя считать связывающей жизнь и истощающей ея силу. Можно видѣть и даже схватить баснословнаго Протея только подъ опредѣленной формою во время сна, образа смерти; то же самое относится къ природѣ: всякая форма—для нея сонъ, временная смерть, задержка въ неувимомъ вѣчномъ теченіи жизни. Бытіе и жизнь по существу не имѣютъ никакой формы. Всякая форма, индивидуальность, видъ указываетъ только на временную пріостановку жизни: мы познаемъ природу только подъ формою смерти. По какому праву мы осуждаемъ природу и жизнь на постоянное круговращеніе въ однихъ тѣхъ же формахъ, вмѣсто того, чтобы эта природа постоянно возвышалась надъ собою ¹⁾?

Гюйо въ своей „Безрелигіозности будущаго“ изслѣдуетъ со всѣхъ сторонъ проблему, надъ разрѣшеніемъ которой мучился Ницше одновременно съ первымъ и на тѣхъ же самыхъ берегахъ Средиземнаго моря. Отъ Гераклита до Спенсера, говоритъ Гюйо, философы никогда не отдѣляли идею эволюціи отъ

¹⁾ Въ настоящее время химьяя также пытаются разсматривать химическіе элементы уже какъ измѣняемые, а не какъ абсолютно неразложимые.

идеи разложенія; между тѣмъ развѣ они „нераздѣльны“? Нужно замѣтить, что до настоящаго времени нѣтъ ни одного индивида, а тѣмъ болѣе группы индивидовъ—міра, который достигнулъ бы полнаго *самосознанія* или совершеннаго знанія своей жизни и ея законовъ; мы не можемъ утверждать или доказывать, будто бы разложеніе по существу своему вѣчно связано съ эволюціей однимъ *закономъ* бытія: законъ всѣхъ законовъ остается для насъ X. Для того, чтобы познать этотъ законъ, требуется состояніе мысли достаточно повышенное, дабы слиться съ нимъ. На основаніи разсужденій своего разума мы можемъ утверждать только положеніе, что разложеніе и эволюція всегда начинаются одинаковымъ образомъ и слѣдуютъ одному закону круговорота. Поэтому Гюйо приходитъ къ идеѣ, которую онъ уже выразилъ въ поэтической формѣ своихъ „Стиховъ одного философа“. Надеждамъ человѣчества можно сдѣлать серьезное возраженіе, которое доселѣ оставалось въ тѣни и не было устранено самимъ Ренаномъ въ оптимистическихъ грезахъ его „Діалоговъ“, именно: Вѣчность *a parte post* свидѣтельствуетъ о неудачныхъ усиліяхъ универса, который могъ завершиться только этимъ міромъ! Гдѣ искать мотивъ къ надеждѣ въ этой повидимому, безнадежной безднѣ времени? Гюйо отвѣчаетъ самому себѣ, что изъ двухъ частей вѣчности прошлаго и будущаго первая протекла для насъ бесплодно, по крайней мѣрѣ отчасти. Но если даже допустить полный неуспѣхъ человѣческаго дѣла, который, безъ сомнѣнія раздѣляютъ вмѣстѣ съ нами множество нашихъ „внѣземныхъ братьевъ“, для универса всегда останется по крайней мѣрѣ одинъ шансъ изъ двухъ на успѣхъ; этого достаточно для того, чтобы пессимизмъ не восторжествовалъ въ умахъ людей. Подобно Ницше, Гюйо любитъ употреблять метафору Платона примѣнительно къ универсу—игру въ кости; доселѣ, говоритъ онъ, результатомъ этой игры были смертные міры и постоянно увядающія цивилизаціи. Однако теорія вѣроятностей доказываетъ, что нельзя предвидѣть, хотя бы послѣ безчисленныхъ опытовъ, результата ея въ настоящемъ или будущемъ. Любопытно, Гюйо еще до Ницше опирается на теорію вѣроятностей съ тѣмъ различіемъ, что Ницше выводитъ изъ нея вѣчный круговоротъ,

а Гюйо утверждаетъ, что изъ теоріи вѣроятностей слѣдуетъ рядъ постоянно новыхъ возможностей.

Правда, ни ту, ни другую гипотезу нельзя доказать научнымъ путемъ. Если попытаться вообразить высшія формы жизни и бытія, говоритъ Гюйо, то нельзя ничего выводить изъ элементовъ, извѣстныхъ намъ, потому что эти элементы ограничены по числу и не вполне знакомы для насъ. Могутъ быть существа бесконечно высшія и совершенныя сравнительно съ нами. Наше свидѣтельство, когда идетъ рѣчь о такихъ существахъ, нельзя цѣнить выше свидѣтельства о какомъ-нибудь цвѣткѣ въ снѣжныхъ полярныхъ странахъ, гималайскомъ мхѣ или какой-нибудь водоросли со дна Тихаго океана, которыя обнаруживаютъ область, лишенную существъ истинно-разумныхъ, потому что сюда еще ни разу не проникало око человѣческое и этихъ предметовъ не касалась рука его¹⁾. Такъ философъ—поэтъ „Безрелигіозности будущаго“ отвѣчаетъ поэту—философу „Заратустры“. Онъ даетъ ему и всѣмъ намъ урокъ мудрости въ слѣдующихъ словахъ: „Мысль есть вещь sui generis несравнимая, абсолютно неизяснимая, сущность которой навсегда останется недоступною для научныхъ и особенно математическихъ опредѣленій и поэтому постоянно открытою для метафизическихъ гипотезъ. Равнымъ образомъ бытіе есть высшій родъ, genus generalissimus, заключающій въ себѣ всѣ виды объективнаго, точно такъ же, какъ сознание—высшій родъ, которымъ обнимаются всѣ виды субъекта; слѣдовательно никогда нельзя точно и полно отвѣтить на два вопроса: *что такое бытіе?* что такое сознание? поэтому не можетъ быть отвѣта и на третій вопросъ, который предполагаетъ рѣшеніе двухъ первыхъ, *есть ли сознание?* Никакой Ницше не докажетъ, будто бытіе—простая воля къ господству, которая постоянно побѣждается и снова начинаетъ борьбу съ тѣми же самыми перипетіями и результатомъ. вмѣсто вѣчнаго круговорота будетъ гораздо логичнѣе предположить вѣчное движеніе впередъ путемъ тѣхъ приливовъ и отливовъ, изъ которыхъ составляется жизнь. „Наши высшія и, повидимому, самыя тщетныя стремленія можно сравнить съ волнами, которыя доходятъ до насъ и бѣгутъ дальше: соеди-

1) Безрелигіозность будущаго, стр. 458.

нившись вмѣстѣ и увеличившись, они, можетъ быть, поколеблютъ міръ... Вѣдь при помощи умирающихъ волнъ море успѣшно видоизмѣняетъ берегъ и устраиваетъ себѣ огромное ложе, въ которомъ оно движется ¹⁾). Будущее, заключаетъ Гюйо съ мудростью, чуждой для Ницше, нельзя вполне опредѣлить по прошлому *известному намъ*. Будущее и прошлое находятся въ отношеніяхъ взаимности, нельзя абсолютно познать одно безъ другого и, слѣдовательно, невозможно разгадать первое чрезъ второе и наоборотъ. Въ этомъ, кажется намъ, заключается послѣднее рѣшеніе вопроса для всякаго философа, который сознаетъ ограниченность нашихъ познаній. Напротивъ, вѣчный кругъ Ницше есть только игра математическая, у которой не можетъ быть реальной основы. Ницше долженъ согласиться съ этимъ если онъ допускаетъ вмѣстѣ съ Гюйо, что математика—простая оболочка, части которой заключаютъ бытіе, не проникая его.

Такимъ образомъ, Ницше приходитъ къ двумъ существеннымъ антиноміямъ: антиномія между его понятіемъ о жизни, постоянно прогрессирующей и понятіемъ универсальнаго застоя; второе противорѣчіе между скептическимъ отношеніемъ Ницше къ математикѣ и его слѣпой вѣрой въ математическій кругъ. Развѣ эта вѣра Ницше не заканчивается обоготвореніемъ самаго логическаго круга, когда онъ восклицаетъ: *Circulus vitiosus, Deus?*

IV.

Мы рассмотрѣли главный и противорѣчивый догматъ, который возвѣщается міру Заратустрой. Теперь намъ остается изслѣдовать, путемъ какихъ послѣдовательныхъ посвященій въ тайны человѣкъ можетъ сдѣлаться участникомъ мистерій новоязыческой религіи. Давая новое имя древнему понятію (еще до Шопенгауера его высказывалъ Шиллеръ, такъ презираемый Ницше). Ницше называетъ эстетическое возрѣніе на міръ аполлоніанскимъ; оно составляетъ первую ступень религіознаго посвященія. Поклонникъ прекраснаго говоритъ міру и жизни: „твой образъ прекрасенъ, твоя форма прекрасна, если смотрѣть на тебя съ опредѣленной высоты и издалека, чтобы страданія и несчастія терялись въ ансамблѣ: и такъ, я желаю созерцать

¹⁾ Безрелигіозность будущаго, стр. 458.

и любоваться тобою. Рационально непостижимый міръ прекрасенъ съ эстетической точки зрѣнія. Уже Ренанъ представлялъ міръ подъ видомъ громаднаго зрѣлища, который предлагаетъ наблюдателю—*диллетанту* самыя разнообразныя сцены съ условіемъ, чтобы зритель ничего не измѣнялъ въ нихъ. При этомъ условіи даже Неронъ на своемъ мѣстѣ можетъ показаться прекраснымъ! Послѣ Ренана Ницше приглашаетъ насъ разсматривать міръ, какъ „разнообразную и богатую драму“, въ которой однако постоянно повторяются одни и тѣ же дѣйствія! Чувство красоты является для него достаточнымъ оправданіемъ существованія. Сверхчеловѣкъ долженъ жить подобно аполлоціанцу—мечтать и наслаждаться своими мечтами.

Къ несчастію, грезы жизни очень часто переходятъ въ тяжелый кошмаръ, такъ что необходимо чѣмъ нибудь другимъ замѣнить иллюзорное аполлоціанское оправданіе, отъ котораго откажется всякій, способный мыслить и страдать. Это первое посвященіе въ тайны слѣжитъ только приманкой. Самъ Ницше предлагаетъ намъ второе средство не новое, которому онъ однако даетъ новое имя: діонисіанское опьяненіе. Шопенгауэръ различалъ артистическое состояніе души отъ метафизическаго. Для артиста міръ есть совокупность „идей“, аналогичныхъ съ идеями Платона, которыя реализируются въ индивидахъ и общаются имъ свою форму; для метафизика за міромъ идей, формъ и явленій скрывается единая реальность—„самобытная, универсальная и вѣчная воля“. Шопенгауэръ допускаетъ, что мы можемъ созывать свое радикальное тожество со всѣмъ прочимъ міромъ, и, порвавъ завѣсу индивидуалистической иллюзіи, жить жизнью другого: *ты=я*. Ницше также допускаетъ возможность воспринимать сознаніе всего міра въ свою собственную волю. Но, по Шопенгауэру, при сознаніи универсальнаго горя и ничтожества можно чувствовать только безграничную жалость къ этому міру и желаніе уничтожить его. Напротивъ, Ницше желаетъ убѣдить насъ, будто мы испытываемъ какое то безгранично-веселое вакхическое опьяненіе, которое онъ называетъ діонисіанскимъ. Слѣдовательно, у Ницше мрачное трагическое сознаніе существованія замѣняется веселымъ энтузіазмомъ и оптимистическимъ чувствомъ, хотя основная концепція желанія жизни (*vouloir—vivre*) остается безъ измѣне-

нія. Между тѣмъ, ницшеанское желаніе жизни является болѣе безсодержательнымъ и тщетнымъ, чѣмъ у Шопенгауера, потому что у Ницше жизнь—вѣчный неизмѣнный кругъ, въ котораго не можетъ быть никакого предмета для вѣры, надежды, любви и желанія.

Ницше, который считаетъ себя оптимистомъ въ сравненіи съ Шопенгауеромъ, однако самъ впадаетъ въ пессимизмъ болѣе глубокой, чѣмъ послѣдній. Шопенгауеръ вмѣстѣ съ буддистами ставитъ выше страданій этого міра ниравну, но онъ благоразумно добавляетъ: „если нирвана опредѣляется, какъ небытіе, это значить, что этотъ міръ (или сансара) *не содержитъ въ себѣ элементовъ, необходимыхъ для опредѣленія или конструціи* нирваны“. Это небытіе относительное, а не абсолютное; напротивъ, оно можетъ быть истиннымъ бытіемъ. „Мы охотно допускаемъ, говоритъ Шопенгауеръ въ концѣ своей книги, что послѣ совершеннаго уничтоженія воли еще не все пропадаетъ для тѣхъ, *у кого еще сохранилось вполнѣ желаніе жизни*. Но для тѣхъ, кто совершенно отрекся отъ своей воли и желаній, что такое нашъ реальный міръ съ его свѣтилами и млечнымъ путемъ? Ничто“. Слѣдовательно, по Шопенгауеру, мы не можемъ *опредѣлить или конструировать* волю къ жизни въ этомъ мірѣ, который долженъ уничтожиться ради высшей формы существованія; эта форма есть, безъ сомнѣнія, полнота бытія. На границахъ природы и человѣческаго сознанія, за этимъ міромъ, изъ-за котораго исключительно Шопенгауеръ проповѣдуетъ свой пессимизмъ, у него возникаетъ свѣтлая надежда на освобожденіе положительное, а не отрицательное. Напротивъ, Ницше, самъ не замѣчая того, лишаетъ насъ всякой надежды на освобожденіе. „Пессимизмъ, возражаетъ онъ Шопенгауеру, практически невозможенъ и невысказимъ съ логической точки зрѣнія. Небытіе не можетъ быть цѣлью“. Шопенгауеръ могъ бы отвѣтить ему: небытіе міра, обреченнаго на вѣчное зло и страданіе, можетъ быть разумной цѣлью; потому что результатомъ уничтоженія этого міра будетъ истинное бытіе, о которомъ, правда, мы не имѣемъ никакого представленія, тѣмъ не менѣе мы не можемъ отрицать его существованіе. Вы, наоборотъ, не желаете отрицать жизнь, такой, какова она въ мірѣ нашихъ представленій и даже стра-

даній; вамъ хочется утвердить тожество валичной жизни съ самымъ бытіемъ; между тѣмъ ваше мнимое бытіе—безумный призракъ, бессмысленное стремленіе въ пропасть, гдѣ вамъ приходится вѣчно вращать мельничный жерновъ подобно древнимъ неводьникамъ; ваше бытіе—пустое непрерывное тожество бытія и небытія въ явленіи, по Гегелю, самой низшей ступени діалектическаго развитія, на которой бытіе только еще появляется изъ мрака абсолютнаго небытія.

Несмотря на ваше презрѣніе къ „малому разуму“, вашъ собственный большой или малый разумъ не скажетъ да жизни, если все существующее говоритъ: *нѣтъ*. Впрочемъ и разумъ бываетъ способенъ отрицать дѣйствительность, когда онъ находится подъ вліаніемъ какихъ нибудь наркотическихъ или возбуждающихъ средствъ; но такое опьяненіе не можетъ продолжаться всю жизнь. Бываютъ несчастія, которыя пробуждаютъ и отрезвляютъ даже Заратустру. Нужно совершенно потерять свой великій разумъ и сердце, чтобы наслаждаться вѣчнымъ теченіемъ вещей, вѣчной тщетностью всѣхъ и вѣчнымъ пораженіемъ чувства любви. Какой здравый разумъ или какое здоровое чувство будетъ испытывать безумную радость „уничтоженія“ и утѣшаться мыслью о безконечномъ круговращеніи предъ трупомъ любимаго человѣка или тѣхъ, которые по своей душевной красотѣ, возвышенности мыслей и кротости сердца заслуживали безсмертія? Въ силу вѣчнаго круговорота, говорите вы, все погибшее оживетъ снова; слѣдовательно, всѣмъ придется любить безконечное число разъ и столько же разъ видѣть смерть любимаго существа! Вотъ новая тайпа, предлагаемая нашей вѣрѣ; неужели открытіемъ этой вѣчной глупости вы думаете обрадовать человѣчество?! По вашему мнѣнію, Іксіонъ будетъ счастливѣе, если узнаетъ о вѣчномъ круговращеніи; Данаиды обезумѣютъ отъ радости, если узнаютъ, что вода никогда не наполнитъ бездны! Сизифъ опьянѣетъ отъ восторга, узнавъ, что скала будетъ всегда падать на его голову! Адъ утѣшится при мысли о своей вѣчности! Напрасно вы проповѣдуете намъ объ утвержденіи жизни и ея проблеммъ самыхъ странныхъ и самыхъ суровыхъ; напрасно говорите о волѣ къ жизни, которая наслаждается жертвами нашихъ благороднѣйшихъ тиневъ, но характеру своему неистощимыми“.

Все это было бы понятно, если бы мы были увѣрены въ томъ, что жизнь въ дѣйствительности будетъ постоянно производить лучшее, выходить изъ тѣсныхъ рамокъ настоящаго и вѣчно прогрессировать. Между тѣмъ, въ противоположность Гюйо, вы говорите намъ о конечныхъ комбинаціяхъ жизни, которыя, разъ истощившись, снова начинаются въ прежнемъ порядкѣ. развертываютъ предъ нашими глазами старый алфавитъ и тѣ же самые элементы отъ кислорода до helium'a. Вы отнимаете у жизни всякій смыслъ и въ то же время желаете, чтобы мы любили се!

„Моя формула для великаго человѣка, писалъ Ницше въ своемъ журналѣ 1888 г., есть *amor fati*, любовь къ судьбѣ; не должно желать переменъ прошлаго, настоящаго и будущаго, нельзя только терпѣть необходимость, а тѣмъ болѣе скрывать ее,—всякій идеализмъ является ложью предъ лицомъ необходимости, напротивъ, слѣдуетъ любить эту необходимость“. Поэтому Ницше восклицаетъ, подобно стойку: „міръ, я желаю того, чего ты желаешь; мечта, пусть я буду такимъ, какимъ, можетъ быть, мнѣ бы не захотѣлось быть“! Къ чему это согласіе на вѣчный круговоротъ существованія, если оно не производитъ большей разумности, силы, благости и, слѣдовательно, счастья? Ницше отвергаетъ всякую цѣлесообразность въ природѣ трансцендентальную или имманентную; онъ повсюду видитъ одно безцѣльное волненіе и въ то же время желаетъ, чтобы мы любили волны, поглощающія насъ. Почему? потому что, говоритъ Ницше, мы сами—„частицы судьбы, обломки природы; мы принадлежимъ всему и существуемъ во всемъ“; воля природы—нашъ законъ. Итакъ, природа относится къ человѣку и „сверхчеловѣку“, какъ къ своей цѣли; отсюда наша любовь къ этой цѣли. Природа также стремится къ уничтоженію человѣка и даже самого сверхчеловѣка, какъ и всего прочаго міра; отсюда наша любовь къ уничтоженію. Говоритъ это—значитъ олицетворять природу, дѣлать изъ нея какое-то Божество и забывать прежде высказанное вами положеніе, что не существуетъ никакого *единства* въ универсальномъ круговращеніи, никакой *причины* и *цѣли*. Итакъ, что такое природа? нѣтъ болѣе ни природы, ни божества; *панта реї*. Обоготвореніе природы и мірового круговорота, въ которомъ мы вра-

щаемся, не можетъ имѣть никакого смысла. *Amorfati*—пустая формула. *Fatum* не нуждается въ моей любви.

Въ заключеніи своихъ рѣчей объ энтузіазмѣ и опьяненіи Ницше предъ лицомъ универса, якобы понятаго имъ, дѣлаетъ геройское воззваніе къ нашей храбрости: „Есть во мнѣ какая-то сила, которую я называю храбростью: она доселѣ подавляла всякое мое дурное расположеніе духа... Храбрость, *какъ нападающая*—наилучшій убійца: потому что при всякой атакѣ звучитъ труба.

Человѣкъ есть храбрѣйшій звѣрь; поэтому онъ побѣдилъ всѣхъ прочихъ животныхъ. При звукахъ боевой музыки онъ преодолеваетъ всѣ горести; хотя горе человѣческое—самое тяжелое.

Храбрость уничтожаетъ головокруженіе, которое чувствуется нами на краю пропасти; спрашивается, гдѣ человѣкъ не находится на краю пропасти? Посмотрите кругомъ себя, не видите-ли вы повсюду только одни пропасти?

Храбрость—наилучшій убійца; она убиваетъ и жалость—одну изъ самыхъ глубокихъ пропастей; насколько глубоко человѣкъ проникаетъ жизнь, настолько сильно онъ страдаетъ.

Нападающая храбрость—наилучшій убійца; она въ концѣ концовъ поражаетъ смерть, потому что разсуждаетъ такимъ образомъ: какъ? развѣ это была жизнь? начнемъ еще разъ все снова!

Въ такомъ положеніи слышится нѣчто воинственное. Кто имѣетъ уши, пусть слушаетъ!

Да, мы слушаемъ. Эта храбрость, новый видъ военной музыки, звучитъ какой-то тупой покорностью, которая доселѣ выражалась то вздохомъ отчаянія, то крикомъ радости. „Итакъ, начнемъ еще разъ“. Будемъ начинать безконечное число разъ и въ безчисленныхъ мѣстахъ—одни и тѣ же опасенія, надежды, разочарованія, горести и сердечныя мученія въ моменты разлуки. Впрочемъ у Ницше встрѣчаются интересныя фразы, въ которыхъ подъ покровомъ мнимаго діонисіанскаго опьяненія скрывается какая-то горечь, тяжелое нравственное страданіе. „Всякій глубокій мыслитель, говоритъ онъ, болѣе боится быть понятнымъ, чѣмъ если его поймутъ превратно. Въ послѣднемъ случаѣ страдаетъ, можетъ быть, его тщеславіе; въ

первомъ страдаетъ сердце, симпатія къ людямъ, которая непрестанно твердитъ ему: „Несчастливые! зачѣмъ вы желаете подобно мнѣ сдѣлать свой жизненный путь такимъ же тяжелымъ“? Въ самомъ дѣлѣ, что вамъ за охота переносить то, что выстрадала моя мысль? Зачѣмъ вамъ приходитъ къ тѣмъ безнадежнымъ выводамъ, которые скрываются въ моемъ оптимизмѣ?

Такимъ образомъ, у Ницше образовалась противорѣчивая концепція бытія и силы имманентной ему. Подобно Гюйо онъ присваиваетъ бытію способность возвышаться надъ всѣми формами и постоянно прогрессировать; въ то же время имъ присваивается бытію или точнѣе „быванію“, всегда разнородному и измѣняющемуся, характеръ непредѣльности, недоступной для вычисленій, выводовъ и предвѣдѣній. Заключенія Ницше логическія и геометрическія находятся въ формальномъ противорѣчій съ этими принципами. Отсюда является длинный рядъ неразрѣшимыхъ антиномій: противорѣчіе между идеей неразумной причинности и идеей міра, какъ имѣющаго нѣкоторую телеологическую цѣнность, что дѣлаетъ его достойнымъ предметомъ человѣческой любви и желаній, антиномія между абсолютнымъ фатализмомъ и стремленіемъ осмыслить существованіе, между абсолютнымъ иллюзионизмомъ и геройствомъ высшей жизни, антиномія идеи необходимости и „творчества новыхъ цѣнностей“, отрицаніе идеала отличнаго отъ дѣйствительности и идеаль свѣрхчеловѣка, относительность математики, какъ и всякаго вообще знанія, и абсолютное господство ея въ универсѣ, абсолютный феноменализмъ и утверженіе непреложнаго закона, вѣчное движеніе впередъ и вѣчный *круговоротъ*, наконецъ антиномія между радикальнымъ безсмыслиемъ бытія и страстнымъ желаніемъ силы, въ которой, по мнѣнію Ницше, заключается сущность жизни.

Среди массы этихъ крайностей и противорѣчій Ницше недостаетъ средняго термина: я разумѣю идею, посредствомъ которой реальность безъ нарушенія законовъ детерминизма, опредѣляется и прогрессируетъ сама собою; почитатель силы забываетъ, что идея сама по себѣ есть сила; онъ не знаетъ того, что только идея цѣли можетъ направить бытіе къ опредѣленной цѣли. Если я составляю себѣ идеаль человѣка или, какъ у Ницше, свѣрхчеловѣка, эта идея служитъ какъ дѣйствующую

щей, такъ и телеологической причиной. Если у меня появляется и создается идея свободы въ смыслѣ освобожденія отъ какихъ либо узъ высшихъ низшихъ побужденій и силъ моей природы, эта идея стремится реализироваться въ чемъ-нибудь. Ницше подчиняется суровому магометанскому *фатализму*, не понимая безконечной эластичности и растяжимости детерминизма, если послѣдній хоть сколько-нибудь можетъ быть формой разумной и нравственной жизни. Поэтому, какъ мы уже видѣли, онъ признаетъ вѣчное круговращеніе вещей, не задаваясь вопросомъ, не можетъ ли самъ детерминизмъ создавать всегда новыя цѣнности.

Антиномія Ницше становится болѣе значительной, если мы вспомнимъ, что онъ претендуетъ быть „творцемъ цѣнностей“. Какимъ образомъ онъ будетъ творить новыя цѣнности, какъ не при помощи мысли, которая создаетъ идеалъ и реализуетъ его путемъ своихъ опредѣленій? Согласно своему фатализму, Ницше нѣсколько разъ упоминаетъ о какой-то „невинности быванія“ и упрекаетъ мораль за то, что она желаетъ нарушить эту невинность вмѣсто того, чтобы предоставить полную свободу великому неудержимому потоку жизни, между тѣмъ онъ самъ стремится исправить бываніе, сообщить ему опредѣленное направленіе и навязать свою волю, которая ничего не можетъ желать, не опредѣливъ напередъ *идеи* своихъ желаній. Слѣдовательно, этотъ ярый реалистъ жаждетъ идеала; мы уже видѣли, какимъ образомъ математическій фатализмъ съ его безконечнымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же вещей ставитъ Ницше и воображаемый имъ универсъ въ положеніе мифическаго Тантала.

Такъ какъ Ницше изучалъ греческихъ мыслителей съ цѣлью усвоить ихъ астрономическій мифъ о безконечномъ годѣ, ему представлялась возможность заимствовать у этихъ философовъ болѣе высокую и плодотворную идею безконечной реализаціи возможностей, высказанную сначала Платономъ, а потомъ подробнѣе развитую въ александрийской школѣ. Развѣ послѣдняя не допускала мысли о томъ, что всѣ формы бытія отъ самыхъ высшихъ до низшихъ должны развиваться одна изъ другой такимъ образомъ, чтобы въ безраздѣльности пространства и времени истощить безпредѣльность бытія. Кромѣ того, человеческое

слово „истощать“ не выражаетъ и не опредѣляетъ вполнѣ противоположное повятіе „неисто щимой“. Согласно этому понятію нашъ міръ окруженъ безчисленнымъ множествомъ другихъ высшихъ міровъ, содержаніе которыхъ не можетъ быть выражено въ ограниченныхъ формахъ нашего мышленія. Паскаль намекаетъ на эту идею, когда говоритъ, что скорѣе наша мысль устанетъ работать, чѣмъ природа снабжать ее матеріаломъ для работы. Спиноза въ свою очередь считаетъ возможныя формы бытія безпредѣльными и безчисленными, такъ что, по его мнѣнію, двѣ наши среды,—протяженіе и мысль—два вида изъ безконечнаго множества формъ и проявленій бытія. Итакъ, идея безконечности—единственное убѣжище человѣческой надежды! Ограничивая плодовитость бытія и *силы* имманентной ему, заключаая непостижимое „бываніе въ геометрическія рамки вѣчно повторяющихся періодовъ подобно часовому механизму, Ницше застываетъ въ идеѣ конечнаго.

Почему Ницше, которому хотѣлось быть по ту сторону добра и зла, не перешелъ по ту сторону математики и физики, чтобы доказать безпредѣльное разнообразіе и богатство жизни, а не жалкую скудость ея? Вѣдь только эта идея можетъ радовать и поднимать энергію духа у провидцевъ высшихъ тайнъ. Покорность непрерывному круговороту вещей (*eadem sunt omnia semper et ubique*) есть вынужденная покорность стойка или эпикурейца законамъ природы, которая не имѣетъ ничего общаго съ великимъ и свободнымъ протестомъ духа противъ природы, великой борьбою за новое и прогрессъ. Ницше остался при своемъ языческомъ натурализмѣ, не уразумѣвъ даже смысла христіанства и современнаго идеализма. Высокіе порывы лиризма Ницше не успѣли скрыть противорѣчія и безсилія его философской мысли. „Наклонись, говоритъ онъ намъ, надъ своимъ кладеземъ, чтобы разсмотрѣть на днѣ его звѣзды великаго неба“. Самъ Ницше въ теченіе всей своей жизни смотрѣлъ въ свой кладязь, но у него закружилась голова и звѣзды великаго неба смѣшались въ его глазахъ и превратились въ глубокую безпросвѣтную ночь.

ИЗВѢСТІЯ

п о

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

29 Февраля № 4. 1904 года.

Содержаніе. Высочайшій приказъ.—Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.—Епархіальныя извѣщенія.—Списокъ вакантныхъ просфорническихъ мѣстъ при церквахъ Харьковской епархіи.—Проектъ Устава Отдѣленія Епархіальнаго Скотскаго Приюта въ слободѣ Дергачахъ.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища за 1902—1903 учебный годъ.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

I.

Высочайшій приказъ.

Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству, отъ 30 Января 1904 г., за № 8, утверждается въ чинѣ титулярнаго совѣтника, со старшинствомъ, съ 18 ноября 1899 г., кандидатъ богословія, бывший помощникъ инспектора Харьковской духовной семинаріи, нынѣ преподаватель той же семинаріи, *Сергій Чистосердовъ*.

Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.

I.

По вопросу о томъ, по какимъ документамъ надлежитъ совершать браки лицъ, состоящихъ въ запасѣ арміи.

Журнальнымъ опредѣленіемъ Консисторіи, утвержденнымъ Его Высокопреосвященствомъ 17 февраля н. г., между прочимъ, постановлено: Объявить къ исполненію всѣмъ причтамъ епархіи чрезъ пропечатаніе въ Извѣстіяхъ по Харьковской Епархіи, что въ силу циркулярныхъ указовъ Святѣйшаго Синода отъ 28 февраля 1889 г. за № 2 и 9 февраля 1895 г. за № 2, они при совершеніи браковъ лицъ, состоящихъ въ запасѣ арміи и уволенныхъ въ отставку, должны требовать отъ нихъ такіе же документы, какіе при подобныхъ обстоятельствахъ должны быть предъявляемы всѣми прочими лицами, не бывшими на военной службѣ, и что требованіе отъ вступающихъ въ бракъ нижнихъ чиновъ, состоящихъ въ запасѣ, свидѣтельствъ о выполненіи ими воинской повинности и объ уволенныхъ въ отставку—ихъ увольнительныхъ билетовъ, такъ какъ

документы эти, показывающіе только прохожденіе военной службы ихъ предъявителями, не могутъ служить имъ ни видами на жителство, ни удостовѣреніями о семейномъ ихъ положеніи излишне, и вѣнчать по однимъ лишь этимъ документамъ не слѣдуетъ.

О вышеизложенномъ Харьковская Духовная Консисторія объявляетъ къ свѣдѣнію и руководству епархіальнаго духовенства.

II.

По благословенію Святѣйшаго Синода, совершаемый въ праздникъ Входа Господня въ Іерусалимъ сборъ для Православныхъ въ Іерусалимѣ и Святой Землѣ производится слѣдующимъ образомъ:

1. Воззваніе о семъ сборѣ, а равно настоящія правила для его производства, печатаются въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ.

2. Духовная Консисторія заблаговременно доставляетъ во всѣ безъ исключенія церкви епархій полученные отъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества пакеты съ надписями для сборныхъ блюдовъ, воззваніями, собесѣдованіями, объявленіями и актами по сбору, причемъ приглашаетъ духовенство къ точному исполненію настоящихъ правилъ и къ приложенію особаго старанія для производства сбора.

3. По полученіи въ церкви воззваній и собесѣдованій, священнослужители во внѣбогослужебныхъ бесѣдахъ и чтеніяхъ, по церквамъ и школамъ, гдѣ таковыя имѣются, а также проповѣдью на богослуженіи знакомятъ прихожанъ съ цѣлью настоящаго сбора, причемъ при входѣ въ церковь раздаются бесплатно грамотнымъ прихожанамъ воззванія и собесѣдованія, доставляемыя для сего Обществомъ.

4. За недѣлю до дня сбора, къ наружнымъ входнымъ дверямъ церкви прикрѣпляется воззваніе Общества о сборѣ.

5. Въ дни сбора паства ознакомляется посредствомъ устной проповѣди съ значеніемъ и цѣлью сбора.

6. Самый сборъ производится посредствомъ обхожденія съ блюдомъ во время всѣхъ богослуженій праздника Входа Господня въ Іерусалимъ (на литургіи послѣ чтенія Евангелія, а на всеобщей и утрени послѣ чтенія шестопсалмія).

7. Сборъ этотъ производится въ церквахъ, гдѣ имѣется нѣскольکو священниковъ,—однимъ изъ нихъ, гдѣ же имѣется одинъ священникъ церковнымъ старостою или кѣмъ либо изъ почетныхъ прихожанъ.

8. По окончаніи богослуженія составляется немедленно, по доставленному образцу, актъ о собранныхъ деньгахъ въ присутствіи священника, церковнаго старосты и вѣсколькихъ почетныхъ прихожанъ.

9. Собранныя деньги, вмѣстѣ съ актомъ, представляются, не позже мѣсяца со дня сбора чрезъ благочиннаго въ Духовную Консисторію, которая доставляетъ ихъ въ Совѣтъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., 36.

Епархіальныя извѣщенія.

1. Объ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста въ Харьковской епархіи.

а) Діаконъ Троицкой церкви, слоб. Охочей, Зміевского уѣзда, *Павелъ Бондаренко*, опредѣленъ 13 февраля 1904 года на священническое мѣсто при Троицкой церкви, слоб. Бобринка, Лебединскаго уѣзда.

б) Псаломщикъ Богородичной церкви, села Кочина, Старобѣльскаго уѣзда, *Николай Твердохлбовъ*, опредѣленъ 12 февраля 1904 года на діаконское мѣсто при Николаевской церкви, слоб. Шульгинки, того же уѣзда.

в) Псаломщикъ Вознесенской церкви, слободы Бобринка, Сумскаго уѣзда, *Филаретъ Яблоновскій*, опредѣленъ 12 февраля 1904 г на діаконское мѣсто при Александро-Невской церкви, слоб Александровки, Изюмскаго уѣзда.

г) И. д. псаломщика Георгіевской церкви, слоб Ольховатки, Волчанскаго уѣзда, *Михаилъ Михайловъ*, опредѣленъ 12 февраля 1904 г. на діаконское мѣсто при Георгіевской церкви, слоб. Бѣловода Сумскаго уѣзда.

д) Псаломщикъ Покровской церкви, слоб. Алицовки, Изюмскаго уѣзда, *Евсей Сулима*, опредѣленъ 12 февраля 1904 года на діаконское мѣсто при Архангело-Михайловской церкви слоб. Казачьей Лопани, Харьскаго уѣзда.

е) Псаломщикъ Косымо-Даміановской церкви, слоб. Терновой, Волчанскаго уѣзда, *Григорій Филоненко*, опредѣленъ 20 февраля 1904 года на діаконское мѣсто при Рождество-Богоричной церкви, слоб. Андреевки, Зміевского уѣзда.

ж) Псаломщикъ Іоанно-Предтечевской церкви, слоб. Лютовки, Богодуховскаго уѣзда, *Галактионъ Перепелица*, опредѣленъ 20 февраля 1904 года на діаконское мѣсто при Іоанно Богословской церкви, слоб. Великой Камышевахи, Изюмскаго уѣзда

з) Псаломщикъ Троицкой церкви, слоб. Охочей, Зміевского уѣзда, *Павелъ Самойловъ*, опредѣленъ 22 февраля 1904 года на діаконское мѣсто при той же церкви.

і) Псаломщикъ Спасской церкви, слоб. Воеводска, Старобѣльскаго уѣзда,

Игорь Николаевичъ, опредѣленъ 24 февраля 1904 г., на діакопское мѣсто при Косымо-Даміановской церкви, слоб. Лозовоньки, Зміевского уѣзда.

п) Діаконъ Рождество-Богородичной церкви, слоб. Великой Камышевахи, Изюмскаго уѣзда, *Константинъ Ковалевскій*, опредѣленъ 18 февраля, 1904 года на псаломщицкое мѣсто при Іоанно-Богословской церкви, пригородней города Харькова слоб. Ивановки.

к) Сыпъ псаломщика *Константинъ Калашиниковъ*, опредѣленъ 10 февраля 1904 года на псаломщицкое мѣсто при Архангело-Михайловской церкви, сл. Волосской Балаклейки, Купянскаго уѣзда.

л) Крестыянннцъ *Петръ Гречишкінъ*, опредѣленъ 21 февраля 1904 г. на псаломщицкое мѣсто при Митрофаніевской церкви, слоб. Демьяновки, Старобѣльскаго уѣзда.

2. О перемѣщеніи священно-церковно-служителей. □

а) Діаконъ Архангело-Михайловской церкви, слоб. Кызачей Лопани-Харьковскаго уѣзда, *Андрей Настодкинъ*, перемѣщенъ 12-го февраля 1904 года на діакопское мѣсто при Николаевской церкви, слоб. Николаевки, Изюмскаго уѣзда.

б) Діаконъ Соборной Успенской церкви, города Лебедина, *Андрей Проскурниковъ* и Рождество-Богородичной церкви, города Бѣлополя, Сумскаго уѣзда, *Василій Толмачевъ*, перемѣщены 18 февраля 1904 г. одинъ на мѣсто другого.

3. Объ утвержденіи церковныхъ старостъ.

а) Къ Архангело-Михайловской церкви, села Печинъ, Ахтырскаго уѣзда крестыянннцъ *Даміанъ Давидовъ*, утвержденъ 21 февраля старостою

б) Къ Георгіевской церкви, слоб. Большой Даниловки, Харьковскаго уѣзда, крестыянннцъ *Антонъ Сидоренко*, утвержденъ старостою 12-го февраля.

в) Къ церкви с. Хухры, Ахтырскаго уѣзда, утвержденъ 12 февраля старостою кр. *Яковъ Жадановъ*.

г) Къ церкви с. Гудимовки, Лебединскаго уѣзда, утвержденъ 12 февраля отставной капитанъ *Яковъ Владиміровичъ Кучеровъ*.

4. Объ утвержденіи въ должности законоучителей.

а) Священникъ Воскресенской церкви, слободы Коломака, Валковскаго уѣзда, *Илія Бондаревъ*, утвержденъ въ должности законоучителя Шелестовскаго народнаго училища.

б) Заштатный священникъ села Влѣзокъ, Лебединскаго уѣзда *Василій Маляревскій*, утвержденъ въ должности законоучителя Бобринскаго народнаго училища

в) Священникъ Крестовоздвиженской церкви, слоб. Байдовки, Старобѣльскаго уѣзда, *Георгій Курячій*, 12 февраля н. г. утвержденъ въ должности законоучителя Байдовскаго народнаго училища.

г) Священникъ Архангело-Михайловской церкви, слоб. Колядовки, Старобѣльскаго уѣзда, *Димитрій Шишовъ*, утвержденъ въ должности законоучителя Колядовскаго народнаго училища.

д) Священникъ села Стеблянки, Лебединскаго уѣзда, *Александръ По-*

новъ, утвержденъ законоучителемъ Фоцевскаго народнаго училища Ахтырскаго уѣзда.

е) Священникъ Іоанно Богословской церкви, слоб. Гомольши, Зміевского уѣзда, *Митрофанъ Крутьевъ*, утвержденъ въ должности законоучителя Пасѣчанскаго народнаго училища

5. Объ увольненіи за штатъ.

а) Діаконъ Косьмо-Даміановской церкви, сл. Лозовеньки, Зміевского уѣзда, *Александръ Торанскій*, уволенъ 17 февраля 1904 г. за штатъ.

6. Вакантныя мѣста.

а) Священническія:

При Сошествіевской церкви, с. Хатней, Волчанскаго уѣзда.

— Арх.-Мих. ц., с. Казачей Лопани, Харьковскаго уѣзда (сверхштатное).

б) Діаконскія:

При Покровской церкви, сл. Старой Водолаги, Валковскаго уѣзда.

— Николаевской церкви, сл. Ново-Бурлуцкой, Волчанскаго уѣзда.

— Рождество-Богородичной церкви, сл. Великой Камышевахи, Изюмскаго уѣзда.

в) Псаломщики:

При Косьмо-Даміановской церкви, с. Терновой, Волчанскаго уѣзда

— Покровской церкви, с. Большой Бабки, Волчанскаго уѣзда.

— Троицкой церкви, сл. Перекона, Валковскаго уѣзда.

— Софійевской церкви, сл. Малой-Алексѣевки, Харьковскаго уѣзда.

— Николаевской церкви, с. Гіевки, Харьковскаго уѣзда.

— Рожд.-Богородичной церкви, с. Княгинина-Лимана, Изюмскаго уѣзда

— Іоанно-Богословской церкви, с. Гомольши, Зміевского уѣзда.

— Арх.-Михаиловской церкви, гор. Краснокутска, Богодуховскаго уѣзда

— Воскресенской церкви, с. Ясеноваго, Лебедянскаго уѣзда.

— Покровской церкви, с. Козѣвки, Богодуховскаго уѣзда.

— Архангело-Михаиловской церкви, сл. Казачей Лопани, Харьк. уѣзда.

— Рожд.-Богородичной церкви, сл. Великой-Камышевахи, Изюм. уѣзда.

— Іоанно-Богословской церкви, той же слободы.

— Николаевской церкви, с. Новой Водолаги, Валковскаго уѣзда

— Василювской церкви, сл. Сергѣевки, Изюмскаго уѣзда.

— Вознесенской церкви, сл. Бобрика, Сумскаго уѣзда.

— Георгіевской церкви, сл. Ольховатки, Волчанскаго уѣзда.

— Покровской церкви, сл. Алисовки, Изюмскаго уѣзда.

— Богородичной церкви, сел. Кочина, Старобѣльскаго уѣзда.

— Георгіевской церкви, сл. Ново Павловки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Николаевской ц., сл. Каменки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Косьмо Даміановской церкви, сл. Терновой, Волчанскаго уѣзда.

— Богоявленской церкви, с. Молодоваго, Волчанскаго уѣзда.

— Предтечевской церкви, с. Лютовки, Богодуховскаго уѣзда.

— Троицкой церкви, сл. Охочей, Зміевского уѣзда.

— Успенской церкви, с. Гречишкина, Старобѣльскаго уѣзда.

— Спасской церкви, сл. Воеводска, Старобѣльскаго уѣзда.

Списокъ вакантныхъ просфорническихъ мѣстъ въ Харьковской епархіи.

Харьковскаго уѣзда.

3-го благочинническаго округа: при Николаевской и Вознесенской церк. заштатнаго города Золочева, при Покровской церкви села Карасовки, при Владимірско-Богородичной церкви села Должика, при Рождество-Богородичной церкви слоб. Деркачей, при Іоанно-Богословской ц. хут. Безрукова, при Александро-Невской ц. хут. Татарка, при Николаевской ц. с. Березовки, при Николаевской церкви хут. Казачка, при Крестовоздвиженской ц. с. Черкасской-Лозовой, при Троицкой церкви с. Мироновки.

Богодуховскаго уѣзда.

1-го благочинническаго округа: при Николаевской цер. с. Гниловки, при Николаевской цер. с. Новой-Рябины, при Покровской цер. с. Матвѣевки, при Рождество-Богородичной ц. с. Лозовой, при Рождество-Богородичной ц. сл. Сѣнной, при Николаевской ц. с. Рясного, при Предтеченской ц. с. Лютовки, при Воскресенской ц. с. Братеницы, при Еватерявинской ц. с. Полячковки, при Рождество-Богородичной ц. с. Бырдиныхъ-Ивановъ, при Троицкой ц. с. Корбиныхъ-Ивановъ.

2-го благочинническаго округа: при Николаевской и Троицкой ц. заштатнаго города Краснокутска, при Архангело-Михайловской ц. того же города Краснокутска, при Александро-Невской ц. с. Александровки, при Покровской ц. с. Бригадировки, при Николаевской ц. с. Городняго, при Рождество-Богородичной ц. с. Каллуновки, при Николаевской и Преображенской ц. сл. Калантаева, при Покровской ц. с. Козѣвки, при Константино-Еленовской ц. с. Константиновки, при Антоніево-Феодосіевской ц. с. Кушевахи, при Николаевской ц. Ляхачевки, при Покровской ц. с. Любовки, при Сорокомученической ц. с. Миряго, при Покровской ц. с. Пархомовки, при Георгіевской ц. с. Павловки, при Успенской ц. с. Хрущевой-Накятовки, при Благовѣщенской ц. с. Шаровки.

Списокъ церквей, къ которымъ назначены и утверждены просфорницы съ 20 января по 12 февраля 1904 года:

- 1) При Архангело-Михайловской церкви с. Колупаевки, Харьковскаго уѣзда, утверждена просфорницей вдова псаломщика Варвара Рубинская.
- 2) При Іоанно-Предтечевской церкви села Терновки, Сумскаго уѣзда, дочь умершаго священника Александра Григорьевна Захарова.

3) При Покровской церкви с. Гринцева, Лебединскаго уѣзда, вдова священника Елепа Елпская.

4) При Покровской церкви с. Рѣдкодуба, Изюмскаго уѣзда, утверждена временно жена мѣстнаго священника Анна Сукачева.

5) При Иоанно-Воинской церкви сл. Рогознаго Сумскаго уѣзда, вдова псаломщика Марса Литвенцева,

6) При Троицкой церкви слоб. Юрченкова, Волчанскаго уѣзда, вдова псаломщика Антонина Бугуцкая

7) При Александро-Невской церкви слоб. Ново-Александровки, Волчанскаго уѣзда, утвержд. временно жена мѣстнаго священника Марія Николаева.

8) При Николаевской и Георгіевской церкви города Ахтырки, вдова псаломщика Марія Попова.

9) При Успенской церкви слоб. Бомаровки, Кушпскаго уѣзда, вдова діакона Александра Татарнова.

10) При Тихоновской церкви с. Ганусокки, Старобѣльскаго уѣзда, вдова псаломщика Татіана Дикарева.

11) При Рождество-Богородичной ц. с. Шулякиной, Старобѣльскаго уѣзда, вдова псаломщика Александра Посельская,

12) При Тихоновской церкви с. Борщевой, Харьковскаго уѣзда, вдова псаломщика Варвара Рубинская.

ПРО ЭКЪТЪ УСТАВА

Отдѣленія Епархіальнаго Сиротскаго Пріюта въ слободѣ Дергачахъ.

I. Положенія общія.

§ 1. Въ Дергачевскомъ Отдѣленіи Епархіальнаго Сиротскаго Пріюта учреждаются: а) Мужская Богадѣльня для лицъ духовнаго вѣдомства Харьковской епархіи и б) Пріютъ для проживанія во время каникулъ и праздниковъ Рождества Христова и Пасхи безпріютныхъ спроть, дѣтей Харьковскаго духовенства, воспитывающихся въ учебныхъ заведеніяхъ.

§ 2. Оба эти учрежденія помѣщаются въ зданіяхъ, находящихся на принадлежащей Епархіальному сиротскому пріюту усадьбѣ въ сл. Дергачахъ.

§ 3. Дергачевское Отдѣленіе, вмѣстѣ съ Епархіальнымъ Сиротскимъ пріютомъ, какъ часть послѣдняго, состоитъ въ вѣдѣніи Епархіальнаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.

II. О лицахъ, принимаемыхъ въ отдѣленіе.

§ 4. Въ Дергачевское Отдѣленіе Пріюта принимаются: а) престарѣлые, или неспособные къ службѣ по болѣзненному состоянію или увѣчью, заштатные священно-церковно-служители Харьковской епархіи, б) воспитывающіеся въ учебныхъ заведеніяхъ сы-

новья вдовъ, призрѣваемыхъ въ сиротскомъ пріютѣ, находящемся на Бѣликовомъ хуторѣ, и безпріютныя круглыя сироты, мужскаго пола, призрѣвавшіеся въ означенномъ пріютѣ.

§ 5. Тѣ изъ заштатныхъ священно-церковно-служителей, которые не имѣютъ никакихъ средствъ къ жизни, помѣщаются въ богадѣльню Дергачевского отдѣленія на бесплатныя вакансіи.

§ 6. Въ Богадѣльню эту могутъ поступать, если пожелаютъ и если будутъ свободныя вакансіи, и своекоштные пансіонеры изъ заштатныхъ священно-церковно служителей епархіи, уплачивая за свое содержаніе причитающуюся сумму изъ своихъ личныхъ средствъ за каждое полугодіе впередъ, или отдавая Богадѣльнѣ свою пенсію или эмеритуру; причемъ, если послѣднія будутъ меньше той суммы, въ которую будетъ обходиться содержаніе призрѣваемаго въ Богадѣльнѣ лица, недостающее пополняется изъ средствъ отдѣленія, а если больше, то остатокъ отдается имъ въ ихъ личное распоряженіе.

§ 7. Если будетъ дозволять помѣщеніе, то въ Дергачевскій пріютъ для учащихся могутъ приниматься на праздники и каникулы и безпріютныя сироты, сыновья духовныхъ лицъ епархіи, воспитывающіеся въ учебныхъ заведеніяхъ, до поступленія въ училища не призрѣвавшіеся въ пріютѣ.

III. Средства отдѣленія.

§ 8. Дергачевское Отдѣленіе содержится на общія средства Епархіальнаго Сиротскаго Пріюта.

§ 9. Кромѣ этихъ средствъ на содержаніе Отдѣленія поступаютъ: а) плата, получаемая отъ своекоштныхъ пансіонеровъ; б) пожертвованія на содержаніе призрѣваемыхъ въ отдѣленіи; в) суммы, въ случаѣ недостаточности означенныхъ средствъ, ассигнуемыя, съ надлежащаго разрѣшенія, Епархіальными Съѣздами духовенства изъ общепархіальныхъ средствъ.

(Окончаніе будетъ).

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1902—1903 учебный годъ.

Минувшій 1902—1903 учебный годъ въ жизни Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго училища былъ 49 годомъ отъ основанія училища и 35 со времени преобразования его (въ 1868 г.) изъ училища двѣиць духовнаго званія въ Епархіальное Женское Училище.

1. Личный составъ служащихъ.

Къ началу и въ теченіе отчетнаго учебнаго года въ составѣ служащихъ при училищѣ произошли слѣдующія перемѣны:

1) Журнальнымъ постановленіемъ Совѣта, отъ 28 августа, 1902 г., утвержденнымъ Его Высокопреосвященствомъ 15 сентября 1902 года за № 3601, начальница училища *Е. Н. Гейцъ*, согласно прошенію, уволена отъ преподаванія французскаго языка, съ выраженіемъ ей благодарности за ея многолѣтніе и усердые труды по преподаванію означеннаго предмета (съ 1 августа 1883 года) и внесеніемъ сего въ послужной ея списокъ.

2) По тому же журналу Совѣта, на должность учительницы французскаго языка опредѣлена окончившая курсъ въ Московскомъ Николаевскомъ Институтѣ дѣвица *Марія Алексѣевна Страхова*.

3) По тому же журналу Совѣта, воспитательница *Зинаида Ивановна Нельювская*, вслѣдствіе прошенія, по разстроенному здоровью, уволена отъ должности старшей воспитательницы, съ выдачею ей единовременнаго пособію въ размѣрѣ 300 руб. за 18 лѣтнюю службу при училищѣ.

4) По тому же журналу, учительница руководѣля *Меланія Дмитріевна Чернявская*, согласно прошенію, по болѣзни, уволена отъ должности, съ назначеніемъ ей пенсіи по 200 руб. въ годъ за 30 лѣтнюю службу при училищѣ, а вмѣсто нея учительницею руководѣля, согласно прошенію, опредѣлена вдова священника *Анастасія Домнинова*, окончившая курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ училищѣ въ 1882 году.

5) По тому же журналу, вслѣдствіе прошенія, по болѣзни, учительница руководѣля *Александра Африкановна Домнишкая* уволена отъ занимаемой ею должности.

6) По тому же журналу Совѣта, вслѣдствіе прошенія, по сложности служебныхъ обязанностей, преподаватель географіи священникъ *Андрей Θεодоровичъ Балаховскій* уволенъ отъ преподаванія географіи, съ выраженіемъ благодарности Совѣта за его весьма полезную 16-лѣтнюю службу при училищѣ и внесеніемъ сей благодарности училищнаго начальства, съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства, въ его послужной списокъ (по журналу Совѣта отъ 15 октября, утвержд. Его Высокопреосвященствомъ 30 октября 1902 года).

7) По тому же журналу, свободные уроки географіи предоставлены бывшему преподавателю Сумскаго Духовнаго училища, кандидату богословія, священнику *Василію Ник. Яновскому*.

8) По тому же журналу Совѣта, младшія воспитательницы *Павла Θεодоровна Власовская* и *Вѣра Константиновна Аристова* опредѣлены старшими воспитательницами при училищѣ.

9) Журнальнымъ постановленіемъ Совѣта отъ 10 сентября, утвержденнымъ Его Высокопреосвященствомъ 24 сентября за № 3620, дѣвницы *Александра Раевская* и *Анна Калашиникова*, окончившія курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ училищѣ, допущены къ и. д. младшихъ воспитательницъ.

10) По журналу Совѣта, отъ 7 октября, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ 21 октября, за № 4200, окончившая курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ училищѣ дѣвица *Александра Васильевна Ястремская* допущена къ исправл. должности младшей воспитательницы.

11) По тому же журналу, на открывшуюся должность учительницы руководѣля опредѣлена дочь купца *Ксенія Ивановна Сидельникова*, окончившая курсъ въ частной профессиональной школѣ.

12) Постановленіемъ Епархіальнаго съѣзда духовенства отъ 6 сентября, утвержденнымъ Его Высокопреосвященствомъ 12 сентября 1902 года, членомъ Совѣта отъ духовенства, вмѣсто исполнявшаго эту должность священника Павла Грома, назначенъ законоучитель Харьковского коммерческаго училища священникъ *Іоаннъ Ивановичъ Филевскій*.

13) По журналу Совѣта, отъ 10 февраля 1903 года, утвержденному Его Преосвященствомъ, Преосвященнымъ Стефаномъ 26-го февраля за № 1109, на открывшуюся свободную вакансію воспитательницы, вмѣсто уволенной по болѣзми *Вѣры Конст. Аристовой*, опредѣлена младшая воспитательница *Надежда Петровна Соина*.

14) По журналу Совѣта, отъ 11 марта 1903 года, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ 24 марта, за № 864, къ исправленію должности помощницы воспитательницы опредѣлена окончившая курсъ ученія въ 1902 году съ званіемъ домашней учительницы дѣвица *Зоя Ивановна Мухина*.

15) По журналу Совѣта, отъ 12 мая 1903 года, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ 19 мая за № 1804, допущенныя въ исправленію должностей помощницъ воспитательницъ дѣвницы—*Анна Васильевна Калашиникова*, *Антонина Лаврентьевна Раевская* и *Александра Васильевна Ястремская* утверждены въ званіи младшихъ воспитательницъ.

16. По журналу Совѣта отъ 11 августа, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ 21 августа, учительница музыки *Софія Овельтъ*, согласно прошенію, освобождена отъ обязанности преподаванія музыки. Вслѣдствіе указанныхъ перемѣнъ, къ концу отчетнаго года образовался слѣдующій составъ служащихъ въ училищѣ лицъ:

Должности, имена и фамиліи служащихъ.	Степень образованія.	Общая суммы жалованья въ годъ.	Съ какого времени въ настоящее.. должность.
А. Составъ Совѣта.			
1. Предсѣдатель Совѣта, профессоръ Богословія въ Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ, протоіерей Тимоѣей Ивановичъ <i>Буткевичъ</i> .	Докторъ Богословія.	300 р. и ему лично 200 р., всего 500 р.	Съ 26 авг. 1883 г.
2. Начальница училища, дворянка, дѣвица Евгенія Николаевна <i>Гейцльгъ</i> .	Окончила курсъ въ Харьковскомъ Инст. благород. дѣвицъ.	При казенной квартирѣ со столомъ 984 р. и 100 р. ежегодной награды, всего 1084 р.	Съ 1 авг. 1883 г.
3. Инспекторъ классовъ священникъ Іоаннъ Семеновичъ <i>Котовъ</i> .	Кандидатъ Богословія.	500 руб. при казенный квар. съ освѣщ. и 120 руб. за священнослуж. въ учл. церкви.	Съ 12 авг. 1898 г.
4. Членъ Совѣта отъ духовенства, законоучитель Харьковскаго Коммерческаго училища, священникъ Іоаннъ Іоанновичъ <i>Филевскій</i> .	Магистръ Богословія.	180 р. въ годъ.	Съ 12 сен. 1902 г.
5. Членъ Совѣта отъ духовенства, священникъ Харьковской Троицкой церкви, Павелъ Ѳеодоровичъ <i>Тимофеевъ</i>	Окончилъ курсъ Харьк. Дух. Семина.	180 руб.	Съ 28 мая 1893 г.
6. Попечительница училища, жена дѣйст. стат. сов. Дарія Діевна <i>Оболенская</i> .	—	—	Съ 22 янв 1897 г.
7. Почетный блюститель по хозяйственной части, потом. поч. гражд. Николай Осиповичъ <i>Лецинскій</i> .	—	—	Съ 27 фев. 1897 г.
8. Духовникъ училища причисленный къ Университетской церкви, свящ. Василій <i>Самойловъ</i> .	Окончилъ курсъ Дух. Семинаріи.	30 руб.	Съ 22 марта 1902 г.
9. Завѣд. казначейск. частью свящ. училищ. церкви Іоаннъ Васильевичъ <i>Петровскій</i> .	Окончилъ курсъ Дух. Семинаріи.	240 руб.	Съ 25 іюня 1901 г.

Должности, имена и фамилиі служащихъ.	Степень образованія.	Общая сумма жалованья въ годъ		Съ какого времени въ настоящей должности.	
<p>10. И д. дѣлопроизводителя Совѣта, діаконъ Харьковской Кладбищенской Іоанно-Усѣкио-венск. церкви, Феофанъ Дмитріевичъ <i>Чернявскій</i>.</p> <p>11. Письмоводитель, діаконъ училщной церкви Веліамниъ Аванасьевичъ <i>Толмачевъ</i>.</p>	<p>Окончилъ курсъ Дух. училища.</p> <p>Окончилъ Духовное училище.</p>	<p>600 руб.</p> <p>240 руб. при казенной квар. в столѣ.</p>		<p>Съ 18 дек. 1884 г.</p> <p>Съ 19 фев. 1902 г.</p>	
Должности, имена и фамилиі служащихъ.	Степень образованія.	Число уроковъ въ недѣлю.	Плата за годовую урокъ.	Общая сумма жалованья въ годъ.	Съ какого времени въ настоящей должности.
Б. Преподаватели и учительницы обязательныхъ предметовъ.					
<p>1. Закона Божія въ III норм., 4 норм., 4 пар., 5 норм., 5 пар., 6 норм. и 6 пар. классахъ, инспекторъ классовъ, священ. Іоаннъ Семеновичъ <i>Котовъ</i>.</p>	Кандидатъ Богословія.	22	75 р.	1650 р.	Съ 25 августа 1898 г.
<p>2. Того-же предмета въ III пар. классѣ свящ. Харьковской Кресто-Воздвиженской церкви Николай Николаевичъ <i>Любарскій</i>.</p>	Кандидатъ Богословія.	4	75 р.	300 р.	Съ 12 сентября 1896 г.
<p>3. Того-же предмета во II норм. и II пар. классахъ свящ. Харьк. Воскресенской церкви Іоаннъ Ксенофоновичъ <i>Горайнъ</i>.</p>	Студентъ Харьк. Дух. Семинаріи.	8	50 р.	400 р.	Съ 24 ноября 1899 г.
<p>4. Того-же предмета въ I норм. и I пар. классахъ свящ. Харьк. пересыл. тюрьмы Іоаннъ Васильевичъ <i>Толмачевъ</i>.</p>	Окончилъ курсъ Харьк. Дух. Семин.	8	50 р.	400 р.	Съ 24 ноября 1899 г.
<p>5. Того-же предмета въ норм. и парал. приг. классѣ, членъ Совѣта отъ дух., свящ. Павелъ Θεодоровичъ <i>Тимошеевъ</i>.</p>	Окончилъ курсъ Дух. Семинаріи.	6	50 р.	300 р.	Съ 11 августа 1894 г.

Должности, имена и фамиліи служащихъ.	Степень образованія.	Число уроковъ въ недѣлю.	Плата за годовую урокъ.	Общая сумма жалованья въ годъ.	Съ какого времени въ настоящей должности.
6. Русскаго языка въ 3 нор., 5 норм. и 6 нор. клас. и церковно-славянскаго языка въ 3 нор. кл., препод. греческ. языка въ Харьк. Дух. Семин., ст. сов., Михаилъ Васильевичъ <i>Добронравовъ</i> .	Кандидатъ Богословія.	11	75	825 р.	Съ 12 августа 1883 г.
7. Того же предмета въ 1 нор., 2 нор., 2 пар. классъ и церковно-славянскаго языка въ тѣхъ-же классахъ, преподаватель латинскаго языка въ Харьк. Дух. Сем., ст. сов., Николай Васильевичъ <i>Гогинъ</i> .	Кандидатъ Богословія.	12	75	900 р.	Съ 14 октября 1887 г.
8. Того же предмета въ 1 пар. 3 пар., 4 норм., 4 пар., 5 и 6 пар. клас. и церковно-славянск. языкъ въ 1 пар., 3 пар., 4 норм. и 4 пар. клас., ст. сов., Михаилъ Андреевичъ <i>Кокаревъ</i> (штат. препод. учил.).	Кандидатъ Богословія.	21	75	1575 р.	Съ 26 августа 1888 г.
9. Ариѳметики въ 3 норм., 3 пар., 4 пар. и 5 норм. клас., физики въ 5 норм. и 6 норм., геометріи въ 6 пар. клас. и географіи въ 6 пар. кл., ст. сов., Яковъ Михайловичъ <i>Колосовскій</i> (штат. преподаватель училища)	Кандидатъ университета.	23	75	1725 р.	Съ 11 августа 1887 г.
10. Ариѳметики въ 2 норм., 4 норм. и 5 пар. клас., физ. въ 5 пар. и 6 пар. клас. и геометріи въ 6 пар. кл., ст. сов., Василій Николаевичъ <i>Мощенко</i> (штат. препод. учил.)	Кандидатъ университета.	17	75	1275 р.	Съ 18 октября 1889 г.
11. Учительница ариѳметики въ 1 норм., 1 пар. и во 2 пар. кл. и русск. языка въ пригот. пар. кл., вдова лаборанта Императорскаго Харьк. Универс., Марія Дмитриевна <i>Дмитріева</i> .	Окончила курсъ въ Харьк. Епар. училищѣ.	22	По 50 р. за 12 уроковъ, и по 35 р. за 10 уроковъ рус. языка.	950 р.	Съ 12 сентября 1896 г.

Должности, имена и фамилии служащихъ.	Степень образованія.	Число уроковъ въ недѣлю.	Плата за годовую урокъ.	Общая сумма жалованья въ годъ.	Съ какого времени въ настоящей должности.
12. Географіи въ 3 норм., 4 пар. и 5 норм. классахъ священникъ Харьк. Каѳедральнаго Собора Василій Николаевичъ <i>Яновскій</i> .	Кандидатъ Богословія.	8	Въ 3 кл. 50 р., въ остальныхъ по 75 руб.	550 р.	Съ 15 сентября 1902 г.
13. Географіи въ 3 пар., 4 норм., 5 пар., 6 норм. кл. и гражданской исторіи въ 4 норм., 4 пар., 6 норм. и 6 пар. клас., кол. сов., Евгений Пароеньевичъ <i>Трифилевъ</i> (штат препод. учил.).	Кандидатъ университета	20	75	1560 р.	Съ 6 сентября 1893 г.
14. Географіи во 2 норм., 2 пар. классахъ воспитательница училища, дѣвица Людмила Евфимовна <i>Дьякова</i> .	Оконч. курсъ въ женской гимназій	4	50	200 р.	Съ 25 сентября 1881 г.
15. Гражданской исторіи въ 5 пар., 5 пар. клас., препод. церковной исторіи въ Харьк. Дух. Семин., ст. сов. Алексѣй Теодоровичъ <i>Вертеловскій</i> .	Кандидатъ Богословія.	8	75	600 р.	Съ 12 августа 1875 г.
16. Дидактика въ обопхъ отдѣленіяхъ 5 и 6 классовъ, препод. философіи и педагогики въ Харьк. Дух. Семин., ст. совѣт. Николай Николаевичъ <i>Страховъ</i> .	Магистръ Богословія.	6	75	450 р.	Съ 16 августа 1877 г.
17. Церковнаго пѣнія во всѣхъ классахъ училища свящ. Иоаннъ Васильевичъ <i>Петровскій</i> .	Имѣеть свид. 3 раз. отъ придворн. капеллы.	24	40	960 руб. и 120 р. наг. в. 1080 р.	Съ 18 октября 1893 г.
18. Чистописанія въ 3 пар., 3 пар., 4 норм. 4 пар. кл. и рисованія во всѣхъ классахъ учил., учитель тѣхъ-же предметовъ въ Харьк. 3 мужск. гимназій, ст. совѣт. Алексѣй Дмитриевичъ <i>Дмитриевъ</i> .	Ученый рисовальщикъ.	8	40	320 р.	Съ 26 августа 1896 г.
19. Того же пред. въ 1 пар., 1 пар., 2 норм., 2 пар. клас. дѣв. Екатерина Александровна <i>Ергольская</i> .	Оконч. курсъ гимназій.	12	35	420 р.	Съ 12 августа 1898 г.

Должности, имена и фамиліи служащихъ.	Степень образованія.	Число уроковъ въ недѣлю.	Плата за годовую урокъ.	Общая сумма жалованья въ годъ.	Съ какого времени въ настоящей должности.
20. Учительница русскаго языка, счисленія, церковнаго пѣнія и чистописан. въ обоихъ отдѣленіяхъ пригот. класса дѣв. Тапсія Андреевна <i>Щелкунова</i> .	Оконч. курсъ женской гимназіи съ званіемъ домашней учитель.	20	За 4 урока пѣнія по 25 р и по 35 р. остал.	660 р.	Съ 8 августа 1890 г.
21. Учительница рукодѣля, вдова кол. сокр, Александра Ивановна <i>Соколова</i> .	Оконч. курсъ въ частномъ пансіонѣ.	При казен. квар. со стол. жалованья		222 р.	Съ 17 августа 1880 г.
22. Учительница рукодѣля, вдова священника, Анастасія <i>Лонгинова</i> .	Оконч. курсъ въ Хар. Епар. женск. уч.		Каждая при казен. квар со столомъ получала жалованья по 222 руб. въ годъ.		Съ 15 сентября 1902 г.
23. Учительница рукодѣля, дочь купца, Ксесія Ивановна <i>Сидельникова</i> .	Оконч. курсъ въ част. проф. школь.				Съ 21 октября 1902 г.
В) Учители и учительницы необязательныхъ предметовъ.					
1. Учительница французск. языка во всѣхъ штатныхъ классахъ училища дѣв. Марія Алексѣевна <i>Страхова</i> .	Оконч. курсъ въ Москов. Николаевск. Институтѣ.	12	50	600 р.	Съ 15 сентября 1902 г.
2. Учитель музыки (игры на роялѣ) Николай Александровичъ <i>Орловскій</i> .	Оконч. курсъ гимн. и обуч. муз. част. об.	—	—	685 р	Съ 28 августа 1882 г.
3. Учительница музыки (на роялѣ) Варвара Петровна <i>Еварницкая</i> .	Оконч. курсъ въ частномъ пансіонѣ.			Каждая	Съ 20 сентября 1883 г.
4. Учительница музыки (на роялѣ) дѣвица Неонила Васильевна <i>Михайлова</i> .	Оконч. курсъ гимназіи.			получала	Съ 21 сентября 1892 г.
5. Учительница музыки (на роялѣ) Θεодосія Васильевна <i>Ляйнсберъ</i>	Оконч. курсъ въ Хар. Муз. уч. съ ат. 1 ст.			по 17 руб. 50 коп. въ	Съ 20 августа 1893 г.
6. Учительница музыки (на роялѣ) вдова коллеж. регистр., Марія Павловна <i>Ястремская</i> .				годъ съ	Съ 22 сентября 1894 г.
7. Учительница музыки (на роялѣ) Софія Леопольдовна <i>Овельтъ</i> .	Оконч. курсъ женской гимназіи.			ученицы.	Съ 11 сентября 1895 г.

Должности, имена и фамилии служащихъ.	Степень образованія.	Общая сумма жалованья въ годъ.	Съ какого времени въ настоящей должности.
8. Учительница музыки (на роялѣ) Ольга Васильевна <i>Андреева</i> .	Окончили курсъ въ Харк. Муз. уч. съ аттестат. 1 степени.	Каждый	Съ 23 сентября 1895 г.
9. Учительница музыки (на роялѣ) дѣвица Елена Александровна <i>Сухина</i> .		получала по 17 р. 50 к. въ	Съ 23 сентября 1895 г.
10. Учительница музыки (на роялѣ) Евгенія Аполлоновна <i>Крыжовнича</i> .	Оконч. курсъ Хар. Муз. уч. съ ат. 2 ст.	годъ съ учен.	Съ 29 сентября 1892 г.
11. Учитель музыки (игра на скрипкѣ) Александръ Ивановичъ <i>Колесниковъ</i> .	—	450 руб.	Съ 23 октября 1891 г.
12. Учитель пѣнописанія, Алексѣй П. <i>Комнатскій</i> .	Худож. икон. живописи.	120 руб.	Съ 7 авг. 1892 г.
Г) Старшія воспитательницы.			
1. Въ приготовител. норм. классѣ, дѣвица Людмила Евфи-мовна <i>Дьякова</i>	Оконч. курсъ женск. гим-назій.	—	Съ 10 сентября 1872 г.
2. Въ подготов. пар. классѣ, дѣвица Надежда Петровна <i>Согина</i> .	Окончили курсъ въ Харьковскомъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы.	Каждый при казенной квартирѣ со столомъ получила	Съ 26 февраля 1903 г.
3. Въ 1 норм. классѣ, дѣвица Анна Гавриловна <i>Троицкая</i> .		282 руб. въ годъ и 30 руб. ежегодной награды.	Съ 10 авг. 1884 г.
4. Въ 1 пар. классѣ, дѣв. Елизавета Андреевна <i>Кураковская</i> .		Съ 6 сентября 1890 г.	
5. Во 2 норм. классѣ, дѣв. Марія Яковлевна <i>Павлова</i> .		Съ 17 авг. 1895 г.	
6. Во 2 пар. классѣ, дѣвица Серафима Ивановна <i>Пономарева</i> .		Съ 20 августа 1893 г.	
7. Въ 3 нормальномъ кл., дѣвица Надежда Иванова <i>Цонова</i> .		Съ 23 авг. 1887 г. по 8 ок. 1896 г. и вторич. съ 24 ав. 1899 г.	
8. Въ 3 пар. классѣ, дѣв. Аполлинарія Павловна <i>Вышемирская</i> .		Съ 11 августа 1894 г.	
9. Въ 4 норм. кл., дѣв. Зинаида Михайловна <i>Илюкова</i> .		Съ 8 октяб. 1896 г.	

Должности, имена и фамиліи служащихъ.	Степень образованія.	Сбщая сумма жалованья въ годъ.	Съ какого времени въ настоящей должности.
<p>10. Въ 4 пар. классѣ, дѣв. Анастасія Яковлевна <i>Пивлова</i>.</p> <p>11. Въ 5 порм. классѣ, дѣв. Александра Ивановна <i>Левандовская</i>.</p> <p>12. Въ 5 пар. классѣ дѣв. Серафима Андреевна <i>Пономарева</i>.</p> <p>13. Въ 6 порм. классѣ, дѣв. Павла Θεодоровна <i>Власовская</i>.</p> <p>14. Въ 6 пар. классѣ, дѣв. Ольга Θεодоровна <i>Вертеловская</i>.</p>	<p>Окончили курсъ въ Харьковскомъ Епархіяльномъ училищѣ съ званіемъ домашней учительницы.</p>	<p>Каждая при казенной квартирѣ со столомъ получала 282 руб. и 30 руб ежегодной награды.</p>	<p>Съ 6 сент. 1893 г.</p> <p>Съ 7 февраля 1885 г.</p> <p>Съ 11 января 1897 г.</p> <p>Съ 15 сентября 1902 г.</p> <p>Съ 6 сентября 1890 г.</p>
<p>Д) Младшія воспитательницы.</p> <p>1. Въ пррготов. порм. кл., дѣвица Зоя Иванова <i>Мухина</i>.</p> <p>2. Въ пррготов. пар. кл., дѣвица Анна Васильевна <i>Каланиникова</i>.</p> <p>3. Въ 1 порм. классѣ, вдова свящ., Анастасія Васильевна <i>Фаворова</i>.</p> <p>4. Въ 1 пар. классѣ, дѣв. Александра Пльппишна <i>Энеидова</i>.</p> <p>5. Во 2 порм. классѣ, дѣв. Татьяна Павловна <i>Потанова</i>.</p> <p>6. Во 2 пар. классѣ дѣв., Татьяна Николаев. <i>Бѣликова</i>.</p> <p>7. Въ 3 порм. классѣ дѣв. Клавдія Михайловна <i>Воскобойникова</i></p> <p>8. Въ 3 пар. классѣ, дѣв. Марія Александровна <i>Стефановская</i>.</p> <p>9. Въ 4 порм. классѣ, дѣв. Ирина Алексѣевна <i>Шебатинская</i>.</p>			<p>Окончили курсъ въ Харьковскомъ Епархіяльномъ училищѣ съ званіемъ домашней учительницы.</p>

Должности, имена и фамилія служащихъ.	Степень образованія	Общая сумма жалованья въ годъ.	Съ какого времени въ настоящей должности.	
10. Въ 4 пар. классѣ, дѣв. Антонина Лаврентьевна <i>Раевская</i> .			Съ 24 сентября 1902 г.	
11. Въ 5 норм. классѣ, дѣв. Александра Алексѣевна <i>Грекова</i> .			Съ 7 сентября 1898 г.	
12. Въ 5 пар. классѣ, дѣв. Софія Павловна <i>Реутская</i> .			Съ 27 авг. 1897 г.	
13. Въ 6 норм. классѣ, дѣвица Александра Васильевна <i>Астремская</i> .			Съ 21 октября 1902 г.	
14. Въ 6 пар. классѣ, дѣвица Анастасія Васильевна <i>Капустянская</i> .			Съ 29 сентября 1901 г.	
Е) Другія служащія въ училищѣ лица.				
1. Завѣд. фонд., учен. и музык. уч. библиот., учебник. и учебн. припад. Ольга Герасимовна <i>Церлиж</i> .	—	Приказной квартирѣ со стол. 180 р.	Съ 8 іюня 1896 г.	
2. Врачъ при уч. больницѣ, дѣйст. стат. сов., Михаилъ Михайловичъ <i>Стефановичъ-Севастіановичъ</i> .	Докторъ медицины.	600 р.	Съ 13 января 1877 г.	
3. Больнич. надзир., фельд., дочь святиц., Платонида Петровна <i>Щербина</i> .	Полѣтъ свид. на званіе фельдшер.	242 р. при казен. квар. со столомъ	Съ 22 сентября 1900 г.	
4. Помощ. больнич. надзир., дѣвица Неллія Петровна <i>Прокофьева</i> .	Объ. окончили курсъ въ Харьковскомъ Епар. учил.	каждая при казен. квар. со стол. получаетъ 150 р. въ годъ.	Съ 4 октября 1880 г.	
5. Помощ. больнич. над.вр., вдова діакона, Татіана Петровна <i>Краснокутская</i> .				Съ 5 апрѣля 1894 г.
6. И. д. эконома мѣщанинъ Алексѣй Ѳеодоровичъ <i>Васильевъ</i> .		—	При казен. квар. со стол. 560 р.	Съ 22 августа 1894 г.

Примѣчаніе. Кроме вышепоименованныхъ лицъ при училищѣ состояли еще: а) *кастеляниша*, завѣдывавшая бѣльемъ и одеждою воспитанницъ и б) *ключница*, завѣдывавшая столовой и буфетомъ.

Такимъ образомъ, наличный училищный служебный персоналъ въ концѣ отчетнаго учебнаго года состоялъ изъ 78 лицъ.

Учебный персоналъ состоялъ изъ 19 преподавателей, 17 учительницъ, 14 старшихъ воспитательницъ и 14 младшихъ воспитательницъ.

(Продолженіе будетъ).

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

Согласно § 155 семинарскаго устава, плата за содержаніе своекошныхъ воспитанниковъ Семинаріи должна быть вносіма по третямъ учебнаго года въ теченіе двухъ недѣль послѣ начала трети. Посему Правленіе Семинаріи покорнѣйше проситъ отцовъ такихъ воспитанниковъ озаботиться высылкой на имя Правленія въ теченіе времени съ 1 по 15 марта взносовъ за третью треть сего учебнаго года въ размѣрѣ 40 руб. съ воспитанниковъ духовнаго званія, не получающихъ пособія, 20 руб.—съ воспитанниковъ, получающихъ пособіе, в 60 руб.—съ вносословныхъ воспитанниковъ. Не внесшіе въ указанный срокъ денегъ за свое содержаніе воспитанники, на основаніи того же устава, подлежатъ удаленію изъ общезжитія.

II.

Содержаніе. Всеподданнѣйшее письмо Митрополита Московскаго и Коломенскаго Владиміра.—Пошли, Боже, помощь!. *И. Смородинова*.—Къ вопросу о христіанскомъ погребеніи самоубійцы. *Павла Левитова*.—Чего требуютъ наши крестьяне отъ своего приходскаго пастыря. *М. Т.*—Религіозно-нравственныя чтенія въ г. Харьковѣ за 1903 г. *Священника Іоанна Филевскаго*.—Куржечкая обитель и ея Георгіевско-Петро-Павловскій храмъ (1673—1903 г.г.) (продолженіе). *Пресвященнаго Стефана Епископа Сумскаго*. Епархіальная хроника. Архіерейское богослуженіе 19 февраля.—Архіерейскія богослуженія 15, 21 и 22 февраля.—95-лѣтіе служенія въ священномъ санѣ священника Ѳ. Кіаницына.—Освященіе Харьковской Александро-Невской церковно-приходской двухклассной женской школы. Страничка изъ лѣтописи Дмитріевской церкви г. Харькова. Иновархіальный отдѣлъ Двадцатипятилѣтіе издательской дѣятельности Троицкой Сергіевой Лавры. Разныя извѣстія и замѣтки. Христіанская кончина.—Штрафъ за непочитаніе праздниковъ.—Смѣсь, дѣлающая обувь непромокаемою. Объявленія.

ВСЕПОДДАННѢЙШЕЕ ПИСЬМО

Митрополита Московскаго и Коломенскаго Владиміра.

На всеподданнѣйшемъ письмѣ Высокопреосвященнаго Владиміра, Митрополита Московскаго, отъ 4-го сего февраля, съ выраженіемъ молитвенныхъ благожеланій, по случаю открытія военныхъ дѣйствій на Дальнемъ Востокѣ, Его Императорское Величество Государь Императоръ благоизволилъ Собственно-ручно начертать: „Сердечно благодарю митрополита Московскаго за молитвы и за благословеніе иконою“.

Письмо его Высокопреосвященства Государю Императору было слѣдующаго содержанія:

Ваше Императорское Величество,
Благочестивѣйшій Государь!

Пятьсотъ лѣтъ тому назадъ тяжко томила святая Русь подъ игомъ татарскимъ. Точно грозныя тучи отъ времени до времени поднимались съ Востока дикія орды монголовъ и все-разрушающею бурей проносились по градамъ и всеямъ родной земли, но въ эти тяжкія години великихъ испытаній Милосердый Господь посылалъ ей великихъ печальниковъ и молитвенниковъ, и въ сонмѣ сихъ угодниковъ Божіихъ, какъ свѣтлое солнце среди звѣздъ небесныхъ, сіяетъ смиренный Радонежскій игумень преподобный Сергій, сей во истину игумень всея Руси, возбранной воевода и небесный гражданинъ русской земли. Когда, въ 1380 году надвинулась на Русь орда нечестиваго Мамаю, великодержавный князь Димитрій Іоанновичъ не могъ умилостивить этого гордаго монгола ни дарами, ни покорностью, тогда благодатный старецъ благословилъ Московскаго князя идти противъ полчищъ Мамаевыхъ и, отпуская ему въ помощь двухъ своихъ витязей, бояръ-схимниковъ, изрекъ ему чудное пророчество: „Дерзай, княже, побѣдиши враги твоя“.

И свершилось дивное слово Сергіево: впервые послѣ покоренія Руси монголами Русь стѣною повалилась на монголовъ и сокрушила ихъ силу на полѣ Куликовомъ.

Отошелъ къ Богу изъ земной жизни великій старецъ. Но онъ остался вѣрнымъ сыномъ родной земли. Проходили столѣтія, великія бѣды и скорби обрушивались на Русь православную; дважды Москва была въ рукахъ вражьихъ, но нога вражья не переступала порога его обители. „Неотступна буду отъ мѣста сего“, рекла ему нѣкогда Царица небесная, и непреложно было ея обѣтованіе. Именно тогда то, когда казалось все потеряно, неоткуда было ждаты земной помощи,—тогда то возставалъ на защиту родной земли Сергій,—и всѣ бѣды исчезали какъ дымъ, и враги бѣжали со стыдомъ, и снова Русь сіяла во всемъ величій своего родного православія и Христо-подражательнаго народваго смиренія, страшная своимъ врагамъ.

Живъ онъ, угодникъ Божій, живъ и нынѣ въ сознаніи православнаго русскаго народа. Сотнями тысячъ идутъ къ нему со всѣхъ концовъ православныя русскіе люди,—идутъ и какъ живому повѣдаютъ всѣ скорби свои, всѣ заботы свои, повергаясь до праха земного у подножія его раки святой. Мы, недостойные иноки его святой обители, мы—постоянные свидѣтели этого благодатнаго общенія нашего народа съ его небеснымъ печальникомъ, заступникомъ и молитвенникомъ предъ Богомъ.

И въ наступившую тяжкую годину испытанія, когда потомки древнихъ монголовъ дерзнули нагло оскорбить Русь православную и разбойнически напасть на ея вѣрныхъ сыновъ,—къ нему, Великій Государь, Отецъ нашъ, къ нему, угоднику Божию, народъ твой возводитъ молитвенный взоръ, несетъ сею молитвенный вздохъ. И неусыпно, неуставно пролетѣетъ и уже летѣетъ молитва всенародная у завѣтной раки нетлѣнныхъ мощей его, и сливаемся духомъ съ этою молитвою и мы, недостойные послушники великаго печальника русской земли, иноки его обители: да пріосѣнитъ его благословеніе Богомъ вѣчную Главу Твою, какъ нѣкогда благословилъ онъ великаго князя Дмитрія Іоанповича, да сопутствуетъ онъ своею небесною помощію Христолюбивому воинству Твоему, какъ сопутствовалъ въ лицѣ схимниковъ—витязей воинству Дмитріеву, да поможеть онъ и Тебѣ, Великодержавный Царь нашъ, побѣдiti современныхъ монголовъ, враговъ родной нашей земли. И молимся, и будемъ всѣмъ сердцемъ молить великаго нашего предъ Богомъ ходатая, да испроситъ Онъ Тебѣ у Бога разумовъ духъ премудрости и прозрѣнія, чтобы не сокрылись отъ Царскаго взора Твоего всѣ козни вражіи, чтобы не воспрепятствовали сему разстоянію, да не ослабѣваютъ духомъ наши Христолюбивые воины въ борьбѣ за родную землю на ея далекихъ окраинахъ отъ непривычныхъ стихійныхъ невгодъ, да будетъ эта война послѣднею, миротворящею войною и да придутъ скорѣе времена мирныя, когда раскуютъ люди мечи свои на орала и ножи свои на серпы.

Въ знаменіе же сей пламенной молитвы и воистину чудодѣйствующей вѣры смиренныхъ сыновъ Руси православной, пріими, Благочестивѣйшій Государь, сію святую икону препо-

добнаго Сергія, освященную на его нетлѣнныхъ мощахъ въ тотъ день, когда впервые, близъ его священной раки, было возглашено съ церковнаго амвона Твое скорбное Царское слово, призывающее русскій народъ на защиту святой вѣры православной, царскаго престола и родной земли. Вашего Императорскаго Величества всепреданнѣйшій слуга и богомолецъ *Владиміръ*, митрополитъ Московскій и Коломенскій и архимандритъ Свято-Троицкой Сергіевской лавры.

ПОШЛИ, БОЖЕ, ПОМОЩЬ!..

За тѣхъ, кто на Дальнемъ Востокѣ
 За родину грудью стоитъ;
 Безъ близкой семьи, одинокій,
 Съ смертельною раной лежитъ;
 За тѣхъ, кто средь битвы съ врагами,
 Любовью въ Отчизнѣ горя,
 Несется впередъ съ знаменами
 За Родину-Мать и Царя;
 За тѣхъ, кто въ чужбинѣ далекой
 Вдругъ вспомнить о краѣ родномъ,—
 За нихъ, съ вѣрой въ сердцѣ глубокой,
 Мы къ Богу молитвы несемъ!
 Попли, Боже, помощь святую
 Всѣмъ вѣрнымъ Россіи сынамъ!
 Ихъ душу бодри молодую
 Дай вѣру горячимъ сердцамъ!
 Подай надъ врагомъ одолѣнье
 За вѣру святую борцу
 И скорыхъ побѣдъ—утѣшенье
 Пошли Государю-Отцу *)

И. Смородиновъ.

КЪ ВОПРОСУ

О ХРИСТИАНСКОМЪ ПОГРЕБЕНІИ САМОУБІЙЦЪ.

Каноны Церкви ясно и опредѣленно запрещаютъ христіанское погребеніе самоубійцъ (св. Тимоѳ. Алекс. пр. 14; Номоканонъ 178). Исключеніе дѣлается лишь для тѣхъ изъ покончившихъ съ собою, которые наложили на себя руки въ припадкѣ умопомѣшательства и изступленія. „О такомъ, говоритъ св. Тимоѳей Александрійскій, священнослужитель долженъ

*) Моск. Вѣд. № 41 за теп. годъ.

разсудити, подлинно ли, будучи внѣ ума, содѣлалъ сіе? Ибо часто близкіе къ пострадавшему отъ самого себя, желая достигнути, да будетъ приношеніе и молитва за него, неправдуютъ и глаголютъ, яко былъ внѣ себя. Можетъ же быти, яко содѣлалъ сіе отъ обиды человѣческія, или по иному какому случаю отъ малодушія: и о такихъ не подобаетъ быти приношенію, ибо есть самоубійца. Посему священнослужитель долженъ со всякимъ тщаніемъ испытывати да не подпадетъ осужденію“. Приводя это мѣсто изъ св. Тимоея „Церковный Вѣстникъ“ замѣчаетъ: „правила церкви какъ будто бы даютъ священнику право самостоятельно отнестись къ каждому случаю предстоящихъ ему похоронъ самоубійцы. Къ сожалѣнію, это право священника не подтверждено положительнымъ свѣтскимъ закономъ; напротивъ, здѣсь даже встрѣчаемъ статью (859 ст. Ул. о нак.), которая грозитъ священнику наказаніемъ за уклоненіе отъ погребенія безъ законныхъ къ тому причинъ,—статью, которая безъ сомнѣнія можетъ быть примѣнена, когда священникъ вздумалъ бы уклониться отъ погребенія такого самоубійцы, къ христіанскому погребенію котораго по судебно-медицинскому вскрытію и удостовѣренію полиціи никакихъ будто бы препятствій не встрѣчается“ (1903 г. № 8, стр. 244). Съ этимъ мнѣніемъ мы однако согласиться не можемъ. Прежде всего погребеніе самоубійцы запрещено не только церковными канонами, но и государственнымъ закономъ. Въ 1472 ст. Уложенія о наказаніяхъ сказано: „лишившій себя жизни съ намѣреніемъ и не въ безуміи, сумашествіи или временномъ отъ какихъ нибудь болѣзненныхъ припадковъ безпамятствѣ, если принадлежитъ къ одному изъ христіанскихъ исповѣданій, лишается христіанскаго погребенія“, а въ ст. 710 Уст. Врач. говорится, что „тѣло умышленнаго самоубійцы надлежитъ палачу въ безчестное мѣсто оттащить и тамъ закопать“. Удостовѣреніе полиціи, что *съ ея стороны* не встрѣчается препятствій къ христіанскому погребенію умершаго, будучи само по себѣ неправильнымъ, какъ противорѣчащее вышеприведеннымъ статьямъ Уложенія и Вр. Устава, самое большее можетъ сложить съ священника отвѣтственность за погребеніе самоубійцы *предъ свѣтскимъ судомъ*, перенося такую на полицію, но отнюдь не можетъ *обязывать* его къ церковному

отпѣванію умершаго и освободить отъ отвѣтственности *по законамъ церковнымъ*. Сельскій урядникъ или становой приставъ совершенно некомпетентны въ рѣшеніи вопроса о томъ, въ психически здоровомъ или больномъ состояніи кто либо покончилъ съ собою, а тѣмъ болѣе не могутъ предписывать служителю церкви совершить тотъ или другой религіозный обрядъ. Дознаніе, производимое при всѣхъ случаяхъ скоропостижной смерти, а иногда и бывающее вмѣстѣ съ тѣмъ судебно-медицинское вскрытіе, имѣютъ цѣлью не выясненіе психологическихъ и нравственныхъ мотивовъ самоубійства, свидѣтельствующихъ о душевно здоровомъ или больномъ состояніи умершаго (для этой цѣли потребовалось бы экспертиза психіатровъ), а лишь установленіе отсутствія въ данномъ случаѣ насильственнаго лишенія жизни, составляющаго уголовное преступленіе. Удовѣреніе, выдаваемое священнику о неимѣніи препятствій къ погребенію умершаго, означаетъ лишь то, что всѣ установленныя формальности надъ мертвымъ тѣломъ соблюдены, и что оно болѣе не требуется судебно-полицейской власти для ея цѣлей. „Если послѣ медицинскаго осмотра трупа“, говоритъ П. И. Нечаевъ въ своемъ „практическомъ руководствѣ для священно-служителей“, „найдено будетъ возможнымъ похоронить его, то рѣшеніе вопроса, по какому именно обряду слѣдуетъ похоронить тѣло, зависитъ не отъ полиціи, а отъ усмотрѣнія священника, руководящагося въ данномъ случаѣ церковными постановленіями“ (С.П.Б. 1900 г. стр. 282). И если священникъ, по надлежащемъ изслѣдованіи дѣла, вынесетъ убѣжденіе, что причиною самоубійства было не душевное разстройство, а безвѣріе, или что мотивомъ къ нему послужила злоба, неудовлетворенная страсть и т. п., то онъ не только можетъ, но и обязанъ отказаться отъ церковнаго отпѣванія покойника, развѣ лишь изъ христіанской снисходительности проводивъ его съ пѣніемъ: „Святой Боже“. Никакой отвѣтственности въ данномъ случаѣ, вопреки мнѣнію „Церковнаго Вѣстника“, онъ подлежать не можетъ. 859 ст. Улож. о наказ. имѣетъ въ виду отказъ отъ погребенія *беззаконныхъ къ тому основаній*. Уклоняясь же отъ погребенія самоубійцы священникъ всегда можетъ сослаться на 1472 ст. Улож. и 710 ст. Врач. Уст. Но если бы даже эти статьи были официально

отмѣнены или признаны устарѣлыми юридической практикой, положеніе дѣлъ отъ этого нисколько бы не измѣнилось. Развѣ въ странѣ, гдѣ государство всегда идетъ рука объ руку съ церковью и гдѣ православно-христіанская религія признается господствующей и ограждаемой государственными постановленіями, категорическое запрещеніе хоронить сознательнаго самоубійцу однимъ изъ каноническихъ правилъ не является само по себѣ вполнѣ законнымъ основаніемъ къ отказу отъ его погребенія? Вѣдь не надо забывать, что отпѣваніе умершаго есть прежде всего церковный обрядъ, а потомъ уже, такъ сказать, актъ гражданской чести, а потому и совершеніе или несовершеніе этого обряда должно опредѣляться главнымъ образомъ каноническими постановленіями, а не предписаніями полицейской власти. Если бы даже по недоразумѣнію или вслѣдствіе враждебнаго отношенія къ церкви въ связи съ увлеченіемъ ложнымъ либерализмомъ, какое либо гражданское учрежденіе привлекло къ судебной отвѣтственности священника, отказавшагося хоронить сознательнаго самоубійцу, опъ все же въ концѣ концовъ безъ сомнѣнія былъ бы оправданъ.

Итакъ, при невозможности прибѣгнуть къ психіатрической экспертизѣ, рѣшеніе вопроса о томъ, заслуживаетъ или нѣтъ христіанскаго погребенія самоубійца, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ лежитъ всецѣло на усмотрѣніи священника. Онъ долженъ принять во вниманіе какъ характеръ и настроеніе умершаго, такъ и всю совокупность обстоятельствъ и условій его жизни и смерти, могущихъ пролить свѣтъ на то, явилось ли въ данномъ случаѣ самоубійство болѣзненнымъ или грѣховнымъ актомъ. Само собою разумѣется, что онъ обязанъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ съ возможною спусходительностью и христіанскимъ милосердіемъ, какъ къ самому умершему, такъ и къ его родственникамъ. Основной принципъ гражданского правосудія: „лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ обвинить одного невиннаго“, тѣмъ въ большей степени долженъ находить себѣ примѣненіе въ области суда церковнаго. Поэтому, если при изслѣдованіи причинъ самовольной смерти, откроются хоть нѣкоторыя данныя, заставляющія предполагать возможность душевнаго разстройства, священникъ не долженъ отказываться отъ погребенія самоубійцы. Безукоризненное поведе-

ніе умершаго, его религіозная настроенность, уваженіе къ св. Церкви и ея уставамъ могутъ служить лучшимъ доказательствомъ того, что онъ лишилъ себя жизни въ припадкѣ меланхоліи или умоизступленія. Благочестіе семьи, среди которой случился грѣхъ самоубійства и ея искреннее горе о невозможности совершить заупокойное богослуженіе, также могутъ дать лишнее основаніе къ снисхожденію. Но если священнику достоверно извѣстно, что лишившій себя жизни сдѣлалъ это вслѣдствіе нравственной распущенности и религіознаго индифферентизма, или что онъ еще при жизни неоднократно грѣшилъ убить себя, желая этимъ кому нибудь отмстить, если онъ видитъ, что и родственники самоубійцы просятъ о его христіанскомъ погребеніи не столько изъ уваженія къ церковному обряду, сколько изъ боязни позора отъ людей, а между тѣмъ его отпѣваніе можетъ породить среди вѣрующихъ соблазнъ, то онъ и юридически и нравственно обязанъ отказаться отъ христіанскаго погребенія, если не желаетъ быть нарушителемъ церковныхъ законовъ. Въ случаяхъ же недоумѣнныхъ ему необходимо обращаться за совѣтомъ къ своему Епархіальному Епископу.

Такимъ образомъ, простое *разрѣшеніе* полиціи похоронить самоубійцу по христіанскому обряду отнюдь *не обязываетъ* священника къ совершенію церковнаго погребенія. Иное дѣло, если вмѣстѣ съ этимъ разрѣшеніемъ представлено удостовѣреніе врача психіатра о томъ, что покончившій съ собою сдѣлалъ это въ припадкѣ душевнаго расстройства. Въ такомъ случаѣ, къ сожалѣнію, священникъ обязанъ безпрекословно исполнить требованіе свѣтской власти, рискуя въ противномъ случаѣ подвергнуться юридической отвѣтственности предъ гражданскимъ закономъ. Говоримъ *къ сожалѣнію*, такъ какъ въ такомъ безусловномъ подчиненіи воли пастыря Церкви опредѣленію врачебной экспертизы мы видимъ ненормальность, несобразную съ высотой іерейскаго служенія. Не надо забывать, что психіатрія наука еще молодая и неустановившаяся, а потому и къ сужденіямъ ея представителей слѣдовало бы относиться съ бѣльшею осторожностью. Съ ихъ точки зрѣнія является ненормальностью всякое отступленіе отъ обычныхъ законовъ и типовъ душевной жизни, всякое нарушеніе душев-

наго равновѣсія. Понятно, что и самоубійство при такомъ взглядѣ должно показаться проявленіемъ душевнаго разстройства, какъ фактъ во всякомъ случаѣ исключительный и экстраординарный. Припомнимъ, какъ часто эксперты психіатры объясняютъ душевною болѣзнью преступленія только потому, что они отличаются выдающеюся жестокостью и видимою безпричинностью. Точка зрѣнія модной матеріалистической науки и точка зрѣнія здраваго нравственнаго сознанія совершенно расходятся здѣсь между собою. Съ другой стороны, врачъ, выдающій свидѣтельство о ненормальности самоубійцы, *de facto* не подлежитъ никакой отвѣтственности, ничѣмъ не рискуетъ, а потому при увлеченіи современными матеріалистическими вѣяніями и извѣстной долѣ религіознаго индеферизма, можетъ съ легкимъ сердцемъ выдать удостовѣреніе о душевной болѣзни умершаго, даже вопреки своему собственному внутреннему убѣжденію. А между тѣмъ это удостовѣреніе имѣетъ обязательную силу для священника и при томъ въ чисто религіозной сферѣ, въ той области, въ которой, по выраженію св. Іоанна Златоустаго, Богъ далъ ему власть, „которой не далъ ни ангеламъ, ни архангеламъ“ и которая настолько же превосходитъ свѣтскую власть, „сколько небо превосходитъ земли и души тѣль“ (Изд. С. П. Б. Д. А. 1898 г. т. 1 стр. 426). По нашему мнѣнію, психіатрическая экспертиза въ рѣшеніи вопроса о погребеніи самоубійцы должна была бы играть такую же роль, какую играетъ она въ уголовномъ судѣ при опредѣленіи виновности или невиновности преступника, т. е. имѣть лишь совѣщательное, а не рѣшающее значеніе. Въ такомъ случаѣ священникъ былъ бы избавленъ отъ печальной необходимости совершать христіанское погребеніе надъ самоубійцей, сознательность смерти котораго отлично извѣстна какъ ему самому, такъ и всѣмъ его прихожанамъ,—необходимости, мучительной для него самого и могущей породить великій соблазнъ среди вѣрующихъ. Въ такомъ случаѣ ему не пришлось бы испытывать и коллизіи между требованіемъ положительнаго гражданскаго закона и древне-церковными постановленіями. Нельзя говорить, что въ настоящее время при погребеніи завѣдомо сознательнаго самоубійцы совѣсть священника можетъ быть вполне покойна, въ виду того, что вся отвѣтственность переносится

въ такомъ случаѣ на врача, выдавшаго ошибочное или ложное удостовѣреніе. Такое перенесеніе отвѣтственности возможно, быть можетъ, въ сферѣ юридической, но не моральной. И мы сомнѣваемся, чтобы пастырь, съ развитымъ нравственнымъ сознаниемъ, могъ съ *легкимъ сердцемъ* стать оружіемъ лжи, исполнителемъ того, чего, по внутреннему убѣжденію, онъ не долженъ бы былъ исполнять. Держаться иного взгляда можно лишь съ точки зрѣнія, отождествляющей понятія юридической и нравственной вѣняемости, съ одной стороны, вѣшней наказуемости и моральной отвѣтственности, съ другой. Положить конецъ всему этому можно было бы лишь законодательнымъ предоставленіемъ священнику полной самостоятельности въ рѣшеніи вопроса о погребеніи самоубійць, что проектировалъ, по словамъ „Церковнаго Вѣстника“ и приснопамятный Амвросій, Архіепископъ Харьковскій.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ замѣтить, что высказывая свое *личное* мнѣніе о погребеніи самоубійць на страницахъ духовнаго журнала, мы далеки отъ мысли приписывать ему какое либо руководящее значеніе. Намъ хорошо извѣстно, что по данному вопросу существуютъ и другіе взгляды, что, на примѣръ, разрѣшеніе полиціи хоронить самоубійцу многими считается имѣющимъ для священника обязательное значеніе, что даже самыя церковныя правила, запрещающія стѣваніе лицъ, лишившихъ себя жизни, признаются иногда слишкомъ суровыми и несовременными. Мы были бы счастливы и въ томъ случаѣ, если бы своей замѣткой побудили кого либо изъ лицъ вполнѣ компетентныхъ въ области каноническаго права высказаться по занимающему насъ больному вопросу церковной практики.

Павелъ Левитовъ.

Чего требуютъ наши крестьяне отъ своего приходскаго пастыря.

По словамъ „Яросл. Епарх. Вѣд.“, нашъ народъ имѣетъ свой идеалъ пастыря, выработанный издревле жизненной практикой, съ точки зрѣнія котораго и опредѣляется достоинство того или иного пастыря.

Прежде всего пастырь разсматривается въ отношеніи исполненія своихъ обязанностей. И вотъ, если онъ *служитъ громко*,

внятно, выразительно, то прихожане очень этимъ довольны, и въ этомъ полагаютъ одно изъ главныхъ достоинствъ пастыря.

Далѣе, крестьяне любятъ, чтобы *Богослуженіе* начиналось въ *опредѣленное время* и *пораньше*, особенно лѣтомъ; они рано ложатся спать, за то рано и встаютъ, отправляясь къ Богослуженію до принятія пищи. Также совершенно противорѣчить крестьянскому образу жизни, когда пастыри служатъ вмѣсто утрени съ вечера всенощное бдѣніе: это удобно въ городахъ, но никакъ не въ сельскихъ приходяхъ.

Любятъ наши крестьяне священника, говорящаго въ церкви *поученія*: они приближаются тогда къ церковной каедрѣ и стараются не проронить ни одного слова. И если проповѣдь говорится „живымъ словомъ“, не книжная, а простая и понятная, то она возбуждаетъ въ нихъ чувство искренней благодарности къ проповѣднику. „Добру насъ научаютъ, дай имъ, Господи, здоровья“, говорятъ тогда крестьяне. Они вовсе не обижаются, если пастырь указываетъ на ихъ недостатки и пороки, напротивъ, благодарятъ за такія указанія. Они смотрятъ на священника не только какъ на требоисправителя, но какъ на *учителя и руководителя*.

Доступность пастыря имѣетъ также большое значеніе въ отношеніяхъ его къ прихожанамъ, проникнутыхъ *теплотою и сердечностью*; тогда-они открываютъ передъ пастыремъ свою душу. Съ другой стороны, они не высоко цѣнятъ такого священника, который слишкомъ спускается къ нимъ въ своихъ отношеніяхъ и держитъ себя съ ними за „панибрата“.

Высоко цѣнятъ крестьяне священника, не отказывающаго *побесѣдовать* съ ними *объ ихъ нуждахъ*, сельскомъ ихъ хозяйствѣ и матеріальномъ положеніи.

Любятъ они также пастыря, снисходительнаго къ ихъ бѣдности, *не берущаго много за тѣбы* и *не задерживающаго ихъ* съ совершеніемъ тѣбъ (крестинъ, похоронъ и пр.).

Таковы требованія крестьянъ въ отношеніи къ своему приходскому священнику. Молодой священникъ имѣетъ свой идеаль пастыря, составленный имъ по пастырскимъ посланіямъ св. Ап. Павла, по письмамъ о священствѣ св. Іоанна Златоуста и по другимъ источникамъ, напр. наукѣ руководства для пастырей. Мы видимъ, что идеаль, составленный

крестьянами, не расходится существенно съ книжнымъ идеаломъ; значить, пастырь долженъ имѣть въ виду и требованія прихожанъ. Вообще священникъ такъ долженъ относиться къ желаніямъ своихъ прихожанъ, чтобы въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу была полная гармонія, что такъ необходимо для успѣшности и плодотворности пастырскаго дѣла въ приходѣ. Ему слѣдуетъ „доброе свидѣтельство имѣть и отъ внѣшнихъ и быть всѣмъ вся, дабы всяко нѣкія спасти“.

Отрадно слышать, когда прихожанинъ говоритъ: „хорошій у насъ священникъ, дай ему, Господи, доброе здоровье“.

М. Т.

Религіозно-нравственныя чтенія въ г. Харьковѣ за 1903 годъ.

„Если я благоветвую, то нечѣмъ мнѣ хвалиться; потому что это необходимая обязанность моя, и горе мнѣ, если не благоветвую“ (1 Кор. 9, 16).

Религіозно-нравственныя чтенія въ городѣ Харьковѣ стали вестись въ систематическомъ порядкѣ съ 1903 года, съ благословенія Высокопреосвященнаго владыки Флавіана, нынѣ Митрополита Кіевскаго и Галицкаго, а внутренно развились и духовно укрѣпились при Высокопреосвященномъ владыкѣ Арсеніи. И до этого времени нѣкоторые ревностные къ дѣлу проповѣди священники вели собесѣдованія съ народомъ въ своихъ приходскихъ храмахъ и въ другихъ мѣстахъ. Такъ, напр., было въ Преображенской церкви (на Москалевкѣ), въ церкви и школѣ мѣщанской богадѣльни (на Холодной горѣ), на Основѣ въ церкви и въ Квиткинскомъ домѣ. Велись также и въ другихъ мѣстахъ (напр. на Паровозо-строительномъ заводѣ), но исключительно миссіонерскаго противосектантскаго характера. Впрочемъ эти чтенія и бесѣды съ народомъ не имѣли той организаціи, которая рассматриваетъ религіозно-нравственныя чтенія, какъ общій и постоянный способъ внѣбогослужебнаго духовнаго назиданія народа въ воскресные и праздничные дни, да при томъ же велись только по желанію отдѣльныхъ лицъ, не будучи общимъ дѣломъ и непремѣнной обязанностію всего городского духовенства, чѣмъ въ значительной степени и объясняется то обстоятельство, что въ

нѣкоторыхъ пунктахъ велись чтенія только короткое время, а затѣмъ и прекратились ¹⁾. Не было еще *общественной организаціи*, не было еще въ достаточной мѣрѣ выяснено значеніе общественныхъ задачъ духовенства въ дѣлѣ развитія и укрѣпленія религіозно-нравственныхъ чтеній въ интересахъ всего вообще *городского населенія*.

Чтобы поставить религіозно-нравственныя чтенія на вѣрный путь, чтобы упрочить ихъ судьбы въ будущемъ, чтобы сплотить и объединить все духовенство за этой высокополезной работой и святымъ трудомъ, общее пастырское собраніе городскихъ протоіереевъ и священниковъ, бывшее 26 ноября 1902 г. подъ предсѣдательствомъ Преосвященнаго Стефана, Епископа Сумскаго, постановило въ принципѣ образовать особыя проповѣдническіе кружки и открыть религіозно-нравственныя чтенія и собесѣдованія съ народомъ въ извѣстныхъ пунктахъ г. Харькова,—подъ тѣмъ условіемъ, чтобы тамъ уже неопустительно, на извѣстный періодъ времени, раздавалось слово церковной проповѣди и религіозно-духовнаго назиданія. Для организаціи какъ проповѣдническихъ кружковъ, такъ и дѣла религіозно-нравственныхъ чтеній была избрана особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ Преосвященнаго Стефана, изъ слѣд. лицъ: прот. П. Полтавцева, о. В. Бусыгина, о. І. Филевскаго (онъ же и дѣлопроизводитель), о. В. Шаповалова, о. Н. Зефирова, Д. И. Боголюбова (епархіальный миссіонеръ), о. Н. Жебинева, прот. Т. Буткевича, прот. І. Знаменскаго, о. П. Скубачевскаго и о. П. Фомина. На донесеніи о. благочиннаго, прот. П. Полтавцева объ этомъ постановленіи духовенства, Высокопреосвященный владыка Флавіанъ начерталь резолюцію: „*Богъ благословитъ доброе начало*“.

Такъ какъ только то дѣло спѣется, что творится добровольно и безъ принужденія, то, по предложенію Преосвящен-

¹⁾ По свидѣтельству прот. І. Чижевскаго, въ 1885—6 г. въ Дмитріевской церкви были открыты р.-нрав. чтенія, но продолжались не болѣе 3 мѣсяцевъ и затѣмъ были превращены за отсутствіемъ желающихъ ихъ слушать. По завлеченію о. А. Балановскаго рел.-нрав. чтенія велись въ Рождество-Богородицкой церкви въ концѣ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ, но не имѣли систематическаго характера и прекратились главнымъ образомъ потому, что слушателей собиралось весьма мало. То же самое свидѣтельствуеъ и о. Н. Любарскій о судьбѣ рел.-нрав. чтеній, бывшихъ въ 1889—1893 г. въ приходѣ Мирносицкой церкви.

наго Стефана, чтобы избѣжать всяческаго внѣшняго принужденія, были разосланы всѣмъ городскимъ пастырямъ слѣд. вопросы для отвѣта: *кто* изъ священниковъ желаетъ принимать участіе въ веденіи религіозно-нравственныхъ чтеній и *въ какихъ пунктахъ* желательво и необходимо открыть ихъ. Результатъ этого оповѣщенія и опроса былъ тотъ, что почти всѣ священники съ полной готовностію откликнулись на дѣло религіозно-нравственныхъ чтеній ¹⁾, хотя нѣкоторые изъ нихъ и „не ощущали особой потребности въ нихъ“, а другіе не видѣли въ нихъ „особой нужды, вызываемой выходящими изъ ряда обыкновенныхъ обстоятельствами“. Но многіе пастыри открытіе чтеній въ своихъ приходахъ считали не только полезнымъ, но и необходимымъ (мнѣніе священниковъ Каѳедральн. собора, Вознесенской церкви, Озерянской, Ивановской, Пантелеймоновской, Троицкой, о. В. Добровольскаго, о. М. Слуцкаго, о. П. Вишнякова), даже „крайне—необходимымъ“ (священникъ Св.-Духовской церкви), не только „желательнымъ“ (мнѣніе прот. Н. Ѳедорова, священникъ Воскресенской церкви, о. Г. Веденскаго), но и „крайне желательнымъ“ (Вознесенской церкви) и „несомнѣнно-благовременнымъ дѣломъ“ (священникъ Основы). Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, что одни приходскіе священники находили очень затруднительнымъ (Александро-Невская церковь), другіе неудобнымъ (Пантелеймоновская, Иоанно-Предтеченская, Благовѣщенская, Дмитріевская, Христо-Рождественская), а иные считали даже невозможнымъ (Воскресенская, Ивановская, Александро-Невская) вести чтенія въ своихъ храмахъ за вечерной по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ „по причинѣ накопленія требъ, крещеній и брако-вѣнчаній“ за этой службой. Но какъ показалъ опытъ,—лучшій въ этомъ отношеніи наставникъ,—эти опасенія сами собою разсѣялись въ виду очевиднаго удобства и пользы этихъ чтеній именно за вечерними службами, а прихожане, узнавъ,

¹⁾ Свящ. П. Ѳоминъ представилъ въ комиссію особую „записку“, въ которой онъ выясняетъ свои взгляды на дѣло и задачи народной проповѣди и религ.-нрав. чтеній. Было бы желательво ее напечатать въ ж. „Вѣра и Разумъ“ для ознакомленія всего епархіальн. духовенства съ тѣми способами, при помощи которыхъ онъ достигъ добрыхъ результатовъ въ своей сравнительно небольшой проповѣднической практикѣ какъ въ постановкѣ бесѣдъ съ народомъ, такъ и въ обученіи его церковному пѣнію въ храмѣ.

что часы вечернихъ воскресныхъ и праздничныхъ службъ предназначены для этихъ чтеній, и сами стали избирать другое время (послѣ поздней литургіи) для своихъ требъ (свидѣтельство священниковъ Св.-Духовской церкви). Нѣкоторыхъ священниковъ (Мироносицкой, Дмитріевской, Христо-Рождественской церкви) смущали не совсѣмъ удачныя „опыты прежнихъ лѣтъ“ при веденіи религіозно-нравств. чтеній; но и это опасеніе оказалось безсильнымъ и прежде всего для этихъ самыхъ пастырей въ виду того успѣха, какой дѣйствительно имѣли ихъ чтенія среди ихъ слушателей.

Прежде всего религіозно-нравственныя чтенія были открыты въ Покровскомъ монастырѣ. 12 января 1903 г., послѣ торжественной вечерни, Преосвященный Стефанъ сказалъ слово на текстъ: „сія есть жизнь вѣчная, да знаютъ тебя, Единаго Истиннаго Бога, и посланнаго Тобою Иисуса Христа“ (Іоан. 17,3), а священникъ Іоаннъ Филевскій провелъ первое чтеніе о 1 заповѣди блаженства Христова, а о. Зефировъ—житіе св. муч. Татіаны, прилучившееся на этотъ день. Съ тѣхъ поръ въ Покровскомъ монастырѣ каждый воскресный день послѣ вечерни велись религіозно-нравственныя чтенія, прерывавшіяся по случаю лѣтнихъ вакацій (отъ 18 мая по 1 октября). Проповѣдниками и чтецами были о. Н. Зефировъ, о. П. Вишняковъ, о. І. Филевскій и о. А. Лобковскій. Предметомъ чтеній было катехизическое изъясненіе заповѣдей блаженства, молитвы Господней и символа вѣры (догматическая часть чтеній) и житія святыхъ, прилучившихся дню воскресному или изъ текущей недѣли или-же имѣющаго отношеніе къ темъ чтеніямъ (церковно-историческая часть). Въ началѣ, срединѣ и концѣ чтеній слушатели общимъ пѣніемъ, при помощи монашескаго хора пѣли молитвы: „Царю небесный“, „Достойно есть“, „Богородице Дѣво, радуйся“, „Взбранной воеводѣ“, „Подъ Твою милость“, „Спаси Господи“ и тропари праздниковъ. Всѣхъ чтеній было 34, а слушателей, не исключая и интеллигентныхъ, было довольно много; на иныхъ чтеніяхъ бывало и болѣе 500 человекъ. Это обстоятельство одобряло и радовало проповѣдниковъ. Не можемъ не отмѣтить, что со стороны монашествующей братіи, особенно же со стороны о. архимандрита Іосифа

фа, проповѣдники встрѣчали полное сочувствіе, вниманіе и получали нерѣдко искреннюю благодарность. Покровскій монастырь—лучшее мѣсто для религіозно-нравственныхъ чтеній; имъ нужно особенно дорожить въ дѣлѣ развитія въ городскомъ населеніи любви къ духовно-нравственному назиданію.

Въ кафедральномъ соборѣ религіозно-нравственныя чтенія были открыты, по совершеніи вечерни Преосвященнымъ Епископомъ Стефаномъ, въ концѣ февраля 1903 г., и съ того времени продолжались въ воскресные дни во время вечерни (за исключеніемъ лѣтняго времени). Предметы чтеній: „о храмѣ и его устройствѣ, внутреннемъ и внѣшнемъ“; „житіе св. Григорія Паламы“; „житіе св. Маріи Египетской“; „о поклоненіи св. Животворящему Кресту“; „вѣрїе ап. Θомы“; „объ истинномъ богопозваніи“; „притча о сѣятелѣ“; „о любви ко врагамъ“; „о смиреніи“; „о вселенскихъ соборахъ“; „объ ангелахъ хранителяхъ“; „о злыхъ духахъ“; „о сострадательности“; „бесѣда объ исцѣленіи прокаженныхъ“; „житіе св. Александра Невскаго“; „житіе св. Петра, митр. Московскаго“; „радость Рождества Христа“; „о покаяніи“; „о гордости“; „о поминовеніи усопшихъ“. Для перваго раза признано было болѣе цѣлесообразнымъ выбирать темы или изъ воскреснаго Евангелія, или воспоминаемаго нашею церковію святаго. Со времени открытія чтеній было три архіерейскихъ вечерни, совершенныхъ Преосвященнымъ Стефаномъ. Слушателей бывало: 60—100—200 человекъ. Чтенія велись кафедральнымъ протоіереемъ о. С. Любицкимъ и священниками собора: о. І. Гончаревскимъ, о. В. Яновскимъ, о. Л. Твердохлѣбовымъ и о. Г. Виноградовымъ. Общаго пѣнія не было ¹⁾.

Дѣлопроизводитель комиссіи по устройству религіозно-нравственныхъ чтеній въ г. Харьковѣ *Священникъ Іоаннъ Филевскій*.

(Оговчаніе будетъ).

¹⁾ Свѣдѣнія эти доставлены о. прот. С. Любицкимъ о. благочинному, прот. П. Полтавцеву, благодаря любезности котораго мы собрали свѣдѣнія о религіозно-нравств. чтеніяхъ въ церквахъ его округа.

КУРЯЖСКАЯ ОБИТЕЛЬ

и ея Георгіевско-Петро-Павловскій храмъ (1673—1903 г.г.).

(Продолженіе *).

За неимѣніемъ прихожанъ и за неотводомъ земли для причта, за поступленіемъ всѣхъ зданій въ казну, причода въ Куряжѣ такъ и не было открыто. Ходить часто пѣшкомъ за девять верстъ для чтенія и пѣнія „низшихъ классовъ семинаристы“ едва ли имѣли охоту и возможность, а трапезныя кельи, безъ печей, никѣмъ не поддерживаемыя, пришли, конечно, въ такую ветхость, что „надежный іеромонахъ“ не захотѣлъ оставаться въ нихъ. Поэтому въ октябрѣ 1793 года Куряжъ былъ приписанъ къ Синолицевской церкви, почему архим. Василій сдалъ о. Іоанну Веселовскому, синолицевскому священнику, оставшуюся въ Куряжѣ церковную утварь и ризничныя вещи, а монастырь еще въ 1790 г., какъ свидѣтельствуется о томъ рапортъ о. Василя отъ 5 апрѣля сего года на имя преосвященнаго Θεоктиста, былъ окончательно обращенъ въ „рекрутскій лазаретъ“ и „магазинъ жизненныхъ припасовъ“.

Между тѣмъ о. Наркиссъ Квитка не перевезъ постигшаго его и православныя русскіе монастыри и въ частности благоустроенный имъ Куряжскій монастырь бѣдствія. Онъ тяжело занемогъ, такъ что не могъ управлять порученнымъ ему Голутвинскимъ монастыремъ. Вѣроятно, и ему онъ ожидалъ такой же участи, почему въ 1789 г. уволился на покой съ просьбой дозволить ему окончить дни свои на родинѣ въ Харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ. „За старостью (61 г.) и болѣзнями“ его уволили сюда съ назначеніемъ пристойныхъ келій и съ невозбраненіемъ священнодѣйствія, „когда для спасенія души своей пожелаетъ“, причемъ великодушно положили пенсію 150 р. въ годъ. Но въ Покровскомъ монастырѣ, занятомъ коллегіумомъ и квартирами наставниковъ, „не отыскалось болѣе пристойнѣйшихъ келій, кромѣ тѣхъ, которыя за колокольнею состоятъ,—келія въ одной связи съ двумя чуланами и чрезъ сѣни другая съ чуланомъ, которая можетъ служить и поварнею“. Два года въ этихъ чуланахъ прожилъ о. Наркиссъ, оплакивая опустошеніе и запустѣніе дорогого ему Куряжа и

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1904 г. № 3.

молясь Богу о наступленіи для иночества въ Россіи лучшихъ дней. Умеръ онъ 23-го апрѣля 1792 года въ день храмового праздника въ Куряжѣ и бывшихъ въ немъ ранѣе торжествъ, которыя о. Наркиссъ съ такимъ неподражаемымъ величіемъ устраивалъ, къ славѣ святой православной церкви, цѣлыхъ 18 лѣтъ. Какія картины рисовались въ его угасающемъ воображеніи: торжественное ли куряжское богослуженіе въ этотъ день, пріемъ ли имъ всей Харьковской знати, пушечная пальба и ликованія собравшагося множества народа; или будничные скромные, невидимые міру, подвиги братіи на назначавшихся имъ послушаніяхъ; или же поруганіе и опустошеніе дорогой ему обители,—это ушло съ нимъ въ могилу! Не можемъ сомнѣваться лишь въ томъ, что души основателей и благотворителей обители съ сочувствіемъ окружали умирающаго старца... Погребенъ онъ былъ въ Покровскомъ монастырѣ, вѣроятно, въ фамиліномъ склепѣ своихъ предковъ. Послѣ него осталось „съ одѣянія и другого прибора“ только то, что нужно было для погребенія; прочее все онъ роздалъ еще при жизни ¹⁾.

Будучи предоставлены самимъ себѣ, куряжскіе храмы, безъ попеченія, безъ ухода и ремонта скоро стали приходить въ запустѣніе и обветшаніе. Особенно храмъ св. Онуфрія, какъ стоящій внѣ монастыря и на сыромъ мѣстѣ. Въ алтарѣ Георгіевско-Петро-Павловскаго храма обнаружались значительныя трещины. Поэтому возникло дѣло о сломкѣ обоихъ этихъ храмовъ и „забраніи“ ихъ изъ монастыря.

2-го октября 1790 г. отъ Харьковской Димитріевской церкви священника Григорія Якубенскаго и приходскихъ людей титулярнаго совѣтника Василя Квѣтки, секретарей Якова Татарчукова и Петра Бѣлявскаго, регистраторовъ Ивана Флавѣцкаго и Ивана Гутовича, купца Артема Провалова и „прочихъ съ товарищи“ поступило къ бѣлоградскому Преосвященному Θεоктисту прошеніе „о дозволеніи имъ въ упраздненномъ Старо-Харьковскомъ Преображенскомъ монастырѣ первую трапезную св. апостолъ Петра и Павла и великомученика Георгія, а вторую преподобнаго Онуфрія каменные церкви, по ихъ ветхости, забрать

¹⁾ См. дѣло „о умертвіи архимандрита Наркисса“, 1792 г. Склепъ же Квитокъ, по свидѣтельству преосв. Филарета, находится въ нижней церквѣ Трехъ Святителей предъ лѣвымъ вѣтрисомъ.

для построения приходской ихъ церкви, которая также время отъ времени приходитъ въ ветхость, почему они вновь намѣревы строить церковь, но для перестройки оной деревяннымъ зданіемъ нужнаго вдобавокъ дерева купить вблизи города Харькова негдѣ, а для каменной въ предмѣстіи городскомъ свободныхъ земель къ устройенію кирпичнаго завода не имѣется, и въ дровахъ состоитъ недостатокъ, отъ чего великая дороговизна“. Но такъ какъ настоятель Покровскаго монастыря, ректоръ Василій, еще годомъ равнѣ (28-го декабря 1789 г.) обратился къ его свѣтлости высокоповелительному г. генерал-фельдмаршалу, Екатеринославскаго, Харьковскаго и Таврическаго намѣстничества генералъ-губернатору князю Г. А. Потемкину Таврическому съ просьбой о „опредѣленіи онаго Старохарьковскаго монастыря къ училищному монастырю для загороднаго дома, то ректоръ Василій былъ запрошенъ, не получилъ-ли онъ отвѣта на свою просьбу и нужно-ли ему для будущаго загороднаго дома Георгіевско-Петропавловская и Онуфріевская церкви. Къ счастью оказалось, что о. Василій отвѣта отъ его свѣтлости еще не получалъ. Но желая спасти Куряжскіе храмы отъ разрушенія и не теряя надежды на восстановление любимой харьковцами обители, о которой они весьма сокрушались, онъ постарался отклонить корыстную просьбу Дмитріевскихъ прихожанъ, тѣмъ болѣе, что какъ жалобы ихъ „на крайня изнеможенія“ въ приобрѣтеніи строительныхъ матеріаловъ, такъ и изображеніе ветхости церквей были явно и даже недобросовѣстно преувеличены. О. Василій отвѣтилъ бѣлградской консисторіи, что „отъ его свѣтлости о показанномъ монастырѣ никакой до селѣ резолюціи не послѣдовало, но оной еще ожидается. Касательно-же означенныхъ Онуфріевской и Петро-Павловской церквей, то оныя 1) и для самаго того монастыря нужны въ разсужденіи томъ, что съ нихъ, если пустить кирпичъ въ продажу, то тѣмъ ветхости, тамъ состоящія, исправлять бы можно и 2) тако жъ можно бы съ нихъ въ Харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ хотя часть ограды сдѣлать, въ коей на означенномъ по плану мѣстѣ можно выстроить лавки, которыя на училища приносили-бъ прибыль или въ сиропитательномъ домѣ соорудить нужную ограду“. Въ виду этого отвѣта духовное правленіе постановило: церкви

пока „ни на что не употреблять“, а по полученіи отвѣта отъ высокоповелительнаго князя Патемкина имѣть „особое разсмотрѣніе“ ¹⁾. Но высокоповелительный князь такъ, конечно, и не отвѣтилъ, и Дмитріевскіе строители напрасно ждали готоваго матеріала для своей постройки... Это молчаніе и спасло Куряжскіе храмы отъ разоренія, а обитель отъ окончательнаго запустѣнія.

Епископъ Стефанъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Архіерейское богослуженіе 19 февраля.

19-го февраля, по случаю 43-й годовщины освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, въ Кааедральномъ соборѣ была совершена Преосвященнымъ Стефаномъ, Епископомъ Сумскимъ, въ сослуженіи соборнаго и городского духовенства, лтургія Преждеосвященныхъ Даровъ и послѣ оной благодарственное Господу Богу молебствіе, съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому и Богохранимой Россійской Державѣ и вѣчной памяти въ Возѣ почивающему освободителю крестьянъ, Императору Александру II Николаевичу. Предъ началомъ молебствія Преосвященнымъ Стефаномъ было произнесено высоковазидательное слово, ярко обрисовавшее освободительныя и просвѣтительныя реформы Императора Александра Николаевича. „Бранные труды и заботы великаго Государя Александра Николаевича, сказали, между прочимъ, Владыка, весьма много сократили господство мусульманскаго міра, возстановили на значительной части турецкой имперіи прежнее господство Церкви Христовой и дали ей возможность поступательнаго хода внутрь Азій къ предѣламъ уже языческаго міра, дали милліонамъ угнетенныхъ братій нашихъ свободно вздохнуть послѣ многолѣтняго вѣжа, покрыли неувядаемою славою и честію наше отечество. Возблагодаримъ же гласомъ велиимъ Господа Бога за то, что онъ воздвигъ намъ въ свое время такого великаго Государя, царствованіе котораго составляетъ одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ не только рус-

¹⁾ Дѣло 17 октября 1790 г.

ской, но и всемірной исторіи, а имя котораго навсегда останется однимъ изъ славнѣйшихъ именъ въ числѣ властителей міра^{*)}).

На богослуженіи присутствовали г. Начальникъ губерніи, С. Н. Гербель, г. попечитель учебнаго округа т. с. М. М. Алексѣенко, г. городской голова д. с. с. А. К. Погорѣлко и много молящихся.

Архіерейскія богослуженія 15-го, 21-го и 22-го февраля.

Въ воскресенье, 15-го февраля, Преосвященнымъ Стефаномъ, Епископомъ Сумскимъ, совершена была вечерня въ Кресто-Воздвиженской (Мироносицкой) церкви.

21-го февраля, по случаю чрезвычайнаго собранія дворянъ Харьковской губерніи, предъ открытіемъ собранія Г. Начальникомъ Харьковской губерніи, въ залѣ дворянскаго собранія, въ присутствіи всѣхъ дворянъ и приглашенныхъ семействъ ихъ, былъ отслуженъ молебенъ Преосвященнымъ Стефаномъ, Епископомъ Сумскимъ, о здравіи Государя Императора и всей Царской Семьи и христолюбиваго воинства и о дарованіи побѣды надъ врагомъ нашимъ. Предъ началомъ молебна Епископомъ Стефаномъ была произнесена соотвѣтственная случаю рѣчь^{**)}).

22-го февраля Преосвященнымъ Стефаномъ совершена была, соборне, божественная литургія въ Кааедральномъ соборѣ.

— Въ тотъ же день Его Преосвященство изволилъ совершить вечерню въ Рождество-Богородичной (Каплуновской) церкви.

35-лѣтіе служенія въ священномъ санѣ.

9-го марта исполнится 35 лѣтъ служенія въ священномъ санѣ настоятеля церкви Харьковской губернской тюрьмы священника о. Θεодора Кіаницына.

Освященіе Харьковской Александро-Невской церковно-приходской двухклассной женской школы.

5-го февраля на Заяковѣ состоялось освященіе Александро-Невской церковно-приходской двухклассной женской школы. Божественную литургію въ мѣстномъ храмѣ совершилъ Преосвященный Стефанъ, Епископъ сумскій, въ сослуженіи городского и приходскаго духовенства, причесъ пѣли два ученическихъ хора, мужскій и женскій, а важнѣйшія пѣснопѣнія литургій и догмативъ 6-го гласа исполнили всѣ учащіеся обѣихъ школъ въ количествѣ 860 душъ. Изъ храма всѣ учащіеся съ крестнымъ ходомъ направлялись въ зданіе женской школы, гдѣ въ актовомъ залѣ предъ чудотворнымъ образомъ Озерянской Божіей Матери Преосвященный Стефанъ совершилъ чинъ освященія зданія, при этомъ обратился къ

^{*)} Слово это въ полномъ видѣ будетъ напечатано въ слѣдующемъ № нашего журнала. ^{**)} Она тоже будетъ напечатана въ слѣдующемъ № журнала.

присутствующимъ съ глубоко-прочувствованнымъ словомъ, въ которомъ отмѣтила примѣрную христіанскую любовь учредителя школы свящ. Н. Сокольскаго какъ къ „малымъ симъ“, такъ и къ взрослымъ, жаждущимъ знанія истинъ вѣры и нравственности. Послѣ многолѣтня прихожане чувствовали о. Сокольскаго поднесеніемъ ему цѣннаго образа святителя Николая. Торжество закончилось трапезой на которой произнесены были тосты за оберъ-прокурора Св. Синода, его товарища, почетную попечительницу школы Е. А. Побѣдоносцеву, Высокопреосвященнаго Арсенія и Преосвященнаго Стефана, попечителя округа, начальника губерніи и его супругу, городского голову и за многихъ другихъ. Здѣсь же прочитаны были полученныя поздравительныя телеграммы и письма отъ г. оберъ-прокурора Св. Синода и его супруги, Иннокентія, еп. Тамбовскаго, проф. Н. Ф. Сумцова, Н. А. Северена и многихъ другихъ.

Страничка изъ летописи Дмитріевской церкви г. Харькова.

Большинство харьковцевъ, безъ сомнѣнія, будетъ очень удивлено, когда услышитъ, что Дмитріевская церковь, находящаяся нынѣ на одной изъ лучшихъ улицъ г. Харькова, была раньше кладбищенскою церковью. Нѣкоторые отнесутся къ этому, пожалуй, и съ недоумѣніемъ.

Между тѣмъ, мы имѣемъ подъ рукой документальныя доказательства этого. Документы мы почерпнули изъ архива *Курской* духовной консисторіи ¹⁾. Изъ этихъ документовъ выясняется не только то, что при Дмитріевской церкви было кладбище, но—что еще интереснѣе—выясняется время и обстоятельства, при которыхъ были уничтожены находящіеся здѣсь видимые признаки кладбища, какъ то: могилы, надгробные памятники и пр.

Документы наши относятся къ 1786 году.

Въ это время въ Харьковѣ, какъ извѣстно, ожидался проѣздъ Ея Величества Императрицы Екатерины II, возвращавшейся изъ Крыма въ Петербургъ ²⁾. Естественно, что ожиданіе Высочайшаго проѣзда заставило бывшаго тогда генераль-губернатора Харьковскаго и Воронежскаго намѣстничествъ генераль-поручика Василя Алексѣевича Черткова принять всѣ мѣры по приведенію города въ надлежащій видъ и порядокъ, въ особенности по тѣмъ улицамъ, гдѣ долженъ былъ состояться Высочайшій проѣздъ. А такъ какъ Дмитріевская церковь стояла именно на Екатеринославской „преспективѣ“, по которой должна была проѣхать Государыня, то распоряженія генераль-губернатора коснулись и этой церкви.

¹⁾ Въ XVIII вѣкѣ, какъ извѣстно, Харьковъ не имѣлъ самостоятельной епископской кафедры, а относился къ Бѣлгородской епархіи.

²⁾ Императрица Екатерина возвращалась изъ Крыма въ 1787 году.

Вниманіе генераль-губернатора Черткова было привлечено, во-первыхъ, обветшалой наружностью Дмитріевской церкви, во-вторыхъ, тѣмъ, что колокольня вдалась въ улицу, и въ третьихъ, надгробными памятниками, находившимися здѣсь „по бывшему тамъ кладбищу“. Указывая на эти обстоятельства, генераль-губернаторъ отношеніемъ въ Харьковское духовное правленіе предложилъ: церковь починить, гдѣ нужно, и выкрасить бѣлою, а кровлю красною или темно-спнею краскою, колокольню „переставить или передвинуть на линію“ и тоже соотвѣтственно выкрасить, наконецъ, „надгробные признаки снявъ, могилы разровнять и ограду церкви по улицѣ, сдѣлавъ прѣличною, выкрасить“.

Вслѣдствіе такого предложенія въ духовномъ вѣдомствѣ возникла цѣловая переписка, которую въ настоящее время мы и имѣемъ подъ рукою.

Духовное правленіе сочло необходимымъ сообщить содержаніе отношенія генераль-губернатора бывшему тогда Бѣлгородскому Преосвященному Аггею на его благоусмотрѣніе и сообщило это доношеніемъ отъ 12 мая 1786 года. Преосвященный Аггей предписалъ консисторіи разсмотрѣть предложеніе генераль-губернатора на основаніи законовъ. Консисторія представила свой докладъ по этому дѣлу 13 іюля, при чемъ сдѣлала такое опредѣленіе касательно Дмитріевской церкви: „колокольню перенести по прѣстойности церкви въ лучшую линію, церковь починить и покрасить, *признаки гробныя съ могилъ снять, а сіи сравнять и засыпать пескомъ*, ограду, всдѣлавъ по прѣличію, раскрасить по мѣстамъ дымчатою и зеленою краскою“.

Преосвященный Аггей на этомъ докладѣ положилъ резолюцію отъ 15 іюля 1786 года: „Учинить по сему“.

При такихъ обстоятельствахъ состоялся указъ объ уничтоженіи кладбища при Дмитріевской церкви г. Харькова ¹⁾.

Священникъ *Іосифъ Ломакинъ*.

Двадцатипятилѣтіе издательской дѣятельности Троицкой Сергіевой Лавры.

1-го февраля тек. года исполнилось XXV-лѣтіе издательской дѣятельности Свято-Троицкой Сергіевой Лавры. Издательская дѣя-

¹⁾ „Южн. Край“.

тельность обители Преподобнаго Сергія началась, строго говоря, съ «Троицкихъ Листковъ». До этого Лавра печатала по слов. «Моск. Церк. Вѣд.» только книги, необходимыя для ознакомленія богомольцевъ съ исторіей обители: Историческое описаніе Лавры, житіе пр. Сергія, написанное Митрополитомъ, указатель святынь Лавры, монастырскія письма и т. п.

Многіе стали просить листки сотнями в тысячами, желая принять участіе въ ихъ распространеніи. Поэтому листки пущены были и въ продажу, причемъ вся выручаемая сумма шла на печатаніе тѣхъ же листковъ, на изданіе духовно-нравственныхъ книгъ въ томъ же духѣ, какъ и самые листки, а въ послѣдніе годы—на устройство и содержаніе типографіи при Лаврѣ, гдѣ теперь печатаются всѣ ея изданія. Нѣкоторые листки печатаются еще и въ форматѣ копѣчныхъ книжекъ, коихъ вышло болѣе 400 названій. Листковъ же выпущено съ начала изданія по сіе время, въ теченіи 25 лѣтъ, до 1200 №№ или названій, въ количествѣ, считая и книжки, до 114,500,000 оттисковъ. Имѣется систематическій указатель содержанія всѣхъ этихъ „Листковъ“. Не ограничиваясь листками, редакція нашла возможнымъ, особенно съ открытіемъ собственной типографіи, печатать: 1) небольшія книжки для болѣе образованныхъ читателей подъ названіемъ «*Троицкіе Цвѣтки*», коихъ вышло до 46 №№; 2) книжки подъ названіемъ «*Троицкая Народная Бесѣда*», по содержанію своему представляющія или подборъ однородныхъ листковъ: «Всѣмъ пьющимъ и не пьющимъ», «Всѣмъ скорбящимъ во утѣшеніе», «Троицкій Подарокъ для Русскихъ дѣтей», и под., или же самостоятельныя статьи, немогущія по размѣрамъ войти въ листокъ. Такихъ вышло до 25 №№. Кромѣ того до сего времени напечатано уже шесть томовъ такъ называемой „*Троицкой Библіотеки*“ и 4 изданія „*Житія и подвиговъ пр. Сергія*“. Затѣмъ Редакціей „Троицкихъ Листковъ“ выпущено за XXV-лѣтній срокъ болѣе 3,000,000 образковъ и изданы двѣ большія иконы для школъ. Въ послѣднее время Редакціей предприняты изданіе педагогическаго журнала для народныхъ школъ подъ названіемъ „*Божія Нива*“, съ приложеніемъ особыхъ чтеній для дѣтей подъ названіемъ „*Зернышки Божіей Нивы*“.

Господь Богъ да благословитъ Обитель и на будущее время распространять ея многополезныя изданія и да подкрѣпитъ силы достопочтеннаго о. редактора этихъ изданій—архимандрита Никона!

Разныя извѣстія и замѣтки.

Христіанская кончина.

Въ воскресенье, 16-го ноября минувшаго года, священникъ с. Черницы, Волинской губерніи, Владиміръ Кришпивовичъ—всталъ утромъ очень рано, какъ обыкновенно въ праздничные дни, отслужилъ утреню и литургію съ обычнымъ одушевленіемъ и благоговѣніемъ и послѣ многолѣтія сталъ поучать народъ, что онъ большею частью дѣлалъ послѣ иѣнія „Буди имя Господне“. На сей разъ онъ объяснялъ по Евангелію притчу о Милосердномъ Самарянцѣ. Окончивши всю проповѣдь и закрывая Евангеліе, онъ зашатался и упалъ на землю, головой къ иконѣ Богоматери и чрезъ минуту скончался. Падая, онъ взглянулъ на небо и потомъ на семью свою, которая почти вся въ это время находилась въ церкви и была свидѣтельницей столь замѣчательной кончины своего отца. („Волин. Еп. Вѣд.“).

Штрафъ за непочитаніе праздниковъ.

По сообщенію „Таганр. Вѣстн.“ волостной старшина слоб. Оедоровки выступилъ на защиту святости праздниковъ: человекъ пятнадцать мѣстныхъ крестьянъ были подвергнуты имъ штрафу въ размѣрѣ рубля каждый, а при несостоятельности—аресту на 2 дня „за публичное непочитаніе святости воскресныхъ дней“.

Смѣсь, дѣлающая обувь непромокаемою.

Взять $\frac{2}{5}$ штоф. варенаго льнянаго масла, $58\frac{1}{2}$ золотниковъ бараньяго сала, $33\frac{1}{2}$ золотника пчелнаго воска, 14 золотниковъ смолы—в все расплавить на огнѣ (все это можно достать въ аптекѣ). Слегка нагрѣтою смѣсью смазать хорошо просушенные сапоги.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Въ Буряжскомъ Преображенскомъ монастырѣ имѣется лишній иконостасъ со всѣми иконами, мѣрою 12 арш. ширины. Онъ можетъ быть пригоденъ для к. л. новостроющейся церкви. Об условіяхъ уступки его можно узнать у казначея монастыря, іеромонаха Гермогена.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

Защита Животныхъ

ОРГАНЪ

Главнаго Правленія Россійскаго Общества Покровительства Животнымъ.

Журналъ содержитъ слѣдующія отдѣлы:

1) Извѣстія о дѣятельности Общества, 2) Научное обозрѣніе, 3) Беллетристическій отдѣлъ, 4) Поученія и бесѣды, 5) Обзоръ спеціальной литературы, 6) Разныя извѣстія, 7) Корреспонденція, 8) Вопросы и отвѣты.

Приложенія: А) Общедоступные рисунки и таблицы съ указаніемъ, какъ обращаться съ животными. Б) Разказы, повѣсти и сказки для дѣтей, научающіе любить животныхъ.

Новый журналъ подъ названіемъ «Защита Животныхъ» будетъ издаваться ежемѣсячными книжками, начиная съ 15 Января 1904 года. Программа журнала служитъ достаточнымъ показателемъ, какъ его направленія, такъ и тѣхъ средствъ, которыя редакція признаетъ удобными для выполнения принятыхъ на себя задачъ, оговариваясь, что беллетристическому отдѣлу будетъ посвящено особое вниманіе. Не меньше заботъ, по мнѣнію редакціи, заслуживаетъ Отдѣлъ о дѣятельности Общества. Такъ какъ матеріаломъ для этого отдѣла главнымъ образомъ будутъ служить свѣдѣнія, исходящія отъ такого компетентнаго учрежденія, какъ Главное Правленіе, то съ полной увѣренностью можно сказать, что подписчики журнала «Защита Животныхъ» будутъ имѣть ясную и безошибочную картину дѣятельности и жизни Россійскаго Общества Покровительства Животнымъ, а редакція всѣми силами будетъ стараться привлекать въ число сотрудниковъ самыхъ выдающихся представителей науки и литературы.

Редакція почтетъ себя счастливой, если между ею и подписчиками съ первыхъ же дней жизни новаго журнала установится полное общеніе, почему, приглашая подписчиковъ обращаться по всѣмъ интересующимъ ихъ вопросамъ въ редакцію, она общается не оставляя въ предѣлахъ возможности этихъ вопросовъ безотвѣтными.

Подписная плата съ доставкой и пересылкою 2 руб. въ годъ со всѣми приложеніями (за границу 3 руб.).

За перемѣну адреса 20 к. (почтовыми марками).

За объявленія взимается: за 1 страницю 25 р., $\frac{3}{4}$ стр. 20 р., $\frac{1}{2}$ стр. 15 р., $\frac{1}{4}$ стр. 10 р., $\frac{1}{8}$ стр. 5 р. Если объявленіе печатается 6 разъ, то дѣлается скидка 100/0, а если 12 разъ, то—200/0.

Подписка принимается въ канцеляріи Главнаго Правленія Общества Покровительства Животнымъ, Надежденская 15, зданіе Главнаго Управленія Государственнымъ Коннозаводствомъ, и во всѣхъ отдѣлахъ Общества.

Присемъ не прилагается подлинное объявленіе журнала „Защита Животныхъ“.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсувскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го в идею священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованіе евреевъ въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средне-вѣковая мысль и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправныя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществоми?“ В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная аналогія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковского.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православною и протестантскою проповѣднической миссіонаріи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) вкратчѣ“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ еднотворія“. П. Омирова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Сааля и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковского.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—Статья объ антихриствѣ. Профес. А. Д. Бѣлаева.—„Книга Руфъ“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Тамбовскаго).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія монашка“. Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Ляницкаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—Чтенія по космологіи Профес. В. Д. Бударцева.—„Законъ жизни“. Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковского.

А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана, Фурье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ П. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначены, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей на почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О переизмѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплачивали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Рectorъ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ ЗНАМЕНСКІЙ
Дѣйств. Статск. Совѣтникъ Константинъ ВОТОВНИКЪ.